

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

На правах рукописи

УДК: 316.6+23/28

ББК: 88.5 (2 рус)

Г- 96

ГУСЕВА ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА

**ОСОБЕННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ
ФАНАТИЧЕСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛИЧНОСТИ**

Специальность 19.00.05 – Социальная психология
(психологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук,
доцент А. Ю. Чернов

Душанбе – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ Я-КОНЦЕПЦИИ ФАНАТИЧЕСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛИЧНОСТИ.....	20
1.1. Социально-психологические критерии религиозного фанатизма.....	20
1.2. Теоретический анализ Я-концепции религиозной личности.....	45
1.3. Теоретическая модель Я-концепции фанатической религиозной личности.....	70
Выводы по первой главе.....	88
ГЛАВА 2. РАЗРАБОТКА ОПРОСНИКА ДИАГНОСТИКИ УРОВНЯ РЕЛИГИОЗНОГО ФАНАТИЗМА	91
2.1. Проблема инструмента измерения уровня религиозного фанатизма.....	91
2.2. Проверка валидности опросника.....	93
2.3. Оценка согласованности пунктов и факторной структуры опросника.....	101
2.4. Оценка надежности опросника.....	107
Выводы по второй главе.....	108
ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ Я-КОНЦЕПЦИИ ФАНАТИЧЕСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛИЧНОСТИ.....	109
3.1. Общая характеристика и дизайн исследования.....	109
3.2. Кластерный анализ показателей религиозного фанатизма.....	117
3.3. Особенности описательного компонента Я-концепции фанатической религиозной личности.....	119
3.4. Особенности эмоционально-оценочного компонента Я-концепции фанатической религиозной личности.....	126
3.5. Особенности взаимосвязей элементов Я-концепции фанатической религиозной личности с составляющими религиозного фанатизма	140
3.6. Основы социально - психологической профилактики религиозного фанатизма.....	150
Выводы по третьей главе.....	155
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	158
Рекомендации по практическому использованию результатов исследования.....	164
Список литературы.....	169
Приложения.....	194

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования:

Исследование Я-концепции является одной из фундаментальных проблем в социальной психологии.

Я-концепция изучается в социальной психологии с разных сторон и в комплексе с другими психологическими и социально-психологическими феноменами. Это позволило накопить обширные теоретические и эмпирические данные относительно содержания, структуры и функций Я-концепции, установить взаимосвязи Я-концепции с когнитивными, аффективными и поведенческими сферами индивидуальности в их приложении к социально-психологическим явлениям и процессам (А.Г. Абдуллин, 2012; Р.Бернс, 1986; Г.М. Галуцкий, 2018; И.С. Кон, 1981; А.В. Косов, 2016; Е.И. Кустова, 2016; Дж. Мид, 2009; О.Н. Молчанова, 2016; Т. А. Рощенко, 2018; Е.Т. Соколова, 2010; А.Г. Спиркин, 2011; В.В. Столин, 1983; И.И. Чеснокова, 1977)¹.

Одним из распространенных направлений исследования Я-концепции в социальной психологии является изучение ее видов. Имеется большое количество работ, в которых рассматривается специфика различных видов Я-концепции. Так профессиональной Я-концепции уделено внимание в исследованиях С.Т. Джанерьян, 2005; О.В. Ефрюшкиной, 2009; Т.Л. Калининой, 2016; Н.Ю. Митюриной, 2002; А.М.Рикель, 2012; Л.В. Рыкман, 2004; О.Д. Халтагаровой, 2003². Н.А. Ефремова (2004)

¹ Абдуллин А.Г. «Образ Я» как предмет исследования в зарубежной и отечественной психологии // Вестник ЮурГУ. – 2012. – №6. – С. 4-11. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание – Москва, 1986. – 422 с. Галуцкий Г.М. Формирование культурной политики: Я-концепция против Мы-концепции// Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2018. – Т. 2016. – С. 65-78. Кон И.С. Категория «Я» в психологии // Психологический журнал. – 1981. – Т. 2. – №3 – С. 25-38. Косов А.В. Я-концепция как метамиф и система личностных мифов// Материалы I-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики». – Калуга, 2016. – С. 477-486. Кустова Е.И. Межличностное общение и коммуникации – СПб, 2016. – 128 с. Мид Д. Г. Избранное: Сб. переводов – М., 2009. – 290 с. Молчанова О. Н. Самооценка. Теоретические проблемы и эмпирические исследования – М., 2016. – 460 с. Рощенко Т.А. Я-концепция и ее структура// Материалы XVII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции: Проблемы теории и практики современной психологии.– 2018. – С. 33-34. Соколова Е.Т. Психотерапия. Теория и практика. – М., 2010. – 368 с. Спиркин А.Г. Философия. – М., Юрайт, 2011. – 832 с. Столин В.В. Самосознание личности. – М., 1983. – 288 с. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии – М., 1977.– 142 с.

² Джанерьян С. Т. Профессиональная Я-концепция: системный подход: дис. ... д-ра психол. наук – Ростов на-Дону, 2005. – 442 с. Ефрюшкина О.В. Я-концепция личности как субъекта труда в контексте организационной культуры: дис. ... канд. психол. наук – Хабаровск, 2009. – 257 с. Калинина Т.Л. Общее

описывает особенности Я-концепции родителей³. И.Н. Дашковской (2012) исследована специфика самосознания незамужних женщин⁴. О.В. Голубь, 2004; И.П. Ордина, 2012; Е.И. Щепланова, 2016 описывают Я-концепцию подростков⁵. Структурные компоненты Я-концепции коммуникативно успешной личности раскрывает Ж.А. Максименко (2008)⁶. Работа С.А. Щebetенко (2004) посвящена Я-концепции читателя, работа М.Г. Селюч (2008) – Я-концепции руководителя. Л.А. Цыбаева (2005) исследует Я-концепцию участников боевых действий. Ю.Ю. Докукина (2017) – Я-концепцию личности в контексте организационной культуры⁷.

В этой связи обращает на себя внимание дефицит работ, посвященных социально-психологическим аспектам самосознания в такой социально значимой сфере как религия. В то же время религиозная Я-концепция, как один из видов Я-концепции личности, вызывает несомненный научный интерес. В особой мере это относится к рассмотрению Я-концепции в связи с проблемой религиозного фанатизма. В современный век глобализации и религиозной конкуренции в различных регионах мира отмечается всплеск религиозного фанатизма, тесно связанного с такими опасными для общества явлениями как терроризм и экстремизм.

видение и Я-концепция учителя-лидера // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. – № 7-2. – С. 92-95. Митюрин Н.Ю. Профессиональная Я-концепция как фактор профессионализма сотрудников правоохранительных органов: дис. ... канд. психол. наук – Москва, 2002. – 173с. Рикель А.М. Профессиональная Я - концепция и организационная культура как факторы успешной карьеры: дис. ...канд. психол. наук – Москва, 2012. – 263с. Рыкман Л.В. Особенности Я-концепции студентов лицея на начальном этапе профессионального самоопределения: дис. ... канд. психол. наук – СПб., 2004. – 177 с. Халтагарова О.Д. Гражданственность как компонент Я-концепции государственного служащего: дис. ...канд. психол. наук – Москва, 2003. – 166 с.

³ Ефремова Н.А. Психологическое содержание Я-концепции родителя: дис. ... канд. психол. наук. – Омск, 2004. – 204 с.

⁴ Дашковская И.Н. Особенности Я-концепции и специфика самосознания незамужних бездетных женщин: дис. ...канд. психол. наук – Москва, 2012. – 203 с.

⁵ Голубь О.В. Доверие к себе как внутриличностное образование старших подростков: дис. ... канд. психол. наук – Ростов-на-Дону, 2004. – 199 с. Ордина И.П. Формирование позитивной Я-концепции у одаренных старшеклассников: дис. ...канд. психол. наук – Екатеринбург. – 2012. – 193 с. Щепланова Е.И. Интеллектуальная Я-концепция одаренных подростков // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2016. – Т. 9, № 4. – С. 23-38.

⁶ Максименко Ж.А. Особенности структурных компонентов Я-концепции коммуникативно успешной личности: дис. ... канд. психол. наук – Москва, 2008. – 223 с.

⁷ Щebetенко С.А. Я-концепция, эмпатия и психологическая близость в отношениях читателя к литературным персонажам: дис. ...канд. психол. наук – Пермь, 2004. – 162с. Селюч М.Г. Системная концепция творческого Я руководителя образовательного учреждения: дис. ...д-ра психол. наук – Москва, 2008. – 377с. Цыбаева Л.А. Психологические особенности Я-концепции офицеров, участников боевых действий, уволенных в запас: дис. ...канд. психол. наук – Хабаровск, 2005. – 185 с. Докукина Ю.Ю. Я-концепция личности сотрудника в контексте организационной культуры// Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд сборник материалов XLVI Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 59-68.

Фанатично настроенные группы не только используются, но и умело создаются всевозможными политическими силами для решения своих определенных задач, часто не соответствующих сверхценным идеям рядового члена - фанатика.

Таким образом, актуальность данного исследования определяется тем, что оно направлено на решение важной научной проблемы, до сих пор не получившей в социальной психологии достаточного решения. Ее суть в том, что без достаточно полного ответа остаются вопросы, связанные с социально-психологическим содержанием Я-концепции религиозного фанатика, гендерной спецификой этого содержания, его взаимосвязей с когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферой личности. Не разрешенным остается вопрос социально-психологической диагностики религиозного фанатизма. Без ответа на эти вопросы общая картина Я-концепции религиозной личности и Я-концепции фанатической религиозной личности останется не полной. Актуальность работе придает и ее практический аспект, связанный с возможными негативными последствиями проявления фанатической религиозной Я-концепции и отсутствием адекватных средств их профилактики в современном мире непрекращающихся межконфессиональных конфликтов и войн, в которых принимают активное участие фанатично настроенные верующие. По меткому выражению М.Я. Яхьяева (2006) фанатизм на сегодняшний день «стал идейным оружием правящих элит в борьбе за предотвращение социальных и национально-освободительных революций, за сохранение современного мирового порядка. Сегодня религиозный фанатизм превратился в средство политической борьбы, контролируется, финансируется и управляется политическими элитами»⁸.

Со слов специалиста в области исследования терроризма – Д.В. Олышанского (2002)⁹, большинство террористов – религиозные фанатики. Экстремизм также тесно связан с феноменами фанатизма и терроризма. При этом, по официальным данным главного управления правовой статистики генеральной прокуратуры Российской Федерации в январе-ноябре 2022 года зарегистрировано 2109 преступлений

⁸ Яхьяев М. Я. Религиозный фанатизм как социально-исторический феномен: автореф. дис. ... д-ра филос. наук – Махачкала, 2006. – 48 с.

⁹ Олышанский Д.В. Психология терроризма – СПб.: Питер, 2002. – 288 с.

террористического характера и 1407 преступлений экстремистской направленности¹⁰.

Такие авторы как З. Бешукова, 2022; Л. Н. Додхудоева, 2014; К. А. Кудратов, 2012; Н. Д. Махмадизода, 2020; А. Муминов, 2012; К.Х. Рахимов, 2023¹¹ и др. подчеркивают актуальность проблемы национальной безопасности в Республике Таджикистан, связанной с угрозой терроризма, религиозного фанатизма и экстремизма.

Н.Д. Махмадизода (2020)¹² называет террористический экстремизм важнейшей проблемой не только государства, но и гражданского общества в целом. Н. Д. Махмадизода (2020) и А. Муминов (2012)¹³ связывают распространение религиозного фанатизма и экстремизма с явлением глобализации, происходящей в современном мире. Именно глобализация способствует привнесению инородных элементов в национальные культуры, стимулирует развитие рыночной конкуренции и либерального мышления, для которого все разрешено, а свобода понимается как вседозволенность.

Актуальность исследования представителей именно православной конфессии заключается в том, что Православное Христианство на сегодняшний день является не только распространенной и официально разрешенной религией на территории

¹⁰ Состояние преступности в России за январь - ноябрь 2022 года // Министерство Внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» – 67 с. – URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2022/12/mvd_22_11_.pdf (дата обращения: 29.09.2023).

¹¹ Бешукова З.М. Эволюция понятия «Экстремистская деятельность» (Экстремизм): опыт Российской Федерации и Республики Таджикистан // Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания – Сборник статей V Международной научно-практической конференции – Могилев: 2022. – С. 217-219. Додхудоева Л.Н. Таджикистан: социокультурный код эпохи и публичный Ислам // Власть. – Москва, 2014. – № 9. – С. 162-167. Кудратов К.А. Экстремизм и проблемы безопасности Республики Таджикистан // Вестник Новосибирского государственного университета, серия: история, филология. – 2012. – Т. 11. – № 4. – С. 108-113.

Махмадизода Н.Д. Проявления религиозно-политического экстремизма в условиях развития таджикского общества и способы его минимизации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук – Душанбе, 2020. – 42 с. Муминов А. Основные причины религиозного экстремизма // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2012. – № 1 (29). – С. 202-214. Рахимов К.Х. Терроризм в Центральной Азии на примере Республики Таджикистан // Казачество. – 2023. – № 69 (4). – С. 177-182.

¹² Махмадизода Н.Д. Проявления религиозно-политического экстремизма в условиях развития таджикского общества и способы его минимизации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук – Душанбе, 2020. – 42 с.

¹³ Махмадизода Н.Д. Проявления религиозно-политического экстремизма в условиях развития таджикского общества и способы его минимизации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук – Душанбе, 2020. – 42 с. Муминов А. Основные причины религиозного экстремизма // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2012. – № 1 (29). – С. 202-214.

России, оно поддерживается активной пропагандой, изучается в школьных учебных заведениях, имеет свои телеканалы и СМИ. Согласно результатам опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) за 2019 год, больше половины граждан нашей страны (63 %) идентифицируют себя в качестве приверженцев православного христианства¹⁴. При этом, по данным информационно-аналитического центра «Сова» в России на сегодняшний день осуществляют свою деятельность такие православные радикальные группировки как «Божья воля» (нападали на учреждения культуры в Москве в 2013 году), «Сорок Сороков» (существует с 2013 года, члены организации избивают противников строительства храмов), «Народный Собор» и др.¹⁵

Степень научной разработанности проблемы:

На сегодняшний день проблема Я-концепции фанатической религиозной личности разработана крайне слабо. Так, Д.С.Крюков (2008)¹⁶ отмечает, что специализированных исследований, посвященных особенностям строения и динамическим аспектам Я-концепции религиозного индивида, нет. В качестве примера близких по тематике работ можно сослаться на диссертацию И.С. Булановой (2015)¹⁷, в которой рассматриваются вопросы религиозного обращения. В своем исследовании И.С. Буланова установила, что изменение самосознания по аскетическому типу является предпосылкой деструктивных форм религиозности, куда можно отнести и религиозный фанатизм. Однако и этот автор обходит стороной проблематику Я-концепции. Ее отчасти затрагивают другие авторы. Так, К.М. Антонов (2015) отмечает, что все сферы жизни личности после религиозного обращения приобретают религиозный смысл. А.Г. Асмолов (2001) пишет о «группомыслии» религиозных фанатиков. А. Ассор (2004) говорит о позитивной

¹⁴ Православная вера и таинство крещения // сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. – Аналитический обзор от 14 августа 2019 г. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravoslavnaya-vera-i-tainstvo-kreshheniya> (дата обращения 18. 10. 2020).

¹⁵ Грошева И.А. Праворадикальный экстремизм в России: защита веры любой ценой // Религиозная ситуация в российских регионах: тезисы докладов и сообщений Пятой всерос. науч.- практ. конф.– Омск, 2016. – С. 35-37.

¹⁶ Крюков Д.С. Философско-религиоведческий анализ Я-концепции религиозной личности: дис. ...канд. филос. наук – Москва, 2008. – 169 с.

¹⁷ Буланова И.С. Изменение самосознания под влиянием религиозного обращения: дис. ... канд. психол. наук – Ярославль, 2015. -200 с.

идентификации личности как об условии гармоничной религиозности. С. Батсон (1982) описывает факторы формирования догматических убеждений верующего о себе и о мире. Н.С. Китча, 2005; Р. Лифтон, 1986; Л. Рембо, 1993; М.И. Ясин, 2016 исследуют внутренний конфликт религиозной личности. П. Концен (2011) отмечает диффузную идентичность фанатика, а также его недоверие к миру, чувство стыда и переживание Эдипова комплекса. И.С. Маслов (2018) говорит о неверной интерпретации религиозных норм фанатиком. А. Муминов (2012) пишет о мифологических элементах сознания религиозного фанатика и экстремиста, о инфернализации фанатиком действительности, его пренебрежительном отношении к смерти и обесцениванию собственной жизни. И.Э. Соколовская (2013) отмечает дискретность самовосприятия верующих РПЦ. О.М. Сорокина (2010) исследует особенности самосознания детей из верующих семей. Э. Хоффер (2001) пишет о феномене отчуждения личности от самой себя у религиозных фанатиков¹⁸.

Некоторые авторы касаются данного вопроса лишь косвенно, описывая отдельные психологические феномены, которые можно отнести, в том числе, и к проявлениям Я-концепции фанатической религиозной личности. Например, феномен религиозного самосознания в структуре общего самосознания личности (З.М. Гаджимурадова, 2016); взаимосвязь религиозного самосознания с социально-

¹⁸ Антонов К. М. От обывденного к священному: религиозное обращение и пути рационализации религии (феноменологические и психологические аспекты)// Психология религии: между теорией и эмпирикой. – М., 2015 – С. 75 -86. Асмолов А.Г. Психология обыкновенного фанатизма // Век толерантности. – 2001. – №1. – С. 13-22. Assor A. The Emotional Costs of Perceived Parental Conditional Regard: A self-determined theory analysis // Journal of Personality – 2004. – vol. 72. – P. 48–89. Batson C.D. The Religious Experience: A Social-psychological Perspective – New York, , 1982. – 356 p. Крайг Г. Психология развития – СПб.: Питер, 2005. – 940 с. Lifton R. J. The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide – New York, 1986. – P. 418-465. Rambo L. R. Understanding Religious Conversion – New Haven, 1993. – 210 p. Ясин М.И. Религиозность и внутренний конфликт// Материалы V Международной научной конференции: Конфликты в современном мире: международные, государственное, государственное и межличностное измерение – Саратов, 2016. – С. 734-739. Концен П. Фанатизм. Психоанализ этого ужасного явления – Х., 2011. – 388 с. Маслов И.С. Религиозный фанатизм как форма правового нигилизма// Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2018. – № 4-1. – С. 291-295. Муминов А. Основные причины религиозного экстремизма // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2012. – № 1 (29). – С. 202-214. Соколовская И.Э. Религиозная идентичность в структуре личности и ее связь с процессами социально-психологической адаптации // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 5 (42). – С.220 -222. Сорокина О.М. Особенности влияния религиозного воспитания в семье на самооценку и самосознание дошкольников // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 13. – С. 178-182. Хоффер Э. Истинноверующий. Мысли о природе массовых движений – Елец: ЕГУ, 2001. – 200 с.

политическим самосознанием (Дж. Ассманн, 2016; М. Базедау, 2016); феномен коллективного самосознания в религиозной группе (Г.М. Галуцкий, 2018); сходство и различие структуры веры у представителей разных конфессий (Н. Хон, 2016); особенности отношений между членами внутри религиозного культа (Л. Виторино, 2018) и др.¹⁹

В психологической науке феномен религиозного фанатизма на сегодняшний день не имеет четкого и универсального определения. Зачастую его описание сводится к особенностям какого-то одного аспекта психики фанатика: когнитивного, эмоционального или поведенческого (В.В. Ким, 2012; Г. Корнутью, 2016; Р. Тьетъен, 2020)²⁰.

При этом отмечается, что в различных социальных измерениях фанатизм личности проявляется неоднородно (У. Сусило, 2019)²¹, что усложняет его исследование и описание. А также, что само применение термина «религиозный фанатизм» обусловлено не наличием реального соответствующего ему феномена, а политическими и идеологическими социальными условиями (Ю.М. Власова, 2019)²².

Вместе с тем, наличие теоретических описаний религиозного фанатизма в качестве относительно устойчивой характеристики личности (И.А. Беляев, 2011; О.А. Войновская, 2016; Э.Г. Исаева, 2016; П. Концен, 2011; К. Маримаа, 2011; Г. Олпорт, 1998; Г.В. Старшенбаум, 2006; М.Я. Яхьяев, 2011)²³ и др.) позволяет использовать

¹⁹ Гаджимурадова З.М. Специфика и возможные пути решения проблем религиозного экстремизма в молодежной среде Северного Кавказа // Развитие личности. – 2016. – № 2. – 16-31. Assmann J. Totale Religion. Ursprünge und Formen puritanischer Verschärfung – Wien, 2016. – 184 p. Basedau M. Bad religion? Religion, collective action, and the onset of armed conflict in developing countries – 2016. – vol. 60. – P. 226-255. Галуцкий Г.М. Формирование культурной политики: Я-концепция против Мы-концепции // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2018. – Т. 2016. – С. 65-78. Khon N. Religious Fanatic to Maturity in Faith: Cross-confessional Tolerance as a Way to Understand Emotional Components of Others // Procedia - Social and Behavioral Sciences. – 2016. – P. 260-264. Vitorino L. The association between spirituality and religiousness and mental health // Scientific Reports. – 2018. – 9 p.

²⁰ Ким В.В. Критерии фанатизма // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 5. – С. 99 -103. Cornutiu G. The Profile of the Fanatical Terrorist // Psychology. – 2016. – P. 565-571. Tietjen R. Religious zeal as an affective phenomenon // Phenomenology and the Cognitive Sciences. – 2020. – 17 p.

²¹ Susilo W. A Multidimensional Analysis of Religious Extremism // Frontiers in Psychology. – 2019. – Vol. 10. – 12 p.

²² Власова Ю.М. Фанатизм как конструкт сознания // Пивоваровские чтения. Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение: сборник материалов конференции. — Екатеринбург, 2019. — С. 168-170.

²³ Беляев И.А. Религиозный фанатизм как иллюзорная компенсация недостаточности духовно-душевных составляющих целостного миропонимания // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2011. – №4 (28). – С. 68-71. Войновская О.А. Влияние бессознательных факторов на формирование деструктивных форм индивидуальной религиозности // Гуманитарные науки. – 2016. – № 1 (33). – С. 131 -136.

понятие «фанатическая религиозная личность», которым определяется личность, обладающая такими социально-психологическими характеристиками как: фиксация на конкретной религиозной идее, четкое разделение социального окружения на сторонников и противников этой идеи, проявляющееся в стремлении переделать мир с применением насильственных методов воздействия, направленных либо на других членов общества, либо на самого себя.

Однако, феномен религиозного фанатизма в психологической науке до сих пор существует лишь в теоретическом измерении и не операционализирован. По этой причине Я-концепция фанатической религиозной личности до сих пор эмпирически остается не изученной.

На основе анализа научной литературы выявлены **противоречия**:

- между необходимостью изучения особенностей содержания Я-концепции религиозного фанатика и недостаточностью эмпирических научных исследований, посвященных данному вопросу;

- между необходимостью изучения зависимости социального поведения религиозного фанатика, его мышления и эмоциональной сферы от содержательных особенностей его Я-концепции и отсутствием эмпирических научных исследований, посвященных данному вопросу;

- между запросами на эффективную социально-психологическую профилактику религиозного фанатизма среди населения и недостаточной разработанностью программы такой профилактики.

Необходимость разрешения обозначенных противоречий обуславливает постановку **проблемы настоящего исследования**: каковы особенности социально-психологического содержания Я-концепции фанатической религиозной личности, какова их взаимосвязь с когнитивными, аффективными и поведенческими аспектами

Исаева Э.Г. Профилактика негативных проявлений личности в процессе маргинализации сознания в современном мире// Материалы всероссийской научно-практической конференции «Стратегия и тактика противодействия вызовам экстремизма и терроризма в России на современном этапе» – Махачкала: Алеф, 2016. – С. 26-32. Концен П. Фанатизм. Психодиагностика этого ужасного явления – Х., 2011. – 388 с. Marimaa K. The many faces of Fanaticism // ENDC Proceedings. – 2011. – Volume 14. – P. 29-55. Олпорт Г. Личность в психологии– Москва, СПб, 1998. – 345 с. Старшенбаум Г.В. Аддиктология. Психология и психотерапия зависимостей– Москва, 2006. – 368 с. Яхьяев М.Я. Фанатизм и Ислам – Махачкала, 2011. – 128 с.

религиозного фанатизма и как можно использовать эти особенности при разработке программы социально - психологической профилактики религиозного фанатизма среди населения.

Связь работы с программами (проектами) и научными темами

Диссертационная работа выполнена в рамках научно-исследовательских работ кафедры психологии Волгоградского государственного университета, а также кафедры социальной психологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева 2020-2025 гг., направленных на изучение Я-концепции и самосознание личности.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Таким образом, **цель работы:** выявить особенности социально-психологического содержания Я-концепции фанатической религиозной личности и особенности взаимосвязи этого содержания с фанатическим религиозным мировоззрением, эмоциями и поведением.

Объект исследования: Я-концепция фанатической религиозной личности.

Предмет – содержание описательного и эмоционально-оценочного компонентов Я-концепции фанатической религиозной личности и взаимосвязь этого содержания с фанатическим религиозным мировоззрением, эмоциями и поведением.

Общая гипотеза: Я-концепция фанатической религиозной личности имеет содержательные особенности, отличающие ее как Я-концепцию, свойственную представителям социальной группы религиозных фанатиков, от Я-концепции нефанатичных верующих.

Были определены также **частные гипотезы:**

1. Я-концепция фанатической религиозной личности характеризуется специфическим содержанием своего описательного компонента, отличающим ее от Я-концепции нефанатичных верующих.
2. Я-концепция фанатической религиозной личности характеризуется специфическим содержанием своего эмоционально-оценочного компонента, отличающим ее от Я-концепции нефанатичных верующих.

3. Я-концепцию фанатической религиозной личности характеризуют специфические взаимосвязи ее содержательных элементов с компонентами религиозного фанатизма: фанатическим поведением, эмоциями и мировоззренческими представлениями, отличающие ее от Я-концепции нефанатичных верующих.

4. Содержание Я-концепции фанатической религиозной личности имеет гендерные особенности.

Для достижения цели исследования и проверки гипотез выделены следующие задачи:

1. Теоретические задачи:

1. Провести теоретический анализ научной литературы по поставленной проблеме.
2. Сформулировать определение Я-концепции фанатической религиозной личности.
3. Разработать теоретическую модель содержания Я-концепции фанатической религиозной личности.

2. Методические задачи:

1. Опираясь на теоретический анализ по поставленной проблеме, определить зависимую и независимую переменные.
2. Операционализировать переменные и подобрать диагностический инструментарий.
3. Разработать методику диагностики уровня религиозного фанатизма.
4. Сформировать выборку и произвести кластеризацию выборки по уровню выраженности религиозного фанатизма.

3. Эмпирические задачи:

1. Провести сравнение содержательных элементов Я-концепции у респондентов с разным уровнем религиозного фанатизма.
2. Определить содержательные особенности Я-концепции у лиц с высоким уровнем фанатизма.

3. Проверить взаимосвязи содержательных элементов Я-концепции респондентов со структурными компонентами религиозного фанатизма.

4. Выявить особенности взаимосвязей содержательных элементов Я-концепции со структурными компонентами религиозного фанатизма, характерные для респондентов с высоким уровнем фанатизма.

5. Сравнить содержательные особенности Я-концепции у мужчин и женщин с высоким уровнем религиозного фанатизма.

4. Прикладная задача:

Разработать рекомендации по осуществлению основ социально-психологической профилактики религиозного фанатизма.

Теоретико-методологической основой исследования являются:

- теории, рассматривающие религиозность как социально - психологический феномен (А. Бандура, 2008; В.Вундт, 2018; Р.М. Грановская, 2010; А.М. Двойнин, 2012; В.И. Носович, 1983; Д.М. Угринович, 1985; Э. Фромм, 2002²⁴ и др.);

- структурный подход к феномену религиозного фанатизма (М.Я. Яхьяев, 2006)²⁵;

- системный подход к изучению Я-концепции (В.С. Агапов, М.С. Кон, В.Б. Ольшанский)²⁶;

- теории Я-концепции, выделяющие в ее структуре в качестве основных описательный и эмоционально-оценочный компоненты (Р. Бернс, 1986; С.Р. Пантелеев, 1991; А.Г. Спиркин, 2011)²⁷;

²⁴ Фрейдджер Р. Личность. Теории, упражнения, эксперименты – СПб., 2008. – 704 с. Вундт В. Проблемы психологии народов – Москва, 2018. – 144 с. Грановская Р.М. Психология веры – СПб., 2010. – 480 с. Двойнин А.М. Психология верующего: Ценностно - смысловые ориентации и религиозная вера личности – СПб., 2012. – 224 с. Носович В.И. Сущность, структура и функции религиозной психологии: автореф. дис. ... д-ра психол. наук – Москва, 1983. – 36 с. Угринович Д.М. Введение в религиоведение – Москва, 1985. – 272 с. Фромм Э. Гуманистический психоанализ – СПб., 2002. – 544 с.

²⁵ Яхьяев М. Я. Религиозный фанатизм как социально-исторический феномен: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: – Махачкала, 2006. – 48 с.

²⁶ Попова О.Б. Системный подход в изучении Я-концепции личности // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2013. – №3 (7). – С. 19-25.

²⁷ Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание – Москва, 1986. – 422 с. Пантелеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система – Москва, 1991. – 100 с. Спиркин А.Г. Философия – Москва, 2011. – 832 с.

- теории, рассматривающие Я-концепцию и самосознание личности в контексте взаимодействия с социальной средой (А. Бандура, 2008; Р. Бернс, 1986; А.Н. Леонтьев, 2005; В.С. Мерлин, 2009; Д.Г. Мид, 2009; С.Л. Рубинштейн, 2003; А.Г. Спиркин, 2011; В.В. Столин, 1983; Т. Шибутани, 1969²⁸ и др.)

Исследование проводилось с опорой на основные методологические принципы психологии: единства теории и практики, детерминизма, развития, системности и объективности. Также наше исследование отвечало принципу методологического объективизма Т. Флурнуа (1913)²⁹, применяемому при психологических исследованиях религиозных процессов.

Методы исследования: для решения поставленных задач были использованы методы: теоретический анализ психологической, философской, социологической литературы по проблеме религиозного фанатизма, психодиагностический метод, математические методы количественной обработки полученных в исследовании данных (W-критерий Шапиро-Уилка, U-критерий Манна-Уитни, коэффициент корреляции rs Спирмена, многофакторный дисперсионный и кластерный анализ).

Источники исследования представлены научными теориями и эмпирическими результатами известных психологов и философов.

Эмпирические основы исследования

Эмпирическую базу исследования составили практическое отношение автора диссертации к исследуемому объекту; изучение научно-методической литературы; разработка опросника диагностики религиозного фанатизма; анализ и обобщение полученных результатов исследования.

Эмпирическую базу исследования составили прихожане православных храмов города Самара: Храма во имя Святой великомученицы Татианы и Храма в честь всех Святых. Всего в исследовании приняли участие 129 человек – прихожан

²⁸ Фрейдджер Р. Личность. Теории, упражнения, эксперименты – СПб., 2008. – 704 с. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание – Москва, 1986. – 422 с. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность – Москва, 2005. – 352 с. Мерлин В.С. Психология индивидуальности – Москва, 2009. – 544 с. Мид Д. Г. Избранное: Сб. переводов – Москва, 2009. – 290 с. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир – СПб., 2003. – 512 с. Спиркин А.Г. Философия – Москва, 2011. – 832 с. Столин В.В. Самосознание личности – Москва, 1983. – 288 с. Шибутани Т. Социальная психология – Москва, 1969. – 534 с.

²⁹ Флурнуа Т. Принципы религиозной психологии — Киев, 1913. — 34 с.

храмов в возрасте от 17 до 68 лет. Из них: женщин – 75 человек (58 %), мужчин – 54 человека (42 %).

Научная новизна:

Разработана авторская теоретическая модель Я-концепции фанатической религиозной личности. Разработан опросник диагностики религиозного фанатизма, в основу которого легло представление о религиозном фанатизме как о структурном социально-психологическом феномене. Выявлены содержательные особенности описательного, а также эмоционально-оценочного компонента Я-концепции фанатической религиозной личности. Установлены взаимосвязи содержательных элементов описательного и эмоционально-оценочного компонентов Я-концепции религиозной личности с фанатическими мировоззренческими представлениями, фанатическими эмоциями, а также фанатическим социальным поведением. Эмпирическим путем определены гендерные особенности описательной и эмоционально-оценочной составляющей Я-концепции фанатической религиозной личности, а также гендерные особенности во взаимосвязях содержательных элементов Я-концепции личности с основными структурными компонентами религиозного фанатизма. Определены гендерные особенности выраженности структурных компонентов религиозного фанатизма, а также выраженность фанатического сознания, эмоций и социального поведения на разных уровнях религиозного фанатизма.

Этапы исследования: теоретическое и эмпирическое исследование проводилось в период с 2015 по 2020 гг. и состояло из четырех этапов.

Первый этап (2015-2017) включил в себя теоретический анализ проблемы изучения Я-концепции фанатической религиозной личности, определение детерминант религиозного фанатизма, его качественных характеристик, построению теоретической модели Я-концепции фанатической религиозной личности. Разработан план эмпирического исследования: определены его цели, задачи, объект и предмет. Была сформулирована рабочая гипотеза, операционализированы переменные, выбран диагностический инструментарий.

На втором этапе (2017) разрабатывался опросник диагностики религиозного фанатизма.

На третьем этапе (2018) осуществлялось непосредственно эмпирическое исследование Я-концепции фанатической религиозной личности.

На четвертом этапе (2020) производилась математическая обработка полученных в ходе исследования данных, состоящая из количественного и качественного анализа. Осуществлялась систематизация и интерпретация полученных результатов, формулировка выводов, разработка рекомендаций по профилактике религиозного фанатизма.

Положения, выносимые на защиту:

1. Я-концепция фанатической религиозной личности (ЯФРЛ) – это совокупность всех представлений о себе личности, для которой характерно религиозное мировоззрение, обуславливающее специфические социальные и межличностные отношения, характеризующиеся дифференциацией социального окружения на сторонников и противников этого мировоззрения, а также стремление исправить мир согласно религиозной доктрине с опорой на насильственные методы воздействия, направленные либо на окружающих, либо на самого себя.

2. Специфику социально-психологического содержания Я-концепции верующего определяет уровень его религиозного фанатизма: низкий, средний и высокий. Каждому из трех уровней религиозного фанатизма соответствует свой тип Я-концепции верующего: Я-концепция личности «не склонной к религиозному фанатизму», Я-концепция личности «склонной к религиозному фанатизму» и Я-концепция «фанатической религиозной личности» (ЯФРЛ). Каждый тип Я-концепции характеризуется особенностями социально-психологического содержания представлений личности о себе самой, а также особенностями эмоциональной оценки личностью этих представлений.

3. Содержательной особенностью ЯФРЛ является доминирование представлений верующего о себе самом в сфере религиозных отношений за счет общего сужения спектра представлений о себе самом в других социальных сферах, а также позитивное самоотношение верующего в сочетании с неспособностью

принимать объективную информацию о себе.

4. Для ЯФРЛ характерны специфические взаимосвязи представлений о себе верующего, а также эмоциональной оценки верующим этих представлений с фанатическим религиозным мировоззрением, фанатическими эмоциональными переживаниями и фанатическим религиозным поведением.

- прямая взаимосвязь: закрытости с фанатическим мировоззрением и фанатическими эмоциональными переживаниями; самопривязанности с фанатическими эмоциональными переживаниями; саморуководства с фанатическим поведением; учебно-профессионального аспекта Я-концепции с фанатическим поведением;

- обратная взаимосвязь: религиозного аспекта Я-концепции и фанатических эмоциональных переживаний.

5. В ЯФРЛ женщин, в отличие от ЯФРЛ мужчин, более выражены представления о себе в контексте семейных, а также учебно-профессиональных отношений. Мужчины с высоким уровнем фанатизма отличаются от женщин положительным самоотношением. Женщины отличаются от мужчин большей осознанностью различных аспектов своей личности. ЯФРЛ имеет гендерную специфику взаимосвязей своих содержательных элементов с когнитивным, эмоциональным и поведенческими компонентами религиозного фанатизма.

Теоретическая значимость:

Выявлены специфические особенности описательного и эмоционально-оценочного компонента Я-концепции фанатической религиозной личности, которые дают возможность расширить представления о детерминантах и установках социального поведения фанатической религиозной личности, помогают глубже понять религиозный фанатизм как социально-психологический феномен, его генезис и социальные детерминанты. Теоретические выводы, полученные в ходе исследования можно отнести к области социальной психологии.

Практическая значимость:

Результаты исследования могут найти практическое применение в ходе мероприятий по социально- психологической профилактике религиозного фанатизма

и экстремизма среди населения, а также разрешения межконфессиональных конфликтов. Опираясь на полученные в исследовании выводы, были даны рекомендации по психологической работе с фанатической религиозной личностью. Разработанный в ходе исследования опросник, может применяться для диагностики религиозного фанатизма в ходе проведения исследований в области социальной психологии, психологии личности, психологии религии и др. Результаты исследования вошли в учебные программы для таких университетских курсов как социальная психология, психология религии, психология аддиктивного поведения.

Надежность и достоверность результатов исследования обеспечивалась методологической и теоретической обоснованностью работы, исходными методологическими принципами, реализацией комплекса методик исследования адекватных цели и задачам исследования, сопоставлением получаемых данных и их взаимным дополнением, большой выборкой испытуемых, содержательной интерпретацией полученных данных, математической обработкой полученных данных с применением компьютерных программ статистического анализа.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности:

Диссертация соответствует следующим пунктам паспорта научной специальности 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки): 4. Социальная психология личности: Я-концепция как результат социального развития личности; социальная и личностная идентичность и жизненное самоопределение; процесс социализации в условиях изменяющегося мира.

Личный вклад автора выражается в разработке теоретических положений и в реализации эмпирической части исследования, в определении этапов, базы и методов эмпирико-психологического анализа, в соблюдении последовательности научно-исследовательских процедур, обобщении и интерпретации полученных данных; в разработке опросника диагностики религиозного фанатизма личности, в разработке рекомендации по профилактике религиозного фанатизма личности.

Апробация и внедрение результатов исследования:

Теоретические и эмпирические материалы диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры психологии Волгоградского государственного

университета, а также на научных конференциях международного и всероссийского уровней: «Культура, Духовность, Общество» (Новосибирск, 2015), «Теория и практика актуальных исследований» (Краснодар, 2016), «Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи» (Самара, 2016), «Стратегия и тактика противодействия вызовам экстремизма и терроризма в России на современном этапе» (Махачкала, 2016), «Безопасность социума: гуманитарный аспект коммуникации современности» (Тюмень, 2017), «Психологическая подготовка подростков и молодежи в трудных жизненных и кризисных обстоятельствах: XXI век» (Махачкала 2017), «Научная сессия ВолГУ» (Волгоград, 2017, 2018, 2019), «Мобилизация этнокультурного ресурса как важнейший фактор противодействия экстремизму и терроризму» (Грозный, 2018). Теоретические и эмпирические материалы диссертационного исследования использовались при разработке учебно-методического пособия для образовательных программ «социальная психология» и «психология религии» (Самара, 2020).

Публикации по теме диссертации:

Результаты диссертационного исследования отражены в 20 публикациях автора, из которых 7 наименований опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертации: Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложений. Основной материал диссертации включает 11 рисунков, 47 таблиц, имеет 11 приложений. Библиографический список представлен 248 источниками, в том числе 51 из них на иностранном языке. Объем работы (без приложений) составляет 193 страниц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ Я-КОНЦЕПЦИИ ФАНАТИЧЕСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛИЧНОСТИ

1.1. Социально-психологические критерии религиозного фанатизма

Проблема религиозного фанатизма, на наш взгляд, требует для своего разрешения междисциплинарного подхода, в соответствии с задачами нашей работы, сосредоточимся на ее социально-психологических аспектах. Но, прежде всего, произведем анализ психологических критериев религиозного фанатизма.

Вопрос определения психологических границ религиозного фанатизма, на наш взгляд, тесно связан, во-первых, с дифференциацией этого явления от других психологических явлений, таких как преданность, страсть, патриотизм и т.д. Во-вторых, он требует, прояснения отличий религиозного фанатизма от таких социальных явлений, как экстремизм, терроризм и радикализм, которые также имеют свое психологическое измерение. В-третьих, затрагивает проблему социальной оценки данного явления. В-четвертых, включает постановку вопроса о том, насколько религиозный фанатизм как психологический феномен связан с проявлениями нормы и патологии. И, в-пятых, немаловажной, с нашей точки зрения, является проблема соотношения фанатизма и религиозной веры.

Опираясь на этимологию слова, «*fanum*» с латыни можно перевести как «храм» или «жертвенник» [62]. Данное определение впервые было официально применено католическим епископом XVII века Ж. Боссюэ в отношении протестантов, считавших свои идеи вдохновленными богом, а не социальными силами. Римские авторы словом «*fanatici*» называли жрецов экстатических культов, принимающих божественные откровения через состояние крайнего эмоционального возбуждения [51].

Таким образом, мы видим, что самые ранние определения фанатизма, связаны именно с религией. Еще в XIX веке Ч. Ломброзо отмечал, что религия представляет собой наиболее удобную сферу для проявления фанатизма [80]. По мнению Н. Бердяева религиозный фанатизм – это самая яркая и первичная форма фанатизма

[14]. И.А. Беляев полагает, что в своей современной форме религиозный фанатизм очень сложно отделить от нерелигиозного [13].

На сегодняшний день вопросом психологических критериев религиозного фанатизма занимаются философы: И.А. Беляев, Е.А. Евстифеева, В.В. Ким, М.Н. Кузнецова, Р.К. Омельчук, А.В. Романов, М.Я. Яхьяев [13, 48, 62, 73, 106, 130, 195] и др. Среди психологов, которые в своих работах, так или иначе, затрагивают данную проблематику, можно отметить А.Г. Асмолова, Ю.М. Власову, О.А. Войновскую, Г.В. Залевского, В.Д. Менделевича, Д.В. Олышанского, Г.В. Старшенбаума, Д.М. Угриновича, О.Н. Усатенко [8, 23, 27, 52, 89, 105, 144, 148, 151] и др. Западные исследователи, рассматривающие сущностные психологические характеристики религиозного фанатизма: С. Артерберн, К. Маримаа, Дж. Слободзинн [198, 226, 241] и др. При этом, необходимо отметить, что проблема религиозного фанатизма не входит в число наиболее актуальных тем внутри западной психологии религии [194].

Одним из первых определение данному понятию дал отечественный философ Н.А. Бердяев. Религиозный фанатизм с точки зрения Н.А. Бердяева представляет собой ненормальное психическое состояние, а также одну из форм коллективного психоза. Религиозный фанатизм – это, не что иное как, маниакальная одержимость идеей, максимальная концентрация на ней, связанная с сужением внимания.

Второй признак данного патологического состояния – дихотомическое мышление. В сознании религиозного фанатика существует очень четкая граница между «Я» и «не Я». Причем, каждое такое «не Я» не может существовать отдельно от других «не Я»: все индивидуумы, не разделяющие взглядов фанатика, воспринимаются им как единое целое.

Третья специфическая черта, характерная для фанатического состояния – эгоцентризм. Проявляется он, главным образом, в том, что религиозную идею, воспринимаемую как высшую, фанатик отождествляет с самим собой. Эта идея и есть он сам, окруженный обобщенным образом врага.

Четвертый признак фанатизма как психического состояния, согласно Н.А. Бердяеву, это полная идентификация носителя данного состояния с группой

единомышленников. Фанатику невозможно вынести одиночество, его Я растворяется в группе таких же борцов за идею, как и он сам.

И, наконец, Н.А. Бердяев отмечает такую обязательную составляющую фанатического состояния как мнительность, тесно связанную с провоцирующей агрессию эмоцией страха.

Н.А. Бердяев делает вывод о том, что религиозный фанатик превращается в безличный инструмент для реализации религиозной идеи. Его средства достижения цели жестоки: даже у самого «мягкого» фанатика есть элемент садизма. Фанатизму, с точки зрения Н.А. Бердяева, можно противопоставить правило приоритета личности над идеологией, восприятие человека в качестве образа божьего, а также творчество, любознательность и терпимость.

Интересно отметить, что фанатизм своих современников Н.А. Бердяев считал неподлинным и неполноценным, так как, по его мнению, он не основан на глубокой вере в идею. Это исчерпываемая эмоциями и инстинктами имитация, при помощи которой человек стремится скомпенсировать внутреннюю пустоту [14].

Таким образом, отметим, что Н.А. Бердяев рассматривал религиозный фанатизм как сугубо негативное патологическое психическое состояние и выделял следующие критерии подлинного фанатизма: маниакальная одержимость идеями, дихотомическое мышление, эгоцентризм, утрата индивидуального самосознания, мнительность.

Схожим образом фанатизм понимал еще один известный философ – Вольтер. Он называл это явление болезнью и определял фанатика как того, у кого бывают экстазы, видения, кто принимает сны за действительность, а фантазии – за предсказания и «убийствами поддерживает свое безумие» [28].

Однако среди современных психологов и философов чаще можно встретить мнение о том, что религиозный фанатизм не обязательно является патологией или болезнью. Так А.Г. Асмолов заявляет, что не стоит фанатиков считать безумцами [8]. Д.В. Ольшанский замечает, что среди террористов достаточно редко встречаются носители явной психопатологии [105]. М.Я. Яхьяев указывает на отличие фанатизма от синдрома сверхценных идей: синдром сверхценных идей или парафренного бреда

– это ненормальная реакция на нормальные, некритические жизненные условия, тогда как фанатическая одержимость есть ни что иное как, вполне нормальная реакция личности, на ненормальные жизненные обстоятельства. Парафренный бред является следствием эндогенных причин, фанатизм же провоцируется причинами психологическими. М.Я. Яхьяев упоминает выступление американского философа Дж. Дьюи, представляющего комиссию по расследованию немецкого фашизма, в котором тот называет фашизм естественной реакцией в условиях социальной несправедливости и национального унижения [196]. О.А. Войновская утверждает, что фанатизм может представлять собой неправильно понятую здоровой личностью религиозность. Это неправильное понимание религиозности может быть связано с психологической незрелостью личности [27].

Немецкий исследователь П. Концен также понимает религиозный фанатизм как защитную реакцию здоровой психики: «В самом общем значении фанатизм – это реакция на угрозу психике путем мобилизации сил организма», заложенная в человеке филогенетически [69, С. 38].

При этом, фанатизм может представлять собой как кратковременное психическое состояние, так и устойчивую характеристику ядра личности как истонченных, так и индуцированных фанатиков. Причина индуцированного фанатизма – в повышенной внушаемости личности. Причина истонченного фанатизма связана с личностными особенностями, сформированными в младенчестве и детстве. П. Концен выделяет три основных источника истонченного фанатизма: подрыв базового доверия к миру, чувство стыда и Эдипов комплекс [69].

А.М. Двойнин в ходе проведенных исследований приходит к выводу о том, что существуют психически больные пациенты с нормативными проявлениями религиозности, что дает возможность опираться на их религиозность как на ресурс при лечении [40]. При этом, у страдающих шизофренией, которые являются верующими, элементы ценностно-смысловой сферы имеют большую взаимосвязанность, чем у неверующих психически больных [18].

Таким образом, опираясь на вышеизложенный анализ, можно предполагать, что как нездоровая с психической точки зрения личность может быть носителем

нормативной религиозности, так и психически здоровая личность может быть носителем религиозности ненормативной.

Д.М. Угринович полагает, что фанатичная религиозная вера – это вера, которая требует от людей во имя осуществления специфических целей и интересов не останавливаться перед причинением ущерба себе, близким и инакомыслящим. Он противопоставляет фанатизму веру цивилизованную, которая не приемлет жестокость и причинение ущерба кому-либо [149].

И.А. Беляев определяет фанатизм как всепоглощающее пристрастие людей к определенным феноменам человекоразмерной действительности, неразрывно связанное с категорическим отрицанием права на существование всех альтернативных им феноменов. Мироотношение религиозного фанатика всегда имеет спиритоцентрический характер. Оно может быть пассивно-спиритоцентрическим, и тогда религиозный фанатик будет вести себя как аскет. Активно-спиритоцентрическое мироотношение же будет выражаться в миссионерской деятельности.

И.А. Беляев также отличает подлинный фанатизм от парафанатизма и квазифанатизма. Парафанатизм представляет собой паразитическую и корыстную имитацию подлинного фанатизма. Это игра в фанатизм с целью получения от действий, сходных с действиями фанатика, какой-либо субъективной выгоды. Квазифанатизм же отличается от парафанатизма тем, что конечная цель его – произвести впечатление на окружающих. Как мы видим, ни в первом, ни во втором случае имитатор не является идейной личностью, то есть действующей и живущей ради идеи, хотя И.А. Беляев и замечает, что на практике довольно часто встречаются смешанные, пограничные типы [13].

О различных формах религиозного фанатизма пишет также и В.С. Поликарпов. К пассивно-созерцательному фанатизму, связанному со слиянием с Богом, он относит монашество (отшельничество) и аскетизм. К активной экстремистской форме фанатизма – религиозную борьбу. Самым крайним проявлением пассивного фанатизма он считает «религиозное изуверство» – самосожжение.

Далее, В.С. Поликарпов все же разводит такие понятия как «религиозный фанатизм» и «религиозный экстремизм». Он приводит точку зрения, согласно которой религиозный экстремизм представляет собой умышленное использование религии в антисоциальных и антигосударственных целях. В.С. Поликарпов подчеркивает что, в отличие от религиозного фанатика, религия для экстремиста - не цель, а средство [117].

У. Сусило, исследуя мусульманские экстремистские сообщества в Индонезии, приходит к выводу о том, что фанатизм верующего проявляется в различных социальных измерениях неоднородно. Так, например, индонезийские салафиты, отличающиеся религиозным фанатизмом, стараются избегать политических баталий [242].

Тем не менее, у некоторых западных авторов находим утверждение о том, что религиозные мотивы фанатиков часто пересекаются с социально-политическими [199, 201].

И.С. Маслов акцентирует внимание на следующих видах фанатизма: обрядовый (внешний), пуританство, национальный, политический, религиозный, прозелитизм и религиозная экспансия. Последние два типа можно дифференцировать следующим образом: прозелитизм представляет собой скрытое, манипулятивное приобщение социального окружения к своей вере; религиозная экспансия же – это агрессивное, прямое и открытое навязывание личного вероисповедания. Сам религиозный фанатизм И. С. Маслов рассматривает как неверную трактовку религиозных норм, произрастающую из духовной необразованности личности [84].

Согласно В.В. Ким фанатизм – это психосоциальный феномен, основанный на существовании в сознании человека особой веры. Эта вера носит измененный и исступленный характер и направлена на определенный объект, который становится центром личностных ориентиров субъекта.

В.В. Ким называет несколько критериев, по которым фанатизм нужно отличать от других психологических феноменов, например, таких как преданность, патриотизм, любовь и т.п. Этими критериями являются отсутствие умеренности

(чувства меры) у религиозного фанатика, не способность к критическому мышлению и диалогу, нетерпимость к инакомыслящим, пристрастность, необъективность. Помимо этого, фанатик не способен быть собой, он полностью растворяется в религиозной идее или Боге.

В.В. Ким разрешает проблему соотношения религиозной веры и фанатизма следующим образом: не каждого верующего можно назвать фанатиком, религиозный фанатизм соответствует только той вере, которая является неумеренной в чувствах и помыслах, не исходит из гуманизма и делает невозможным любой диалог [62].

Следует отметить, что на сегодняшний день в психологической науке нет универсального определения религиозной веры и религиозности. В зависимости от психологического направления или школы данные феномены находят различное объяснение.

Например, религиозность может пониматься как индивидуальный (В. Джеймс, Ю.М. Лотман, Ю.М. Орлов [42, 81, 109]), так и как социальный феномен (В. Вундт, В.И. Носович, Д.М. Угринович [30, 102, 148]); как критерий здоровой личности («подлинная», естественная религиозность, изначально присущая всем) (В. Франкл, Э. Фромм, К. Юнг [156, 162, 184]), и как индикатор невроза [159].

В контексте социально-психологического подхода религиозность представляет собой систему взаимоотношений человека с Богом и обществом (А.М. Двойнин, Дж. Фаулер [39,188]). При этом, религиозная личность всякий раз утверждает свои отношения с высшей силой через социальное поведение [39]. С точки зрения Э. Фромма, любую социальную группу, обладающую общностью мировоззрения, можно рассматривать как религиозную [162,163].

В связи с этим, важнейшей функцией религиозности является социализация личности, ее приобщение к общественным нравам, установкам, обычаям (А. Бандура, В. Вундт, Р.М. Грановская [161, 30, 35] и др.); удовлетворение социальных потребностей личности в игре, общении, взаимодействии (В.И. Носович, М.Г. Писманик [102, 114, 115]); моральная и гигиеническая функции, обеспечивающие эффективность выживания личности в обществе (В.Р. Веллс [7]); а также функция

сплочения и упорядочивания социальной группы через выстраивание иерархии (Н.Д. Фюстель де Куланж [164], Э. Эванс-Притчард [181]).

И хотя нельзя отрицать вклада индивидуально-типологических характеристик личности в формирование индивидуальной религиозности, в контексте нашей работы, религиозность, прежде всего, будет пониматься как социально-психологическое свойство личности, связанное с выстраиванием общественных взаимоотношений, опосредованных отношениями с Богом или высшей силой, и являющееся результатом интериоризации, или усвоения социального опыта. Религиозное обращение в таком контексте можно рассматривать как социализацию, формирующую не только социальную идентичность верующего, но и его самосознание в целом.

В связи с этим, под религиозной личностью мы будем понимать личность, обладающую социально-психологическими характеристиками, связанными с выстраиванием общественных взаимоотношений, опосредованных отношениями с Богом или высшей силой.

Что касается границ между здоровой религиозностью и фанатизмом, то В. Франкл, например, определял здоровую религиозность как поиск окончательного, предельного смысла. При этом, поиск этот здоровый и естественный, а его непринятие влечет за собой «экзистенциальный вакуум» и девиантное поведение личности. Подлинная, здоровая религиозность, исключая всякое принуждение, всегда берет свое начало внутри личности, являясь собственным индивидуальным опытом, а не подражанием общепринятым догмам и ритуалам. Как считает В. Франкл, не возможно заставить верить человека во что-то: тщетны попытки передать свой смысл другому демонстративным путем. Религиозный опыт конкретной личности навсегда останется только ее личным опытом, и не более [156].

А. Маслоу проводит четкое разграничение между слепым приятием догм и здоровым мистическим опытом. Подлинные вершинные переживания, по его мнению, доступны только тому, кто воспринимает мир глубже и целостней, часто переживает печаль и особое самоощущение [87].

Подобно В. Франклу и А. Маслоу, Э. Фромм также различает религиозный опыт двух форм: здоровой и нездоровой и постулирует наличие присущей всем без исключения религиозной потребности.

Здоровая религиозность, по его мнению, сглаживает «экзистенциальные дихотомии» человеческой природы, удовлетворяет ряд важнейших высших потребностей: потребность в чувстве равновесия с природой, в смысле жизни и т.д.

При этом, религию и религиозный опыт Э. Фромм трактует достаточно широко. Вероисповеданием для него становится практически любая система взглядов и действий, разделяемых той или иной социальной группой. Вплоть до того, что в категорию религиозности попадают неврозы. В связи с этим, главным вопросом становится, не вопрос о том является ли что-то религией или нет, а вопрос о том, что это за религия. Все религиозные системы делятся на два основных класса: гуманистический и авторитарный.

Авторитарный тип религии предусматривает самоуничижительное подчинение лидеру, удерживающему власть, опирающуюся исключительно на силу [163].

Г. Корнхутю полагает, что основной отличительной чертой фанатика является потеря им чувства реальности. При здоровой религиозности связь с реальностью не теряется. В целом же, религиозный фанатик – это человек, безоговорочно ставящий себя на службу по защите своих идей и убеждений, невзирая на риск [206].

Религиозная вера описывается Б.С. Братусем и Н.В. Ининой как особая форма веры, выраженная в образе, связанном в сознании религиозной личности с конечным, предельным смыслом. При этом, данный образ никогда не может быть логически доказанным [19].

Б. Паскинс ссылается на то, что фанатизм часто понимается как торжество рефлекса над рефлексией, как поведение человека, стремящегося разрешить все проблемы самым простым и доступным способом [231].

В когнитивной психологии религиозный фанатизм часто описывается через понятие когнитивной закрытости, которое впервые было введено В. Кругланским. Когнитивная закрытость – это узость и ригидность когнитивных процессов,

связанная с работой защитных механизмов устранения сложностей и противоречий в поступающей к субъекту информации [223].

Так, в исследовании В. Вентис и С. Батсон доказано, что догматизм, религиозная ортодоксия и фундаментализм, связаны обратной зависимостью с открытым и дискурсивным восприятием религиозных утверждений [202].

В. Сароглоу соотносит когнитивную закрытость с традиционной религиозностью, которая отличается дихотомией мыслительных процессов и отрицанием непонятной, неудобной для верующего информации [205, 237, 238, 239].

Необходимо отметить, что существует две основных точки зрения по вопросу соотношения религиозной веры и фанатизма. Так, позицию В.В. Ким, четко разграничивающую фанатизм и здоровую религиозность разделяют, например, С.Н. Булгаков [21], О.А. Войновская [27], Р.К. Омельчук [106], Д.М. Угринович [148] и др. Из зарубежных авторов сюда можно отнести С. Артерберн и Дж. Фелтона [198].

Иной точки зрения придерживаются С.В. Иванеев [55], Д.В. Ольшанский [105], О.Н. Усатенко [151]. Они полагают, что любая религиозная вера, как нечто иррациональное, априори содержит в себе зачатки фанатизма. Так С.В. Иванеев пишет о том, что любое религиозное мировоззрение уже содержит в себе в некоторой степени недружелюбное отношение к другим религиозным системам. Однако, в отдельных случаях это недружелюбие достигает гипертрофированных форм, распространяясь абсолютно на всех иноверцев без разбора [55].

О.А. Войновская относит религиозный фанатизм к деструктивной форме религиозности и выделяет два основных ее типа: религиозность психически больной личности и религиозность, неправильно понятую здоровой личностью, а потому патологизирующую и дезадаптирующую ее. Именно второй тип религиозности часто является следствием неправильного религиозного воспитания. Кроме того, как отмечает О.А. Войновская, часто здоровая личность, неправильно понимающая религиозную доктрину, является психологически незрелой. Таким образом, О.А. Войновская рассматривает религиозный фанатизм как религиозную незрелость, базирующуюся на незрелости личностной, а также связывает его с набором определенных социально-психологических черт личности. Дополнительно она

отмечает, что в психологии как науки на сегодняшний день отсутствуют общепринятые критерии религиозной нормы, а также упоминает У. Джеймса, считавшего что «невротический темперамент» усиливает религиозность и не проводившего границ между патологией и религиозностью [27].

А. И. Байдуллоев [11], А. Муминов [98], Н. М. Юнусова [186] акцентируют внимание на значении религиозного образования и воспитания молодежи в процессе профилактики девиантного поведения личности, в том числе, связанного с проявлениями экстремизма и фанатизма.

Н. М. Юнусова выделяет следующие причины девиантного поведения людей:

- непринятие личностью правил и норм общества;
- невосприимчивость к существующему режиму;
- наследственная предрасположенность к отклонениям в поведении [186].

Р.К. Омельчук проводит границу между понятием религиозной веры и фанатизма следующим образом. Во-первых, религиозная вера как характеристика человеческого бытия сама по себе не может быть социально опасной, напротив, она даже способствует личностному развитию. Фанатизм же социально опасен и разрушительно влияет на личность. Во-вторых, Р.К. Омельчук пишет, что религиозная вера иррациональна, а фанатизм всегда рационален и связан с разумом. В-третьих, фанатизм, в отличие веры, всегда предполагает дихотомию сознания: свой - чужой. В-четвертых, фанатик никогда не сомневается, тогда как сомнение – это неотъемлемый компонент любой веры. В-пятых, вера всегда подразумевает ценностное отношение, а фанатизм – оценочное. В-шестых, фанатизм всегда работает от противного, он подавляет, вера же направлена на утверждение [106].

С. Артерберн и Дж. Фелтон также дифференцируют здоровую веру от нездоровой, «токсичной» и выделяют следующие характеристики последней: утверждение особого положения верующих, авторитарность, позиция «мы против всех», преобладание мотивации избежать наказания, неадекватное свехусердие в служении, отрицательные физические и эмоциональные последствия для личности, закрытость коммуникаций, а также особые правила одежды и поведения [198].

Однако, важно упомянуть о том, что в психологии религии уже имеются эмпирические данные, свидетельствующие об обратной взаимосвязи уровня религиозности и фанатизма. Так И.С. Буланова доказала, что аскетический тип изменения самосознания, являющийся предпосылкой деструктивных форм религиозности, например, таких как религиозный суицидальный терроризм, чаще встречается при низком уровне религиозности [20].

Дж. Слободзин описывает религиозный фанатизм как вариант проявления полиповеденческой зависимости, к которой он относит также наркоманию, алкоголизм, игроманию и т.д. Религиозная аддикция в этом случае будет выражаться в обсессивном мышлении и компульсивном поведении верующих, периодической или постоянной потере контроля. Это патологическое, болезненное состояние религиозного опьянения, требующее своего перманентного поддержания. Непрерывные культовые практики в данном случае выступают в качестве наркотического вещества, вызывающего непреодолимое желание, потребность воспроизводить их снова и снова [241].

Д.В. Олышанский широко известен своими трудами в области психологии терроризма. Очень часто, как он полагает, террористический акт приводится в исполнение религиозными фанатиками, поэтому без понимания психологии фанатической религиозной личности невозможно осуществить профилактику терроризма. Фанатизм Д.В. Олышанский понимает как особое состояние психики, сущность которого сводится к «моноидеизму». Моноидеизм выражается в признании правоты какой-то одной определенной идеи, а также в самопожертвовании ради этой идеи. В. Олышанский классифицирует фанатизм на индивидуальный и массовый, усиление которого происходит через такие механизмы социального влияния как эмоциональное заражение, внушение и подражание [105].

Таким образом, Д.В. Олышанский понимает религиозный фанатизм, прежде всего, как социальную установку на реализацию какой-то одной определенной идеи.

К.И. Паркант и Дж. Ломакс описывают религиозный фанатизм как нездоровую духовность и считают его причиной социальные условия, провоцирующие «религиозную борьбу». Признаками «религиозной борьбы»

являются: чувство стыда и унижения, часто связанные с историческими событиями; поляризованное мышление; подчинение учреждению или группе, которая идеализируется и провоцирует страх исключения из рядов своих последователей; ощущение того, что идеалам и ценностям угрожает опасность, что провоцирует нарциссический гнев; стремление к абсолютному всеобщему спасению, очищению; доктринальные связи между насилием и очищением; сексуальное подавление [230].

Г. Корнхью отмечает, что сама по себе культура, господствующая в обществе, может провоцировать явление религиозного фанатизма [206].

Согласно исследованиям И. Макгрегор, К. Нэш, М. Прентис, религиозный экстремизм представляет собой попытку справиться со стрессом и поэтому проявляется, в основном, в экстремальных условиях окружающей среды. Таким образом, религиозный экстремизм – это механизм совладания [227].

Г. Олпорт описывает религиозный фанатизм как способ защиты от личностных страхов, представляющий собой, так называемую, внешнюю, не интегрированную глубоко в личность религиозность, тесно связанную с предрассудками. Фанатиками по Г. Олпорту становятся в результате неправильного семейного воспитания, при котором у ребенка подрывается базовое доверие к миру [103].

М. Донахью говорит, что люди, которые демонстрируют внешнюю религиозную ориентацию, при которой религия используется в качестве инструмента, призванного служить нерелигиозным целям, более склонны демонстрировать предубеждения [207].

Другие западные исследователи, например, такие как Р. Пинто-Моура и Р. Джонсон, для того чтобы описать характеристики религиозного фанатизма как аддикции также апеллируют к социальной среде и используют такие термины как «духовное насилие» или «психологическое насилие». Религиозные организации, в которых культивируется фанатизм, описываются ими как авторитарные, антигуманные, адепты в которых подвергаются жестокому обращению. Причем, под жестоким обращением понимается не только насилие физическое, вредящее

здоровью тела, но и психологическое давление на личность, злоупотребление пасторами своим статусом, оскорбление, разрушение семей и т.п [232].

С. Хассен полагает, что миссионерство новых религиозных движений зиждется на таких методах социального воздействия как внушение, убеждение, разнообразные трансовые техники, использование наркотических средств [166].

Д.М. Халл отмечает, что не всегда фанатизм подогревается именно религиозной группой. Однако есть религиозные идеологии, разрешающие, так называемое, «священное насилие». Основной же причиной фанатизма автор считает негативные социальные условия, приводящие к страданиям человека. С такой точки зрения фанатизм предстает перед нами оправданным социальным явлением [216].

Д. Майерс описывает социальную среду, провоцирующую религиозный фанатизм, через понятие «секта» и указывает следующие ее признаки:

1. Особый ритуал поклонения богу или человеку.
2. Изоляция от окружающей «злой» культуры.
3. Наличием харизматического лидера [82].

Среди отечественных специалистов также имеются представители, придающие значение влиянию религиозной общины на религиозную личность и отмечающие специфические особенности социально-психологической среды, так называемых, новых религиозных движений (НРД) [63, 89, 91].

Так В.Д. Менделевич полагает, что «благоприятной почвой для возникновения отклоняющегося поведения» является, именно нетрадиционная форма религиозности [89, С. 145].

С.Б. Филатов также упоминает о том, что в литературе достаточно часто религиозный фанатизм связывается именно с новой или нетрадиционной религиозной средой. При этом, автор делает важное замечание о том, что члены религиозной организации начинают терять присущий им фанатизм по мере того, как организация встраивается в общество, «цивилизуется», все больше и больше принимая господствующие в нем нормы и ценности. Гонения же только способствуют укреплению фанатической направленности личности. С.Б. Филатов выделяет следующие признаки новых религиозных движений: это религия,

возникшая сравнительно недавно и имеющая своего «живого основателя», личность которого идеализируется вплоть до обожествления; стремящаяся к изоляции своих членов, отказу от прежних социальных связей, в том числе и профессиональных; использующая методы контроля сознания; принуждающая адептов отказываться от личного имущества, утверждающая моральные нормы, противоречащие общепринятым [154].

Здесь стоит также отметить и то, что члены одной религиозной группы, разделяющие один образ жизни и мировоззрение, включены в групповую деятельность, в ходе которой могут ощущать социальную поддержку, испытывать позитивные чувства друг к другу. Так, Л. Виторино, эмпирически доказал, что представители одной религиозной общины испытывают позитивное чувство благодарности друг к другу [245]. На наш взгляд, страх социального неодобрения, а также социальная привязанность могут удерживать фанатика в религиозной группе, что усугубляется при отсутствии значимых отношений вне этой группы.

По мнению Д.А. Мещерякова отличительный признак НРД - это активное миссионерство, которое вменяется в обязанность каждому члену культа без исключения [92].

Таким образом, можно сделать вывод, что выше упомянутые авторы, подчеркивают агрессивность социально-психологической среды, провоцирующей фанатизм, а также заостряют внимание на таком важном признаке религиозного фанатизма как социальные установки, противоположные господствующим в обществе.

Д.М. Халл четко выделяет когнитивную, аффективную, а также волевую составляющую религиозного фанатизма. При этом, так называемый «фанатизм воли», в котором волевой компонент является преобладающим, Д.М Халл описывает как наиболее опасный. Такие фанатики настолько поглощены одной единственной целью, что абсолютно не замечают промежуточные и побочные результаты своих действий и «идут по головам». Ярость воли, как полагает Д.М. Халл, часто поддерживается ценностью преданности. Уже только сам факт преданности

религиозной идее или духовному лидеру становится для адепта наивысшей целью [216].

На ценностной и эмоциональной составляющих религиозного фанатизма акцентирует внимание другой зарубежный исследователь – Дж. Рудин. А именно, он выделяет «фанатизм страсти» и «фанатизм ценностного отношения». Когда естественное стремление личности к абсолютной истине жестко подавляется, религиозный фанатик начинает действовать уже не столько «со страстью», сколько по причине самой страсти [236].

Р. Тьетен при описании религиозного фанатизма ограничивается лишь его аффективным измерением. Причем, религиозный аффект может быть проявлен многогранно: от любовной страсти к божеству до гнева, направленного на противников веры [243].

О.Н. Усатенко описывает религиозный фанатизм через феномен жертвенности, формирующейся у ребенка с самого детства, что соответствует психоаналитическому подходу. Под жертвенностью он понимает настолько сильное стремление к социальному одобрению, что в этом стремлении человек готов идти против своей личности и поступаться собственными интересами ради общества.

О.Н. Усатенко пишет, что жертвенность также характерна и для состояния религиозного экстаза, в котором через стремление слиться с божеством происходит потеря индивидуальности. Автор полагает, что жертвенность, наряду с агрессивностью и навязчивым чувством вины, свойственна любой религии, что соответствует фрейдовскому определению религиозности как невроза навязчивых состояний [150].

Таким образом, О.Н. Усатенко любые проявления религиозности связывает с фанатизмом. Также, по нашему мнению, О.Н. Усатенко не проводит четкой дифференциации между религиозным фанатизмом и религиозным экстазом.

М.Н. Кузнецова в своей кандидатской диссертации выделяет следующие критерии сознания религиозного фанатика, отличающие его от сознания нефанатической религиозной личности:

1. Полная поглощенность религиозного сознания идеей спасения и поиском эффективных путей ее реализации.
2. Ориентированность на немедленное практическое воплощение в духовной и социальной практике религиозных норм и идеалов.
3. Наличие неосознанной цели, которая подменяет собой религиозную истину, но отождествляется религиозным фанатиком с требованиями религиозной истины.
4. Повышенная степень личной ответственности за «истинность» религиозной веры окружающих.
5. Повышенный эмоциональный фон восприятия идеи Спасения [73].

К. Маримаа пишет о том, что термин «фанатизм» происходит от латинского наречия *fanatice* (исступленно) и прилагательного *fanaticus* (восторженный, экстатический, бушующий, яростный). Прилагательное же является производным от существительного *fanum* (место, посвященное божеству, святилище, храм).

Далее К. Маримаа дает определение религиозному фанатизму как самопожертвованию во имя религиозной идеи и описывает его через целый комплекс психологических признаков мышления, поведения и эмоциональной сферы личности: непоколебимая убежденность в абсолютной правоте своего мировоззрения; стремление навязать свои убеждения окружающим авторитарными методами; жесткое неодобрение инакомыслящих; дуалистическое, черно-белое восприятие; жертвенная преданность цели.

Необходимо отметить, что особую значимость К. Маримаа придает критерию социального взаимодействия. Только в том случае, когда верующий стремится навязать свое мировоззрение окружающим, когда он предпринимает попытки изменить, спасти или «очистить» общество, а также сделать идею, приверженцем которой сам является, доминирующей для окружающих, можно говорить о фанатизме [226].

Г.В. Старшенбаум определяет религиозный фанатизм как крайнюю степень увлечения религиозной деятельностью с созданием из нее культа, поклонением и растворением в группе единомышленников [144].

В.Д. Менделевич пишет: «Увлечение какой-либо деятельностью, достигающей крайней степени выраженности с формированием культа и созданием идолов, с полным подчинением человека и «растворением» индивидуальности носит название фанатизма» [89, С. 146].

Согласно Е.А. Евстифеевой религиозный фанатизм – крайняя приверженность человека каким-либо верованиям или идеям, вызывающая неприятие иных убеждений, верований, обычаев и ценностей [48].

А.В. Романов описывает фанатичную веру как извращение абсолютизированной идеи и нетерпимость к выходящему за ее рамки [130].

М.М. Решетников говорит о дихотомии сознания фанатика, которое впадает в крайности, воспринимает окружающий мир через крайние позиции: добро-зло, друг-враг и т. д. [124].

Важность проблемы религиозного фанатизма понимают не только ученые, но и церковные деятели, описывающие его критерии исходя из своей конфессиональной позиции.

Например, архимандрит Рафаил (Карелин) говорит о фанатизме как о «саморелигии»: духовной гордости, ориентации верующего исключительно на самого себя. Фанатизм – это убежденность не в истине, а в справедливости собственного мнения, отсутствие любви к людям, закрытость для других и нежелание их понимать [122].

Поскольку религиозный фанатизм часто понимается как особое психическое состояние, встает вопрос о продолжительности данного состояния, его временных рамках, а также о том, может ли фанатизм являться устойчивой социально-психологической характеристикой личности.

О фанатизме как кратковременном состоянии, спровоцированном пребыванием в толпе, писали классики психологии масс: Г. Блумер, Э. Канетти, Г. Лебон, С. Московичи, Х. Ортега - и -Гассет [17, 59, 76, 97, 110].

Если говорить о фанатизме, индуцированном религиозной группой, то, по мнению Г.В. Старшенбаума, сколько-нибудь серьезные необратимые изменения

личности наступают только после 4-7 лет постоянного пребывания в этой группе [144].

Как пишут Э.Г. Исаева и А.Р. Сутаева, отсутствие прочной системы ценностей, а также негативные внешние (бытовые) условия, могут привести к устойчивым изменениям личности в сторону, так называемого, «маргинального типа». Само понятие «маргинальная личность» ввел чикагский социолог Р.Э. Парк. Именно в среде маргиналов, не имеющих устойчивого социального положения, формируется религиозный фанатизм и экстремизм. При этом, маргинальность может существовать в двух формах: как временное состояние и как устойчивая характеристика верующего. Во втором случае мы можем говорить о неуверенности, эгоцентричности и агрессивности как о психологических чертах личности [57].

Данные выводы особенно актуальны в условиях современной жизни, когда уже полностью сформировался новый социальный класс – прекариат, не имеющий устойчивого положения в обществе [10, 146].

Ю.М. Власова применение самого термина «фанатизм» считает политически обусловленным, направленным на маргинализацию тех или иных социальных групп и инициированное борьбой между этими социальными группами [25, 26].

Работы М.Я. Яхьяева посвящены подробному философскому анализу феномена религиозного фанатизма. Он подчеркивает важность рассмотрения личности религиозного фанатика как личности специфического психологического склада.

Фанатическая идеология, как считает, М.Я. Яхьяев представляет собой центральное ядро фанатической направленности личности. Фанатическое мировоззрение первично, именно оно фанатизирует личность. На основе фанатического религиозного мировоззрения формируются соответствующие эмоциональные переживания, а также поведенческая активность [196].

Таким образом, можно говорить о том, что М.Я. Яхьяев реализует структурный подход к феномену религиозного фанатизма, описывая его как интегративное психическое образование, в которое включены когнитивная,

эмоциональная и поведенческая составляющие. Рассмотрим каждую из этих составляющих подробно.

Признаками фанатического религиозного мировоззрения (когнитивный компонент) по М.Я. Яхьяеву являются:

1. Разделение всех людей на правоверных, достойных спасения и неправоверных, недостойных спасения.
2. Акцент на том, что в мире господствуют темные силы.
3. Обязательство для всех последователей вероучения – исправлять порчу видимого мира.
4. Представление о том, что любовь Бога не дана человеку изначально – ее следует заслужить [195].

Признаки фанатических эмоциональных переживаний:

1. Обезличенность. Эмоциональные переживания направлены не на конкретных лиц, а на общий образ врага. Проявлением обезличенности также является любовь фанатика к самому себе не как к личности, а как к функционеру, реализующему миссионерские задачи.
2. Лицемерность, демонстративность и экзальтированность чувств, выражающаяся в гримасах, гипертрофированных показных позах и телесных движениях. Демонстрация любви, скрывающая равнодушие или ненависть.
3. Доминирующий объект эмоций не Бог, как при нормальной религиозности, а – люди, воспринимаемые как греховные и испорченные.
4. Негативные эмоции превалируют над позитивными.
5. Чувства жестко поляризованы, однородно окрашены: к иноверцам – они негативные, к духовным братьям – позитивные, без характерной для нормы амбивалентности [196].

В контексте поведения М.Я. Яхьяев выделяет два основных типа фанатизма: экстравертный и интровертный. Экстравертный выражается в революционных террористических действиях. Интровертный фанатизм представляет собой попытку построения идеального мира или общины, изолированной от социума [195].

Критериями фанатического поведения являются:

1. Внешняя принудительная мотивация. Исполнение правил по внешнему духовному принуждению, а не по свободному внутреннему выбору.
2. Борьба с иноверцами, а не божественная благодать, как доминирующая цель.
3. Насильственные средства достижения цели, которые могут быть выражены либо в агрессивных действиях против инакомыслящих, либо в форме внутренней агрессии – направленной на самого себя (самоистязание).
4. В общей структуре поведения некультовые действия преобладают над культовыми. Борьба с инакомыслящими превалирует над общением с высшими силами.
5. В общей структуре личности присутствуют только религиозные мотивы, которые характерны для всех нерелигиозных форм деятельности. В норме же поведение – полимотивационно.

Важно отметить, что с точки зрения М.Я. Яхьяева, компоненты религиозного фанатизма могут образовывать сочетания в различных пропорциях в зависимости от социальной роли фанатика. Например, интенсивные чувства будут мешать теоретику - создателю фанатической идеологии. Но набор сверхценных идей у него должен присутствовать обязательно. Эмоции вождей фанатических религиозных групп должны быть сильными, что необходимо для реализации эффекта эмоционального заражения. У рядовых членов эмоции, как правило, кратковременные, что позволяет избегать патологии и эффективно выполнять групповые функции [196].

По нашему мнению, превалирование того или иного структурного компонента фанатизма может лечь в основу типологии фанатической религиозной личности.

Как мы видим, большинство авторов оценивают религиозный фанатизм крайне отрицательно. Однако, есть психологи, указывающие на возможные положительные аспекты данного социального явления. Так К. Маримаа выделяет негативные, нейтральные и положительные проявления фанатизма и в качестве примера приводит, как преданность спорту помогает улучшить спортивные результаты [226]. Можно предположить, что религиозный фанатизм будет способствовать улучшению физического состояния личности в том случае, если

нормы и предписания религиозной организации направлены на поддержание здоровья.

В.В. Ким напоминает о том, что с фанатизмом связаны такие положительные характеристики как сила, упорство, уверенность. Ж.Ж. Руссо считал, что если фанатизм приносит обществу пользу – его стоит рассматривать как добродетель [62].

Из отечественных авторов в позитивном ключе понимает религиозный фанатизм М.Н. Кузнецова, полагающая, что он позволяет сделать религиозную практику максимально эффективной [73].

Рассмотрим отличие религиозного фанатизма от таких социально-психологических явлений как религиозный экстремизм, терроризм, радикализм и фундаментализм. Данная дифференциация затруднительна по той причине, что на данный момент нет универсального значения каждого из этих понятий, как в научной, так и в правовой среде. Вместе с тем, широко признается тот факт, что все эти явления тесно взаимосвязаны.

Так А.Ю. Чернов и И.С. Буланова отмечают, что не существует единого понятия терроризма [173].

Д.В. Олышанский пишет, что терроризм – это комплексное явление, целью которого является воспроизводство эмоции страха. Помимо этого, терроризм – это еще и определенные действия, акты, противозаконные и насильственные, направленные против населения или правительства с целью запугать или принудить к чему-либо. Психологической основой терроризма часто является фанатизм, но не всякий террорист обязательно будет религиозным фанатиком - а только тот, кто готов во имя одной только идеи жертвовать собственной жизнью.

Социально-психологический аспект радикализма Д.В. Олышанский видит в том, что он выражается в решительных и бескомпромиссных действиях, в выборе самых крайних средств достижения цели. Радикализм всегда предполагает идейность, но не всегда выражается в практической деятельности. Радикализм часто составляет идейную часть религиозного фанатизма.

В отличие от радикализма, религиозный экстремизм больше соответствует поведенческой, а не идейной, составляющей фанатизма: он акцентирует внимание на средствах и методах религиозной борьбы [105].

Этой точке зрения отвечают и опознавательные признаки религиозного экстремизма, выделенные Т. Олесом и Дж. Ричардсоном:

1. Насилие рассматривается религиозными экстремистами как сакраментальный акт или божественная обязанность.
2. Экстремисты и их организации не стремятся обратиться к более широким кругам общественности.
3. Их целью не является не реформа, но радикальные изменения по своему собственному заданному плану.
4. Наказанные преступления объявляются мученическим подвигом, а преступники – мучениками [229].

К. А. Кудратов пишет о том, что не существует однозначного определения экстремизма, как в научной литературе, так и в международных правовых актах. Он также называет такие факторы, порождающие экстремизм как слом сложившихся социальных структур, обнищание населения, экономические и социальные проблемы в обществе, ослабление государственной власти, межнациональные конфликты и т. д. [74].

Что касается религиозного фундаментализма, Д.В. Олышанский полагает, что, в самом общем виде, он связан только с теми целями и идеями, которые противостоят религиозным нововведениям, поддерживают незыблемые, неизменные социальные установки, ценности и жизненный уклад [105].

Г.В. Залевский предлагает другие критерии различения религиозного фанатизма и фундаментализма. И тот и другой, пишет Г.В. Залевский, характеризуются суженным сознанием, жесткими религиозными шаблонами, слиянием Я-идентичности с Мы- идентичностью, утратой критичности и рефлексии. Однако, в отличие от фундаментализма, фанатизм в обязательном порядке содержит в себе чувство ненависти, рационализированное и замаскированное идеалом [52].

Г. Лундсков указывает на такие психологические характеристики религиозного фундаментализма как буквальное понимание священного писания; восприятие религиозного писания в качестве непоколебимой истины; абсолютная преданность этой истине; восприятие мира как поля битвы чистого добра и чистого зла; восприятие религиозной истины как универсальной и обязательной для всех людей; стремление навязать религиозную истину без переговоров и компромиссов; стремление уничтожить мировое зло; измерение успеха своей деятельности не изменениями в обществе, которых удалось достигнуть, а чувством эмоционального удовлетворения от этих изменений; идеализация прошлого и стремление его восстановить [225].

Последний из этих критериев – критерий отношения к прошлому К. Маримаа считает одним из самых важных, поскольку, в отличие от фундаменталиста, далеко не каждый фанатик идеализирует и стремится восстановить прошлое [226].

Таким образом, религиозный фанатизм может пониматься и как кратковременное психическое состояние, спровоцированное пребыванием в фанатически настроенной социальной группе, и как специфический набор устойчивых социально-психологических характеристик личности.

Как правило, религиозный фанатизм описывается как искаженная (деструктивная) форма религиозности или религиозной веры, связанная с фиксацией на конкретной социальной установке в ущерб всем остальным. При этом, различные авторы зачастую уделяют внимание только какому-то одному из компонентов этой установки. Только когнитивной: когда говорят о мировоззрении фанатика, его маниакальной направленности на «высшую» идею, а также о черно-белом, дихотомическом мышлении; только аффективной: подчеркивают агрессивность, ненависть и высокую интенсивность чувств фанатика, направленных на социальный объект; либо только поведенческой: нетерпимость к инакомыслящим, насильственные методы социального воздействия или стремление к социальной изоляции. Чаще всего указываются две основные формы религиозного фанатизма, отличающиеся спецификой своего проявления в поведенческой сфере: активная (миссионерство) и пассивная (аскетизм, социальная изоляция).

Далеко не все авторы идентифицируют религиозный фанатизм как психопатологию, чаще его связывают с искаженным пониманием вероучения, социальной незрелостью, воздействием со стороны специфической социальной среды, а также защитной психологической реакцией на кризисные социально-экономические условия существования.

Некоторые авторы [13,14] замечают, что за настоящий фанатизм легко принять показное стремление к религиозной идее, действительной целью которого может являться, например, социальное одобрение или самоутверждение. Основным критерий подлинного религиозного фанатизма – это его обусловленность религиозной идеей. Важным следствием этого, с нашей точки зрения, является то, что первичным этапом профилактики религиозного фанатизма должна стать диагностика его подлинности. Основным методом профилактики ложного фанатизма будет предложение и обеспечение альтернативных способов удовлетворения тех личностных потребностей, которыми он обусловлен.

Радикализм часто связывается с идейной, а экстремизм – с поведенческой составляющей фанатизма как социально-психологического феномена. В отличие от террориста, фанатик не имеет цели запугать определенных представителей общества или власти, а всегда нацелен на социальные изменения, отвечающие его маниакальной идее. В отличие от фундаментализма фанатизм не всегда противостоит нововведениям и защищает устоявшиеся общественные ценности.

Принимая во внимание работы И.А. Беляева [13], О.А. Войновской [27], Э.Г. Исаевой [57], Г. Олпорта [103], Г.В. Старшенбаума [144], М.Я. Яхьяева [196], в нашем исследовании мы будем рассматривать религиозный фанатизм не как кратковременное психическое состояние, а как относительно устойчивую социально-психологическую характеристику личности, что, на наш взгляд, позволяет использовать такое понятие как «фанатическая религиозная личность».

На основе анализа теоретических представлений, имеющих на сегодняшний день в психологии, мы выделили следующее определение религиозного фанатизма:

Под религиозным фанатизмом мы будем понимать относительно устойчивую социально-психологическую характеристику личности, выраженную в религиозным

мировоззрении, четком разделении социального окружения на сторонников и противников этого мировоззрения, а также в стремлении исправить мир с применением насильственных методов воздействия, направленных либо на других членов общества, либо на самого себя.

В структуре религиозного фанатизма мы будем выделять когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты.

Когнитивный аспект фанатизма связан с полной фокусировкой внимания на религиозной доктрине, а также дифференциацией всех членов общества на праведных – разделяющих эту доктрину, и неправедных – не разделяющих доктрину, с осознанием обязанности исправлять, очищать, спасать мир. Аффективный компонент включает в себя обезличенные, негативные и демонстративные чувства, направленные на социальный объект, представленный, так называемыми, неправедными членами общества. Поведенческий компонент подразумевает внешнюю религиозную мотивацию всех форм социальной деятельности, а также насильственные формы социального воздействия.

Так как в нашей работе мы будем исследовать только православных верующих, полученные результаты нельзя будет применять для описания фанатиков других конфессий. Так, например, Н. Хон и А. Ким в ходе проведенных опытов выяснили, что сходство в структуре веры у представителей разных конфессий наблюдается только в случае зрелой, здоровой религиозности, что никак нельзя отнести к религиозному фанатизму [221].

1.2. Теоретический анализ Я-концепции религиозной личности

Прежде чем мы приступим к описанию Я-концепции религиозного фанатика, предварительно необходимо раскрыть основные принципы самовосприятия религиозной личности.

Понятие «Я-концепция» (*self-concept*) является одним из центральных в психологии, отражающим целостность человеческого «Я», детерминирующим поведение и развитие личности [91].

Самое общее определение Я-концепции сводится к относительно устойчивой, в большей или меньшей степени осознанной, переживаемой как неповторимая, система представлений индивида о себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими людьми и относится к себе [113].

В зарубежной психологии окончательное формирование представлений о Я-концепции произошло в контексте гуманистических теорий личности, предполагающих целостность человеческого Я как фактор поведения и развития личности. Одной же из первых теорий Я-концепции стала теория У. Джеймса [91].

Наше Я по У. Джеймсу – это личностная непрерывность, которую мы сами же осознаем [228]. Поэтому личностное «Я» нужно рассматривать и как Я-сознание (Я-познающее) и как Я-объект (Я познаваемое) одновременно. При этом, такое свойство сознания как избирательность, согласно У. Джеймсу, обеспечивает относительную устойчивость наших представлений о себе, защищая психику от информации, противоречащей уже сформированной системе ценностей [43].

У. Джеймс выделил и описал следующие слои «Я»: биологическое Я, реальное (материальное) Я, социальное Я и духовное Я [220].

Особое значение в теории У. Джеймса уделено духовному Я человека, которое представляет собой идентификацию с «космическим сознанием», внутреннее, интимное ощущение себя чем-то большим, нежели просто отдельной личностью, и может, в частности, выражаться в переживаниях, связанных с религиозным опытом [228].

Важно отметить, что У. Джеймс впервые выделил в структуре Я такие компоненты как когнитивный, эмоциональный и поведенческий, а также ввел понятие самооценки, или самоуважения личности и рассчитал ее формулу: самоуважение равно успеху, деленному на притязания [96]. Самооценка в большей степени соответствует эмоциональной составляющей Я-концепции [22].

Одним из основоположников гуманистической психологии является К. Роджерс. В его теории личности феномен Я-концепции занимает ключевое место. Исходя из положения о том, что тенденция к личностному росту – естественна для человека [207], а его реальный мир – это область индивидуального опыта, которая

избирательна и субъективна, К. Роджерс создает личностно-центрированное направление в групповой и индивидуальной психотерапии [245].

Я-концепция в представлении К. Роджерса – это понимание человеком самого себя, основанное на жизненном опыте прошлого, событиях настоящего и надеждах будущего. При этом, это понимание динамично и изменчиво [209].

В самой Я-концепции К. Роджерс выделяет две основные части: Я-реальное и Я-идеальное. Я-идеальное представляет собой ту Я-концепцию, которой человек хотел бы обладать, тот образ, которому он желал бы соответствовать. В том случае, когда Я-идеальное сильно отличается от Я-реального возникает невроз [127].

Человек больше рационален, чем иррационален: он поступательно, по упорядоченной системе движется к цели, которую хочет достичь [128]. Эту систему и цель задает Я-концепция, или Образ-Я, формирующийся в опыте, начиная с самого рождения. В том случае, если поведение человека, или его жизненный опыт не соответствует личной Я-концепции – возникает чувство тревоги и дискомфорта. Данные негативные переживания часто блокируются такими механизмами психологической защиты как отрицание и подавление [178].

Таким образом, исходя из представлений К. Роджерса, зная Я-концепцию личности, можно прогнозировать ее поведение, точно определять ее ценности и цели. Также, влияя на Я-концепцию, например, через систему воспитания, можно эти ценности и цели задавать.

Еще одним идеологом гуманистического подхода в психологии личности стал Г. Олпорт. С его точки зрения, каждая личность настолько уникальна, что ее невозможно исследовать только при помощи какой-то одной из существующих теорий, например опираясь только на личностные диспозиции, поэтому наиболее эффективным является эклектический подход [103].

В структуре личности кроме диспозиций, Г. Олпорт выделял, так называемый, проприум, а также осознающую (субъективную) личность. Без осознающей личности самопознание невозможно, она представляет собой Я, которое осознает себя как объект. Проприум или собственное – это те поведенческие модели, характеристики и ценности, которые воспринимаются субъектом как свои, близкие или важные.

Проприум появляется и развивается у человека в процессе жизни, последовательно, в ходе онтогенеза, интегрируя в себя каждый из семи своих аспектов: ощущение своего тела, чувство постоянной самоидентификации, самоуважение, расширение своей личности, образ себя, рациональную личность, собственные стремления. В дополнении к этим семи аспектам, окончательную интеграцию завершает сознающая личность, которая не может быть частью проприума. Фактор самоуважения по Г. Олпорту может быть как позитивно, так и негативно окрашенным. Именно с этим аспектом проприума Г. Олпорт связывал гордость, эгоизм, возвеличивание себя [104].

А. Маслоу можно считать основателем не только гуманистической, но и трансперсональной психологии. В его теории личности процесс построения точного Образа-Я, связанный с принятием не ложных, навязанных кем-то посторонним, а своих собственных потребностей – необходимое условие процесса самоактуализации [85]. При этом, для самоактуализированных личностей характерно осознание малейших своих потребностей и вожделений. В итоге, в их поведении появляется спонтанность и независимость от социальных ожиданий [86].

В экзистенциальных теориях личности, близких по смыслу к гуманистическим, феномену Я-концепции также уделено большое внимание. Так Р. Мэй выделяет структуру бытия, включающую в себя внутреннее отношение человека с самим собой, обозначая ее как *Eigenwelt*. Жить в *Eigenwelt* – значит понимать, кто есть Я по отношению к объектам окружающего мира. Именно *Eigenwelt* обеспечивает психологическое здоровье личности [99].

В контексте проблематики нашей работы, к одному из механизмов защиты от страха смерти можно отнести такую его форму как религиозный фанатизм. Согласно такому подходу, профилактика религиозного фанатизма будет заключаться в принятии неизбежности конца собственного существования.

В психоаналитических теориях личности такие понятия как сознание и самопознание ключевыми не являются. Ведущая же роль отводится бессознательному, которое детерминирует поведение человека, доминируя в его психической сфере.

Однако, в работах З. Фрейда, например, осознание содержания собственной психики, своего рода процесс отвоения сознанием территории бессознательного – важное условие освобождения от фобий и неврозов. Когда скрытые страхи, комплексы и сексуальные желания становятся достоянием сознания, появляется возможность управлять ими – начинается выздоровление. Главная же функция самосознания по З. Фрейду – сохранение баланса между силой животных влечений, исходящих из Ид и давлением моральных норм, содержащихся в Супер-Эго [160]. Кроме того, Образ-Я по З. Фрейду оказывается тесно связанным с телесными переживаниями [158].

В индивидуальной психологии А. Адлера центральное место занимает понятие «чувство неполноценности». Осознание каждым ребенком своей неполноценности связано с отсутствием у него власти и маленьким, по сравнению с взрослыми, ростом. Чувство неполноценности заставляет человека стремиться к достижениям и компетенции. Каждая личность, согласно, А. Адлеру хочет сохранять самоуважение, высоко оценивать себя. Жизненный стиль личности – это индивидуальный для каждого способ достижения своих целей, являющийся следствием субъективных представлений человека о том, кто он есть и как к нему относятся. Правильность этих представлений невозможно ни опровергнуть, ни подтвердить. Поэтому цели человека всегда фиктивны. Однако они являются психологической реальностью для своего носителя-субъекта и могут оказать пагубное влияние как на него самого, так и на окружающих. Поэтому, цель психотерапевтического процесса – осознание, понимание своего стиля жизни или жизненного плана [4].

В работах К. Юнга процесс индивидуализации представляет собой постепенное увеличение степени самосознания, а значит последовательную интеграцию разных слоев психики в единое целое. Конечная цель индивидуализации – достижение своей самости, центрального и важнейшего архетипа в структуре психики. Достижение самости приведет к целостному функционированию организма через установление баланса между сознанием и бессознательным [185].

Интересно, что индивидуализация не разделяет людей, а, наоборот, устанавливает между ними взаимосвязи, которые невозможно построить на одном только бессознательном [183].

Наше Эго, согласно К. Г. Юнгу, только создает чувство постоянства и целостности, дает возможность анализировать и планировать свою собственную жизнь. Однако, своему Эго верить нельзя, так как оно игнорирует бессознательное. Как и З. Фрейд, К. Юнг подчеркивал первостепенное значение бессознательных стремлений человека [184].

То, как мы предъявляем себя миру, с какой социальной ролью выбираем в тот или иной момент идентифицироваться – есть наша персона (маска). Она связана с представлениями о том, каким нужно быть, как необходимо себя вести, чтобы адаптироваться к социальному окружению, поэтому является важным инструментом общения. Когда персона набирает силу, Эго может идентифицироваться с ней, и человек начинает верить в то, что он и есть тот, кем претендует быть. Персона может выражаться через определенные вещи – символы статуса, например, машину, диплом, дом [213].

Исходя из этого, можно говорить о религиозной персоне или маске, когда человек, адаптируясь к религиозной среде, идентифицируется со своей религиозной ролью.

По мнению И.С. Кона, когда возникает конфликт между Я - функциональным и Я-субстанциональным, чаще всего побеждает Я-функциональное. Данный конфликт он описывает как противоречие между социально желательной «маской» и подлинным Я человека. Победа «маски» при этом обеспечивается тем, что именно «маска», проявляющаяся в конкретных социальных условиях является более реальной, чем наши умозрительные представления о себе. В какой-то момент под влиянием «маски» субстанциональное Я переживает трансформацию [95].

Так, во время пребывания в лагере мунитов, новичка подталкивают исполнять ту роль, которая в этом лагере принята. Это один из ярких примеров религиозного обращения через поведение [54].

Схожий механизм формирования Я-концепции описан также в теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера: Образ-Я, как система представлений человека о самом себе, стремится к согласованности, непротиворечивости. Если же когнитивный диссонанс все же возникает – запускаются защитные механизмы, связанные, либо с вытеснением противоречивой информации из психики, либо с трансформацией одного из наиболее доступных элементов диссонанса до его полного нивелирования [153].

Теория когнитивного диссонанса хорошо объясняет результаты целой серии опытов, проведенных И. Джанисом в 50-е годы и представляющих ценность в контексте изучения Я-концепции неопитов религиозной общины. Эти опыты продемонстрировали, что озвучивание определенной точки зрения, даже той, которая вызывает протест, в качестве своего личного текста, способствует развитию лояльности к ней. А одно уже только представление себя в роли своего оппонента ведет к постепенному принятию его позиции [54].

В социальной теории личности К. Хорни человеческое Я разделено на «актуальное» и «идеализированное». Актуальное Я – это то, кем я являюсь, а идеализированное – то, кем я хотел бы быть. Именно образ идеального Я является ориентиром для нашей самореализации. А отчуждение от реального Я – признак невроза [168]. Идеализированный образ может спровоцировать внутренний конфликт, выраженный в ненависти личности к самой себе, в том случае, если этот идеал оказывается недостижимым. Как следствие возникает презируемое Я. Поэтому, цель психотерапии – принятие своего реального Я и прекращение стремления к славе [167]. Можно предположить, что невротизация религиозной личности происходит по причине ее отчуждения от своего реального Я, воспринимаемого как греховное, и стремления соответствовать труднодостижимому образцу святых, воплощенному в Я-идеальном.

Еще один ученик З. Фрейда – Э. Фромм, критикует ортодоксальный психоанализ за низведение человека до биологического уровня. В качестве главных детерминант поведения Э. Фромм выделяет общественные факторы и рассматривает личность, прежде всего, как социальное образование. Например, современное

капиталистическое общество способствует отчуждению человека от своего истинного Я, навязывая стереотипы поведения и модели мышления, приводя, таким образом, к невротизации личности [162].

Ключевым понятием в теории личности Э. Эриксона является Эго-идентичность, представляющая собой Я-концепцию, возникшую как культурный и биологический продукт одновременно. В процессе онтогенеза личности, меняется ее Эго-идентичность, обеспечивающая на каждой стадии развития чувство Я, ощущение внутренней непрерывности. Здоровая Эго-идентичность – это интеграция человека с социальной средой и одновременно реализация личной неповторимости (индивидуальных мотивов, целей, ценностей). Отчасти Эго-идентичность формируется путем процесса идентификации с теми или иными социальными группами. Всего Э. Эриксон выделяет восемь таких стадий, связанных с особенностями и задачами каждого возрастного периода. Если специфические задачи того или иного возраста не разрешаются, как следствие непринятия себя, может возникнуть негативная идентичность, связанная с освоением осуждаемых в обществе ролей [180].

Уже после Э. Эриксона, Дж. Марсиа, связав статус Эго-идентичности со степенью самопознания, выделил следующие его виды: достигнутая идентичность; идентификационный мораторий – кризис идентичности; неоплаченная идентичность – идентификация себя с кем-либо, игнорируя процесс самопознания; диффузная идентичность – отсутствие какой бы то ни было определенной идентичности вообще [46].

В изучение Я-концепции большой вклад внес Р. Бернс. В структуре Образа - Я он выделил две основные составляющие: описательную и оценочную. Описательная сторона представлена «картиной Я», а оценочная – самооценкой или принятием себя. Однако, данное разделение – условно, описательная и оценочная части Я-концепции тесно связаны между собой. Кроме представлений о себе самом (когнитивная составляющая) и эмоциональной оценки себя, в Я-концепции содержится также поведенческий компонент (возможная поведенческая реакция).

Помимо этого, Р. Бернс говорит о трех модальностях нашего Я: реальное, идеальное и зеркальное. Реальное Я – это совокупность представлений о себе самом в настоящем. Зеркальное Я – представления о том, каким меня видят окружающие. Идеальное Я – желанный образ себя самого. В качестве функций Я-концепций Бернс отмечает – формирование поведения и мотивации личности [15].

Схожим образом формирование представлений личности о себе самой описывается представителями интеракционизма (Л. Колберг, Ч.Х. Кули, Д.Г. Мид [93]).

Концепция зеркального Я подробно разработана именно этой психологической школой. Однако, признавая развитие «Я» в процессе коммуникаций с другими людьми, Д.Г. Мид игнорирует собственный рефлексивный опыт человека. Развитие Образа-Я происходит на основе двух типов сенсорных сигналов: непосредственного восприятия и последовательных реакций людей, с которыми человек себя идентифицирует. Таким образом, развитие Образа-Я идет через идентификацию с позицией значимого другого, с его статусом, референтной группой.

В контекст теории зеркального Я Д.Г. Мид вводит новую терминологию. Так, термин «Ме» употребляется им для передачи оценки собственных действий, как результата обобщения оценок других. А термином «И» он обозначает эмоциональный аспект «Я-концепции» [93].

Основоположник такого направления как психосинтез, Р. Ассаджоли рассматривает личность как динамическую систему «субличностей», каждая из которых живет самостоятельной жизнью, и обладает индивидуальным мышлением, поведением, чувствами. В связи с тем, что «субличность» – это, прежде всего, заряд энергии, уничтожить ее невозможно. Однако, ее реально преобразовать.

«Субличности» образуются в процессе персонализации и персонификации, то есть отождествления себя с какой-либо социальной ролью (семейной или профессиональной).

Под Эго или «персональным Я» Р. Ассаджоли подразумевает центр сознания, который, тем не менее, не является полностью осознанным. Осознание своего «персонального Я» – условие психического здоровья.

В контексте нашей работы, важно отметить, как в психосинтезе понимается высшее или истинное Я человека, с которым связан духовный рост личности. Высшее Я – ощущение общности со всей Вселенной при сохранности своей отдельной идентичности.

Главная задача психотерапии согласно Р. Ассаджоли – согласовать, интегрировать разрозненные аспекты личности вокруг «персонального Я», подчинив их ему. Важно отметить, что в здоровой психологической системе ни одна из «субличностей» доминировать над «персональным Я» не должна [9].

В когнитивных теориях личности (Дж. Келли, У. Мишель, Ч. Осгуд, Дж. Роттер, П. Танненбаум, Л. Фестингер) Я-концепция представлена согласованной системой, состоящей из когнитивных элементов, схем, а также единиц анализа себя и своего опыта, например, таких как личностные смыслы или конструкты. Эти единицы анализа возникают и функционируют по определенным законам в процессе переработки сознанием информации, и любое изменение в восприятии самого себя имеет четкую логику. Так Дж. Келли рассматривает Образ-Я человека как систему личностных конструктов. Каждый отдельный конструкт – это бинарная оппозиция или дихотомия, позволяющая категоризировать себя, других людей и свои отношения с ними. Именно через систему противоположных категорий, через соотношение двух полярных характеристик, каждый человек перманентно производит индивидуальную классификацию данных персонального опыта. Таким образом, персональные конструкты формируются в процессе индивидуального опыта и сами, в свою очередь, определяют этот опыт, предвосхищая и прогнозируя его. Важным моментом теории Дж. Келли является то, что любая система личностных конструктов не статична, а непрерывно видоизменяется. При этом, система персональных конструктов, всегда движется в направлении большей упорядоченности, определенности и поиска уже известного в опыте [170]. Дж. Келли

считал, что любое изменение окружающего мира начинается с изменения себя самого [61].

Таким направлением как бихевиоризм, предметом которого является внешняя, поведенческая активность, отрицается наличие стабильного внутреннего Я человека. Однако, современные бихевиористы большое внимание уделяют механизмам рефлексивного мышления и саморегуляции. Так А. Бандура описывает, так называемую, «Систему Я», состоящую из набора когнитивных структур, включающего восприятие, оценку и регуляцию собственного поведения. «Система Я» строит свое поведение, опираясь как на опыт (подкрепленный и неподкрепленный), так и на механизм предвосхищения событий. Отсюда А. Бандура делает важный вывод о том, что самоуправление возможно.

Интерес представляет основной принцип самоуправления по А. Бандуре, согласно которому люди сами провоцируют у себя внутреннее состояние неравновесия, когда после достижения всех поставленных задач, ставят перед собой новые, более высокие цели [161].

По мнению Т. Шибутани, важнейшей составляющей Я-концепции является чувство собственного достоинства. Уровень собственного достоинства определяется не тем, что человек декларирует или думает о самом себе, а тем, как он чаще всего действует по отношению к себе самому. Это, как правило, находит свое отражение и в отношениях к другим людям. Если человек проявляет уважение к окружающим, можно предположить, что он обладает достаточным уровнем собственного достоинства.

Т. Шибутани подчеркивает, что поведение личности во-многом определяется ее уровнем собственного достоинства. Чувства же к самому себе, в свою очередь, формируются в процессе социального взаимодействия и крепко связаны с оценочными реакциями других людей. Однако со временем уровень собственного достоинства обретает независимость от чужих суждений. Скорректировать его уже крайне трудно, даже не смотря на дальнейшее положительное социальное подкрепление [177].

Опираясь на данный подход, можно предположить, что чем выше будет уровень собственного достоинства верующего, тем терпимее и уважительнее он будет относиться к представителям других религиозных конфессий.

Таким образом, в зарубежных теориях личности Я-концепция описывается как конечный продукт процесса самопознания и рефлексивного мышления. Авторы подчеркивают, что система представлений индивида о себе самом динамична. Она формируется в онтогенезе и связана как с получением обратной связи от окружающих, так и с личной интерпретацией персонального опыта.

Все западные теории сходятся в том, что Я-концепция имеет сложную структуру, составные части которой раскрывают различные аспекты представлений индивида о себе. Часто в качестве эмоционального аспекта Я-концепции указывается самооценка.

Важное место в общей структуре Образа-Я занимает Я-духовное, связанное с осознанием взаимоотношений с высшими, трансцендентными силами.

Большое внимание феномену Я-концепции уделено также в отечественной психологической науке. Однако, здесь Образ-Я раскрывается в более общем контексте самосознания и, как правило, в традиционном русле теории деятельности.

Следует отметить, что теория деятельности подразумевает, с одной стороны, формирование самосознания через деятельность, с другой – что самосознание само выступает в качестве регулятора предметной деятельности. Однако точное прогнозирование поведения личности все же затруднено, поскольку факторы среды, в которой протекает жизнедеятельность человека, также имеют большой вес в регуляции его активности [2].

С.Л. Рубинштейн определял проблему самосознания как центральную тему в психологии личности. Самосознание, с точки зрения С.Л. Рубинштейна, это личность как «Я», которая присваивает себе все, что от нее исходит: дела, поступки, отношения и т. д. [133]. Самосознание – это не осознание своего сознания, а осознание себя как реального индивида, сознательного субъекта [132].

С одной стороны, самосознание социально детерминировано, и личная самооценка строится на отражении оценок других людей, что полностью

соответствует идеям культурно-исторической теории Л.С. Выготского, с другой – С.Л. Рубинштейном делается акцент на том, что самосознание не пассивно. В каждый момент времени внешние воздействия на человека соотносятся с внутренними условиями его психической жизни, историей его развития. «Я» – первично, а «Ты» – вторично: «Каждый индивид как «я» отправляется от «ты», «он», когда «я» уже осознано как таковое» [132].

А.Н. Леонтьев также уделял большое значение самосознанию, которое понималось им, прежде всего, как выраженное системой личностных смыслов осознание себя в контексте общественных отношений. Личностный смысл – это осознанная значимость для субъекта тех или иных объектов или явлений действительности, их смысл для его жизнедеятельности. Он имеет две составляющие: значение и эмоциональное переживание [78]. Также как и С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев говорит о социальной детерминированности самосознания. Помимо этого, он проводит демаркационную линию между такими понятиями, как «самосознание» и «знание о себе». «Знание о себе» – это итог накопления информации о себе самом, начиная с самого детства. Самосознание же – результат становления человека как личности [77].

По В.С. Мерлину самосознание представляет собой способность человека осознавать себя носителем активности – субъектом деятельности. При этом, субъект этот отражается в сознании как наделенный своими специфическими психологическими и нравственными характеристиками.

В структуре самосознания В.С. Мерлин выделяет следующие, тесно связанные между собой элементы: осознание тождественности своей личности, осознание активного начала собственного «Я», осознание своих психических свойств и социально- нравственную самооценку.

Связующим звеном всех выше перечисленных аспектов самосознания являются направленность личности и предметное сознание. Предметное сознание обеспечивает социальное взаимодействие личности: оно делает возможным сличение характеристик собственного «Я» с социальными нормами и требованиями.

Под направленностью личности В.С. Мерлин понимает совокупность устойчивых интересов, ценностей, идей, потребностей и убеждений личности, задающих основной фокус ее самосознания, и, как следствие, детерминирующих ее поведение [90].

В контексте нашей работы, на наш взгляд, можно говорить о специфической религиозной направленности личности.

А.Г. Спиркин рассматривает самосознание как осознание и оценку субъектом собственных мыслей, чувств, действий, а также нравственных установок. Содержание самосознания определяется опытом социального взаимодействия и той культурной средой, в которой происходит социализация личности.

Самосознание происходит посредством рефлексии и выполняет функцию самоконтроля, регулируя и направляя поведение личности. Процесс рефлексии раскрывается в размышлении человека о самом себе. Наивысший уровень рефлексии отвечает нравственному аспекту и представляет собой понимание ценности и смысла своей индивидуальной жизни [143].

И.С. Кон, анализируя понятие «Я» в психологии, понимает его как личность, рассматриваемую изнутри. Самосознание же может быть не только индивидуальным, но и коллективным. Также И.С. Кон дифференцирует понятия «Я» и «идентичность», называя последнее осознанием своей принадлежности к конкретной категории людей. В связи с этим, религиозная идентичность – это осознание своей принадлежности к конкретной религиозной группе.

«Я» с точки зрения И.С. Кона всегда двойственно. С одной стороны, это субъект, являющийся источником активности, с другой – это объект восприятия и внутреннего чувства – рефлексивное Я. Именно второй аспект «Я» и можно назвать Образом-Я или Я-концепцией.

Становление активного или функционального Я тесно связано с развитием Я рефлексивного, субстанционального. Но и рефлексивные процессы во многом зависят от деятельности личности и регуляторных механизмов психики.

Рефлексивное Я – это не просто совокупность ощущений, представлений или понятий о себе самом, это, ни что иное, как система взаимосвязанных установок на

себя самого. Она включает в себя следующие аспекты: когнитивный, аффективный, поведенческий и ценностно-нормативный.

Рефлексивное Я осуществляет как когнитивно-информационные функции, так и, тесно связанные с ними, Эго-защитные функции. Оно влияет практически на все аспекты поведения личности. Так, И.С. Кон замечает, что пониженное самоуважение не только сопутствует девиантному поведению, но часто является его причиной.

У разных индивидов различные аспекты Я могут находиться в своем специфическом соотношении друг с другом. Например, кто-то рассказывает о себе, прежде всего, как о носителе определенных социальных ролей или статусов, другой – презентует себя через личные эмоции, потребности и желания. Рефлексивное Я также может различаться на разных стадиях своего развития: по содержанию, направлению (положительное или отрицательное), интенсивности (силе чувства), а также устойчивости, ясности и т.д. При этом, на генезис Я оказывают влияние, как социальная среда, так и собственные механизмы самосознания индивида: например, способность усваивать и анализировать оценки других людей [66].

Опираясь на теорию И.С. Кона, можно предположить, что ведущим аспектом Я-концепции верующего будет являться его религиозное Я: социальные роли, исполняемые в религиозной общине, личные взаимоотношения с богом и т.д.

Отечественным психологом И.И. Чесноковой разработана своя концепция самосознания. По ее мнению, самосознание обеспечивает целостное функционирование человеческой психики, интегрируя в единую структуру различные представления личности о себе самой. Самосознание в данном случае – это процесс восприятия самого себя в самых разных ситуациях и контекстах.

Кроме когнитивной (познавательной) и эмоциональной (самоотношение) составляющей в структуре самосознания И.И. Чеснокова выделяет действенно - волевой компонент. Функция действенно-волевой части выражается в регуляции поведения личности.

Генезис самосознания неразрывно связан с личностным ростом. Можно говорить о том, что самосознание формируется в процессе индивидуального

развития, однако, только благодаря регуляторной функции самосознания возможно последовательное становление личности [174].

Е.Т. Соколова также рассматривает Образ-Я как систему установок, выделяя следующие его подструктуры: когнитивную, включающую физический Я-Образ, а также представление о своих возможностях, способностях, характерологических особенностях, социальном статусе; аффективную (уровень самоуважения, самопринятия); поведенческую (практическая реализация личных мотивов и целей) [138].

В.В. Столин дифференцирует Я человека на Я действующее (субъект) и Я рефлексивное (объект). Я как объект самопознания представляет собой относительно стабильное психическое образование, образ самого себя.

Образ-Я формируется по мере вхождения ребенка в социокультурную среду, через его включение в процессы общения и деятельности посредством следующих конкретных воздействий: прямого или косвенного внушения; формирования правил действий и уровня притязаний; контроля со стороны взрослых; вовлечения в поведение, влияющего на самооценку; вовлечения во взаимодействие, в процессе которого усваиваются правила и нормы поведения; идентификации ребенка со значимыми другими.

Образ-Я не всегда адекватен нашему фактическому поведению. Он может быть ложным, а может и просто не успевать за новыми проявлениями личности в конкретных поступках. Тем не менее, Образ-Я регулирует деятельность человека, его взаимодействие со средой и целеполагание. Так, например, нарушение структуры самосознания, по мнению В.В. Столина, является причиной психологических кризисов.

В.В. Столин применяет уровневый подход к описанию Образа-Я. Три уровня самосознания развиваются у человека последовательно, по мере его включения в новые системы взаимоотношений, при этом низшие уровни не отмирают, а продолжают функционировать в течение всей жизни.

Базовый, самый низший уровень представлений о себе – это отображение себя в системе органической активности, свой сенсорно-перцептивный образ, восприятие

своего тела. Второй уровень – это отображение себя в системе коллективной предметной деятельности. В него входит самооценка как результат оценки других, а также возрастная, половая и социальная идентичность. Наивысший уровень самосознания – уровень личностного развития, в содержание которого входит эмоционально-ценностное отношение к себе, понимание смысла своей жизни. Он тесно связан с представлениями о собственной совести, долге, таких качествах как сила воли и стремление к творчеству. Именно личностный уровень самосознания интегрирует два нижележащих уровня в единое целое, так как является главным, задающим их функционирование [145].

Именно наивысший уровень самосознания, на наш взгляд, наиболее тесно связан с религиозными представлениями о смысле жизни и смерти, с религиозными заповедями и предписаниями.

С.Р. Пантелеев в структуре Я-концепции выделяет две основные части: знание о самом себе и самоотношение. Знание о самом себе можно назвать описательным аспектом Я-концепции или Я-Образом. Самоотношение же представляет собой относительно устойчивую эмоциональную оценку субъектом самого себя и находится в тесной зависимости от общественных норм и ценностей [112]. Эмоционально-оценочный компонент, согласно автору, складывается из следующих своих аспектов: внутренняя честность, самоуверенность, саморуководство, зеркальное Я, самооценочность, самопринятие, самопривязанность, внутренняя конфликтность и самообвинение [111].

С.Р. Пантелеев также отмечает, что описанное им разделение Я-концепции условно и является теоретической абстракцией. Различные аспекты самосознания личности настолько взаимосвязаны, что дифференцировать их практически невозможно [112].

Т.А. Рощенко и М.Ю. Кузьмин отмечают, что вопрос о структуре Я-концепции до сих пор остается дискуссионным. Они классифицируют все имеющиеся в науке представления о структуре Я-концепции на несколько типов:

1. Я-концепция – это совокупность представлений личности о себе самой плюс оценка ею этих представлений.

2. Я-концепция – это сочетание Я-схем – то есть шаблонов сознания, организующих поступающую извне информацию.
3. Я-концепция – это набор перцептивных образов.
4. Я-концепция – это комплекс форм поведения.
5. Я-концепция – это субъективные переживания коллективной точки зрения [131].

А.В. Косов полагает, что Я-концепция состоит из личностных мифов – образов жизненного пространства человека, важных для его самоидентификации. Именно, опираясь на эти мифы, личность строит социальные взаимоотношения [70].

Г.М. Галуцкий разрабатывает понятие «Мы-концепции», которая представляет собой Я-концепцию, воспитанную в условиях коллективной или восточной культуры. Носитель «Мы-концепции» признает свое «Я» менее значимым чем «Мы», важнейшей ценностью для него становится взаимозависимость с группой, а главным вопросом: не «Кто Я?», а «Ради чего я живу?». Именно «Мы-концепция», по мнению Г.М. Галуцкого, характерна для членов религиозных групп [33].

Таким образом, в отечественной психологии понятие Я-концепции почти всегда раскрывается в контексте представлений о самосознании и описывается в качестве тесно связанного с процессом самосознания его результата. Иными словами, самосознание как процесс и самосознание как результат всегда оказываются взаимно обусловленными, и понять один из этих феноменов невозможно без понимания другого.

Важно отметить, что в рамках отечественной теории деятельности, Я-концепция формируется и детерминируется социальным влиянием, но и сама, при этом, выступает в качестве основного регулятора социального взаимодействия и предметной деятельности. Это означает, что, с одной стороны, религиозная община формирует Я-концепцию религиозной личности, с другой, Я-концепция направляет и регулирует взаимодействие личности с религиозной общиной.

Через развитие Я-концепции в отечественных теориях описывается развитие личности в онтогенезе. В структуре представлений индивида о себе выделяются такие составляющие как когнитивная, эмоциональная, поведенческая и ценностно-

нормативная. При этом, особый акцент делается на ценностно-нормативном аспекте Я-концепции, включающем эмоционально-ценностное отношение к себе, оценку значимости своей жизни, представление о таких характеристиках своей личности как честь, совесть и моральная ответственность, для верующего неразрывно связанных с заповедями, традициями, религиозным восприятием смысла жизни.

Особенно важным, в контексте нашей работы, представляется вывод о том, что именно уровень развития ценностного самовосприятия определяет, насколько защищена религиозная личность от деиндивидуализации, самоотчуждения.

Стоит отметить, что непосредственно исследований Я-концепции религиозной личности в психологической науке крайне мало, а накопленный небольшой объем данных по этой проблеме относится в основном к сфере философии и религиоведения.

Так Д.С. Крюков говорит о том, что специализированных работ, посвященных исследованию специфики строения и динамических особенностей Я-концепции религиозного индивида, нет [72].

С другой стороны, те исследования, которые в той или иной степени затрагивают данную проблематику, свидетельствуют о сложности и конфликтности Образа-Я верующего.

Так Н.С. Китча описывает внутренний конфликт религиозной личности через несоответствие Я реального, воспринимаемого как греховное и падшее, Я-идеальному, являющемуся образцом святости. Такое несоответствие, с одной стороны, вызывает негативные чувства, с другой – мотивирует личность к саморазвитию через общение с богом и религиозную деятельность [64]. Похожей точки зрения придерживается также и Д.С. Крюков [72].

М.И. Ясин, исходя из результатов исследования адептов «Общества сознания Кришны», делает вывод о трех типах внутриличностного конфликта у верующих: а) столкновение модели воспитания и личностного развития и модели новой религии; б) столкновение религиозной и светской модели; в) столкновение модели двух разных религий. При этом, как отмечает автор, столкновение светской и религиозной модели внутри личности встречается у членов «Общества сознания Кришны» наиболее

часто. Основная же стратегия разрешения подобного конфликта состоит в обесценивании светского образа жизни, в восприятии его как «заблуждения», достойного сочувствия [193].

Западными психологами конфликтный характер Я-концепции религиозной личности также признается. Так, например, Л. Рэмбо указывает на кризисный или конфликтный этап процесса религиозного обращения. Это период внутреннего конфликта между прежним и новым образом жизни, переживаемый верующим в обязательном порядке до тех пор, пока «вхождение» в новую религию не завершится окончательно [229].

Конфликт между различными элементами в структуре Я-концепции верующего, обнаруженный в исследованиях Н.С. Китчи, Л. Рэмбо, М.И. Ясина, на наш взгляд, обуславливается религиозным обращением как резким переходом от неверия к вере, или из одной конфессии в другую; необходимостью проживания в светском обществе; высокими требованиями к духовному самосовершенствованию, а также чрезмерной фиксацией на соответствии идеальному Я.

Проблему самосознания религиозной личности затрагивают такие авторы как К.М. Антонов, И.С. Буланова, О.В. Звягинцева, Д.С. Крюков, И.Э. Соколовская, О.М. Сорокина, К.В. Храмова, И.Н. Яблоков [6, 20, 53, 72, 140, 141, 170, 187]. Например, К.М. Антонов отмечает, что, в ходе религиозного обращения, самосознание личности трансформируется таким образом, что все без исключения сферы жизни человека приобретают религиозный смысл, возникает чувство наполненности и удовлетворенности [6].

В отличие от него, И.С. Буланова выделяет, в том числе, и такой тип влияния религиозной веры на личность, в ходе которого наблюдается уменьшение смысловой наполненности всех сфер жизни. Она обозначает его как аскетический тип изменения самосознания. Помимо него в ходе эмпирического исследования были обнаружены также кризисный тип (амбивалентные изменения осмысленности жизни), позитивный тип (незначительные положительные изменения степени осмысленности жизни) и катарсический тип (максимально положительные изменения осмысленности жизни). При этом, И.С. Булановой была установлена зависимость

качественных изменений самосознания от уровня индивидуальной религиозности: чем выше уровень религиозности личности, тем выше вероятность того, что в ее самосознании произошли изменения по катарсическому типу [20].

М.И. Ясину на примере выборки буддистов эмпирическим путем удалось доказать, что узость сознания и ригидность мышления не всегда сопутствуют религиозной личности. Данные показатели зависят от типа религиозности [190].

При этом, еще одно исследование М.И. Ясина показало, что преобладающий тип мотивации у буддистов соответствует специфике буддистского мировоззрения [191].

К похожему же выводу пришли К.В. Храмова и Д.М. Азаматов в ходе изучения самосознания религиозной молодежи (мусульман и свидетелей Иеговы). Они выявили, что все структурные звенья самосознания верующих содержат ценностные ориентации их религий. Рефлексивные акты мусульман и свидетелей Иеговы оказались перегруженными религиозной терминологией и, по сравнению, с фоновой группой неверующих не содержали в себе самоуничижительных характеристик. Идентичность верующих четко соответствовала ролям, предписанным их религией. Помимо этого, авторы делают вывод о сравнительно слабой выраженности рефлексии у представителей религиозной выборки [170].

Исследование О.М. Сорокиной, с одной стороны, не противоречит некоторым результатам К.В. Храмовой и Д.М. Азаматова, в частности оно демонстрирует, что самооценка внутри группы дошкольников из религиозных семей более адекватна, чем у детей с атеистическим воспитанием, а также, что верующие дети объясняют свои поступки через систему религиозных предписаний и смыслов. Однако, О.М. Сорокина приходит к выводу о том, что дети из религиозных семей лучше понимают свои внутренние состояния [141].

Расхождение результатов вышеописанных исследований может быть связано с некоторым несоответствием характеристик выборок, в том числе, например, с разницей возрастного состава респондентов.

Еще одно исследование, проведенное И.Э. Соколовской, показывает, что самовосприятие прихожан Русской Православной Церкви, в отличие от

нерелигиозной выборки, ориентировано на отдельный отрезок времени, то есть дискретно. Прихожане церкви склонны к более тщательному обдумыванию своих поступков, имеют более критичное отношение к себе и хуже осознают возникающие у них потребности. Кроме этого, свой гнев, раздражение и агрессию они атрибутируют дьяволу и не связывают подобные проявления с Образом-Я [140].

О.В. Звягинцева выделяет три основных принципа формирования религиозного самосознания: процессуальность (накопление и передача религиозного опыта из поколения в поколение); антропоцентризм (отношение человека к богу, идеалу, лидеру); энергичность (отношение человека к миру). Результатом соблюдения данных принципов является специфическая структура религиозного самосознания, которую можно выразить при помощи системы отношений: «Я - Мир - Бог» [53].

А. Ассор говорит о таком механизме формирования религиозного самосознания как позитивная идентификация. Именно он приводит к гармоничной религиозности, приносящей радость адепту [200].

Принцип соответствия религиозного самосознания религиозной доктрине подтверждается И.Н. Яблоковым, который говорит о том, что религиозное самосознание как один из способов существования религиозного знания формируется через усвоение и переработку данного знания и представляет собой продукт интериоризации религиозных текстов. Основная роль, при этом, в трансляции религиозного знания принадлежит семиотическим системам, в первую очередь – языку [187].

Е.Т. Смирнова пишет, что именно религиозные догматы лежат в основе мировоззрения верующего. А религиозные нормы мотивируют его на непрерывную рефлекссию [139].

Н. Хон и А. Ким эмпирически доказали, что в структурных элементах сознания мусульман и христиан обнаруживается все больше сходства по мере приближения их веры к зрелой, здоровой форме [221].

З.М. Гаджимурадова выделяет следующие звенья в самосознании личности, понимая его, вслед за В.С. Мухиной, как социально обусловленную структуру: 1-

идентификация с именем и заменяющим его местоимением «Я», с образом тела, индивидуальная духовная сущность человека; 2 - притязание на признание; 3 - половая идентификация; 4 - психологическое время личности; 5 - социально - нормативное пространство личности [31]. В качестве содержания социально-нормативного пространства личности автор рассматривает религиозные ценности, права и обязанности, правила поведения и нормы, сформированные в конкретных культурных условиях. Под религиозным самосознанием З.М. Гаджимурадова понимает часть общего самосознания личности, связанную с осознанием и переживанием своей принадлежности к определенной религии (религиозной общности), осуществляемым через призму ценностей и воззрений этой религиозной группы [32].

К.К. Платонов отмечает, что рассматривать религиозное сознание только как индивидуальное, находящееся вне сферы социальных отношений – нельзя. Его взаимосвязи с социальной средой, при этом, носят как прямой, так и обратный характер. Важнейшие из этих взаимосвязей – нравственные и эстетические [117].

Д.С. Крюков дает следующее определение Я-концепции религиозной личности: «это совокупность дифференцированных представлений верующего о самом себе, сформированных в результате интериоризации образов человека и соответствующих им форм, способов, стереотипов поведения и деятельности, выработанных и транслируемых религией. Это психологический механизм, создающий внутреннюю согласованность и относительную устойчивость действий и поведения верующего, на основе которого он строит свое взаимодействие с окружающим миром, другими людьми и религиозными персонажами» [72, С.150].

Следует отметить, что, описывая интериоризацию религиозного текста верующим, с нашей точки зрения, нельзя не учитывать его индивидуальные особенности восприятия и понимания этого текста. Говорить о специфике Я-концепции, исходя только лишь из текстов, транслируемых религиозным институтом, не учитывая индивидуально-типологических свойств адепта религии – не совсем верно.

Я-концепция религиозной личности формируется через выстраивание отношений с трансцендентной реальностью по правилам, соответствующим содержанию разделяемого ею вероучения, с учетом индивидуальных механизмов переработки содержания этого вероучения adeptом религии.

Еще меньше сведений в психологической науке связано с такой центральной составляющей Я-концепции религиозной личности, как религиозное Я. Здесь можно отметить исследование Л.И. Ворожейкиной, которая выделяет четыре основных типа религиозного Я: сформированный гармоничный, сформированный когнитивный, сформированный поведенческий и несформированный тип. В основе упомянутой типологии лежит различное соотношение структурных элементов религиозного Я человека: когнитивного, эмоционального и поведенческого. Помимо этого, Л.И. Ворожейкина доказала, что наибольший вклад в общий уровень религиозности личности вносит именно когнитивный компонент религиозной Я-концепции, к которому можно отнести знания об основных принципах собственной веры, убеждениях и ценностях. Эмоциональный компонент включает в себя осознание эмоций, адресованных Богу; поведенческий – как публичное, так и приватное религиозное поведение (отправление культа, молитвы, медитации и т. д.) [29]. Следует отметить, что в своем исследовании Л.И. Ворожейкина опирается на модель религиозной Я-концепции Ч. Глока [212].

С нашей точки зрения, религиозное Я, описанное Л.И. Ворожейкиной, так или иначе, совпадает с представлениями о «религиозной идентичности».

Т.С. Пронина замечает, что до сих пор не выработано единого научного подхода к концептуализации понятия «религиозная идентичность». Она приходит к выводу, что чаще всего в данный концепт входит «осознание собственной вероисповедной принадлежности, связанное с соотношением с религиозными представлениями, системой ценностей, норм, предписаний, запретов, моделей поведенческих актов, с традициями, обычаями, представлениями о семье, обществе, власти». Вторая составляющая религиозной идентичности – «осознание принадлежности к религиозному сообществу, реализующаяся двунаправленно: как

готовность принять установления и ценности данного сообщества и как желание ощущать себя его частью» [121, С. 155].

Таким образом, на сегодняшний день в психологической науке очень мало работ, посвященных непосредственному исследованию Я-концепции религиозной личности.

Между тем, описание самосознания религиозной личности, с нашей точки зрения, является основным ключом к пониманию эмоциональной и поведенческой сферы верующего, принципов его взаимодействия с окружающими. Я-концепция выступает в качестве управляющего центра религиозной личности, регулятора ее мотивационно - поведенческой сферы.

Опираясь на вышеизложенный теоретический анализ, сформулируем следующее определение: Я-концепция религиозной личности – это относительно устойчивая, осознанная система всех представлений верующего о самом себе, сопряженная с эмоциональной оценкой этих представлений, важнейшим элементом которой является религиозная идентичность или совокупность представлений верующего о себе самом в контексте его взаимоотношений со сверхъестественными, трансцендентными силами и с религиозным сообществом.

Я-концепция религиозной личности детерминируется как содержанием разделяемого ей вероучения, социально-психологическими характеристиками конкретной религиозной группы, типом религиозного обращения, так и индивидуально- типологическими, социально-демографическими характеристиками самого обращенного, а также типом его религиозности.

В нашей работе мы будем опираться на представления о структуре Я-концепции, акцентирующие внимание на двух, наиболее фундаментальных ее составляющих: описательной и эмоционально-оценочной (Р. Бернс, С.Р. Пантелеев, А.Г. Спиркин [15, 112, 143]).

1.3. Теоретическая модель Я-концепции фанатической религиозной личности

В ходе проведенного нами анализа научной литературы не удалось обнаружить специальных эмпирических исследований Я-концепции характеризующегося фанатизмом верующего. Однако, в рамках психологии и философии накоплен некоторый объем теоретических представлений о психологических особенностях самосознания религиозного фанатика.

В задачу данного параграфа входит: на основе имеющихся в науке представлений о самосознании религиозного фанатика построить теоретическую модель содержания Я-концепции фанатической религиозной личности.

Так Ю.М. Власова в ходе теоретического анализа выделяет несколько основных линий психологической трансформации личности религиозного фанатика:

1. Трансформация ресурсов жизнестойкости предполагает полную передачу личной ответственности во всех сферах жизнедеятельности религиозной группе.
2. Трансформация направленности индивида в сторону чрезмерной обеспокоенности судьбой религиозной группы.
3. Трансформация идентичности выражается у фанатика в избыточной идентификации с группой, то есть сужение личностной идентичности до отождествления себя с социальными ролями религиозной группы [24].

Исходя из этого, можно предполагать, что описательная сторона Я-концепции религиозного фанатика будет представлена, прежде всего, восприятием себя в качестве члена религиозной группы, лица, выполняющего значимые для группы функции: участие в ритуалах, миссионерская деятельность, духовное послушание, а также представлением о себе в контексте типичного для данной религиозной группы взаимодействия с высшими силами. Данный вывод мы включили в описание авторской теоретической модели Я-концепции фанатической религиозной личности, представленной на Рисунке 1.

4. Трансформация восприятия других и характера контактов с ними заключается в том, что те лица, которые не являются членами фанатической группы,

идентифицируются фанатиком как чужаки, в стратегиях взаимодействия, с которыми преобладающая роль отводится борьбе или соперничеству [24].

5. То же самое находим и у других авторов: А. Муминов отмечает важность для религиозного фанатика и экстремиста образа врага, связанного с представителями чужой национальности и культуры. А. Муминов подчеркивает инфернализацию действительности религиозным фанатиком, представляющую собой восприятие окружающего мира исключительно в негативном свете [98].

Такие ученые как Э.С. Абдулаева, Х. Абу Райя, Р. Жирар, Г. Кепель, Д.В. Ольшанский [1, 197, 211, 218, 105] рассматривают религиозный фанатизм как самозащиту в условиях агрессивной социальной среды.

Х. Абу Райя, А. Махони и К. Паргамент, основываясь на результатах проведенного исследования, приходят к выводу: люди, убежденные в том, что их ценности находятся под атакой, в большей степени готовы проявлять религиозный экстремизм [197].

Антропологическая теория Р. Жирара выделяет два типа стремления у человека: биологическое – инстинктивное, связанное с Ид, и социальное – обусловленное Эго. В обществе символического потребления, в котором идентичность и чувство собственного достоинства привязано к символам, социальное стремление обостряется. Когда член такого общества подвергается унижению, он начинает применять насилие как защиту [211].

В контексте нашего исследования под обществом символического потребления можно понимать религиозное общество или религиозную группу, в которой важное значение отведено религиозным символам.

По мнению Г. Кепеля, в современном мире конкуренция между религиями велика. Помимо этого, фанатизм в эпоху глобализации носит оппозиционный характер и подогревается жесткими действиями со стороны государства [218].

Д.В. Ольшанский в числе причин вступления личности на путь терроризма называет сверхсосредоточенность на защите своего «Я», переживание большой степени социальной несправедливости, социальную изолированность и

отчужденность, ощущение нахождения на социальной обочине и потери жизненной перспективы [105].

Э.С. Абдулаева, анализируя проблему возникновения религиозного фанатизма среди чеченской молодежи, сосредотачивается на описании фактора социально-психологической напряженности [1].

П. Концен пишет о недоверии фанатика к окружающему миру, переживании им чувства стыда, которое связано со страхом социального неодобрения [69]. Р. Краузе упоминает о коллективном чувстве стыда у фанатика, взаимосвязанном с коллективным нарциссизмом и проявляющимся в межгрупповых конфликтах [222]. Согласно психоанализу, фанатик не способен к любви и привязанности, чем может только провоцировать отвращение у окружающих [248]. Так разрыв супружеских отношений может рассматриваться как условие, способствующее радикализации личности [204].

Это может находить свое отражение в содержательном аспекте Я-Образа религиозного фанатика в виде тенденции противопоставлять себя обществу или определенным слоям общества, воспринимаемым как враги, источник социальных и духовных проблем. Фанатик будет склонен воспринимать себя в контексте социальной борьбы, например, как борца за справедливость, воина света, защитника истины или того, на кого нападают, и кто вынужден активно защищаться.

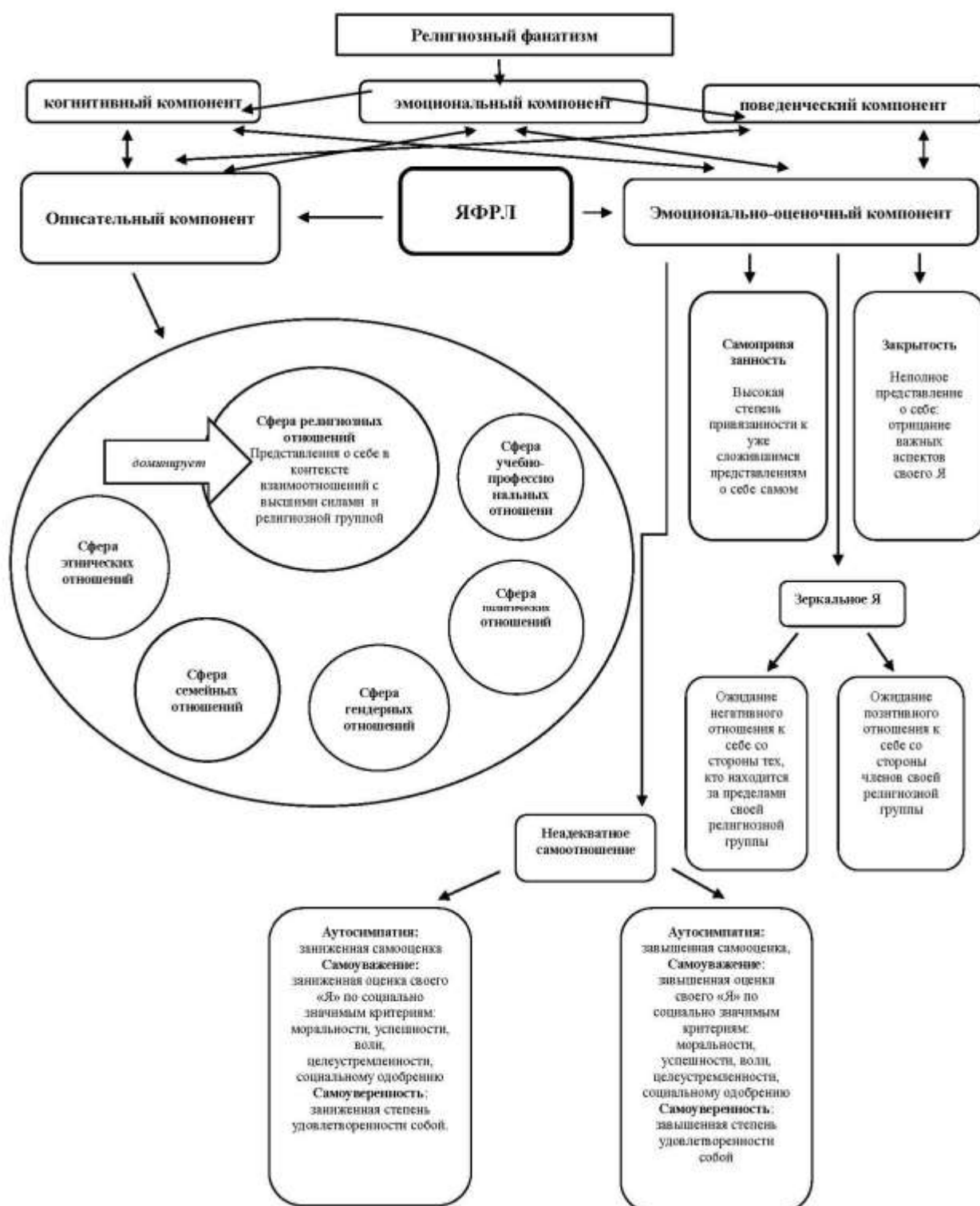

Рисунок 1. Авторская теоретическая модель

Я-концепции фанатической религиозной личности (ЯФРЛ)

Зеркальное Я фанатической личности может, таким образом, быть связано с атрибутированием окружающим отрицательных мыслей, чувств и действий, направленных против фанатика. Возможно, что для фанатической личности будут

характерны отсутствие склонности к самообвинению и экстернальный локус контроля, так как причины личных неудач она будет объяснять поведением других людей.

На наш взгляд, это может отражаться в ожидании религиозным фанатиком негативного отношения к себе со стороны окружающих, не являющихся членами религиозной общины.

Однако, стоит также отметить, что члены одной религиозной группы, разделяющие один образ жизни и мировоззрение, включены в групповую деятельность, в ходе которой могут ощущать социальную поддержку, испытывать позитивные чувства друг к другу, что удалось доказать в исследованиях Л. Виторино [246].

Таким образом, при построении теоретической модели Я-концепции фанатической религиозной личности, мы выделили два противоположных аспекта ее Зеркального Я. С одной стороны, это ожидание негативного отношения к себе со стороны тех, кто находится за пределами своей религиозной группы. С другой – ожидание позитивного отношения к себе со стороны членов своей религиозной группы (Рисунок 1).

Вывод о сужении содержательных аспектов Я-концепции фанатика, об их полной обусловленности групповыми религиозными установками следует из того, как описывает самосознание фанатической личности Г.В. Старшенбаум. По его мнению, ценности фанатика ничем не отличаются от ценностей, декларируемых религиозной группой, а ответственность полностью делегируется ее лидеру. Чем больше фанатик теряет свою индивидуальность, тем сильнее нуждаются в идентификации с лидером и группой, развивая таким образом нарциссическое ощущение всемогущества [144].

В исследовании О.С. Посыпановой и О.С. Лариной выявлен такой тип Я-концепции потребителя как «подражатель». «Подражатели» покупают те товары, которые популярны. Им крайне важно почувствовать свою идентичность с коллективом. Было установлено, что личность с таким типом Я-концепции наиболее подвержена манипуляции [119].

Это можно связать, в том числе, и с тем, что для фанатической религиозной личности все сферы жизнедеятельности, кроме религиозной, теряют свое значение. Исследования И.С. Булановой и А.Ю. Чернова доказывают, что аскетический тип религиозной конверсии предполагает сужение сферы самосознания до области построения отношений с Богом. Именно этот тип самосознания, по мнению авторов, характерен для террористов-смертников [173].

Опираясь на теорию А.П. Тикса и П.А. Фрейзера, можно предположить альтернативный вариант Я-концепции религиозного фанатика, в котором не связанные напрямую с религией аспекты Я не нивелируются, а приобретают религиозную окраску. Как полагают авторы, на определенном уровне погружения в религию, сфера повседневного быта наделяется для верующего религиозным смыслом. Все обыденное становится сакральным [244].

А. Муминов отмечает наличие мифологических элементов в сознании религиозных фанатиков и экстремистов, обеспечивающих их оторванность от реальности и жизнь в выдуманном мире. Мифологическая логика не понятна окружающим: так, апокалипсически мыслящие мусульмане должны завоевать мир только потому, что так, будто бы, повелел им Бог [98].

С. Рейсс описывает процесс сакрализации через иерархическое взаимодействие ценностных уровней, когда главенствующие ядерные ценности, начинают подчинять себе ценности периферические [234].

Таким образом, можно предположить, что в общем содержании Я-концепции религиозной фанатической личности присутствуют только те представления о себе, которые вписываются в сферу взаимоотношений Я-религиозная группа-Бог. Иными словами, Я-концепция религиозного фанатика будет представлена, прежде всего, Я-религиозным.

Также можно предположить, что господство Я-религиозного будет обеспечиваться либо нивелированием всех тех представлений о себе, которые не вписываются в религиозный контекст, то есть касающихся светских сфер деятельности, либо приданием всем остальным аспектам «Я» религиозной окраски.

В первом случае религиозный фанатик будет говорить о себе только как о члене религиозной организации, во втором случае, он может воспринимать себя и как гражданина государства, и как отца, но только в религиозном контексте. К примеру: как гражданина православного государства, борющегося с дьяволом на политической арене; как главу семейства, являющегося прообразом главы церкви Христовой и т.д.

О потере отдельного восприятия себя, утрате чувства уникальности у членов нетрадиционных религиозных групп пишет О.В. Звягинцева. Самосознание нетрадиционных религиозных сообществ она описывает с помощью формулы «Бог - Я + Мы - Мир», в которой нормативное «Я» замещается на «Я + Мы» [53].

Поскольку в литературе достаточно часто нетрадиционные формы религиозности связываются с фанатизмом (Д. Майерс, В.Д. Менделевич, Д.А. Мещеряков, С.Б. Филатов [82, 89, 92, 154]) можно предполагать, что именно такая, описанная О.В. Звягинцевой, форма самосознания характерна для религиозного фанатика.

А.Г. Асмолов отмечает характерное для фанатической личности «группомыслие», представляющее собой готовность отдельных членов религиозной группы безропотно и безоговорочно соглашаться с решением своего лидера [8].

Потеря индивидуальности, с нашей точки зрения, может быть связана не только с растворением личности в группе. Ослабление чувства Я у верующих, на наш взгляд, может быть следствием ощущения слияния со сверхъестественной силой. Например, Д. Г. Коновалов описывает радения русских мистических сектантов (хлыстов и малеванцев) как «выхождение из себя», «забывание себя», «самоотчуждение и, вместе с тем, как-бы раздвоение личности» [68, С.630], как «распад душевного единства». Во время подобных экстатических исступлений возникают механические ассоциации и психические автоматизмы: сектанты «забывают стыд, в собраниях лица обоего пола пляшут совершенно нагие, не скрывая своих половых влечений» [68, С.634]. При этом, Д.Г. Коновалов добавляет, что ответственности за происходящее молящиеся не несут, так как воспринимают себя лишь орудием Духа Святого, вошедшего в них [68].

Деиндивидуация понимается В.В. Столиным, прежде всего, как утрата возможности свободного выбора и ответственности, вызванная нивелированием отличительных особенностей индивида или анонимностью его действий. В таком состоянии человек не способен выделить себя из окружающей среды как отдельную личность, так как пребывает в некотором «опьянении» сознания [145].

Т. Шибутани понимает деперсонализацию как амнезию, связанную с неприятием негативных аспектов своего Я, например воспоминаний, которые могут повредить желаемую или устоявшуюся Я-концепцию. Деперсонализация проявляется в утрате личной определенности, в отчуждении от самого себя, и видении себя исключительно со стороны. Возникает чувство «это происходит не со мной» [177].

Можно полагать, что именно механизм деперсонализации позволяет фанатической религиозной личности проявлять бесстрашие и смелость, не бояться боли и смерти.

Так, например, по мнению Э. Хоффера, отчуждение личности от самой себя может производиться посредством метода театрализации. Когда «жестокая реальность смерти и убийства» скрывается за умело выстроенным драматическим представлением, в котором человек видит себя будто бы со стороны, – даже ситуация угрозы жизни перестает оцениваться в качестве опасной [169].

Именно в театральной обстановке осуществлялось самоубийство членов религиозной организации «Врата рая». Смерть обыгрывалась ими как загородное путешествие: все 39 трупов были одеты в черные спортивные костюмы и новые кроссовки. Их головы были закрыты платками фиолетового цвета. В кармане каждого было найдено по пять долларов с мелочью. Рядом были обнаружены дорожные сумки [152].

Для фанатика, с точки зрения, К. Маримаа, важно найти объект преданности, с которым он становится единым целым, устанавливает тесную взаимосвязь. А при потере этой связи, начинает искать новый объект преданности [226].

З. Фрейд говорит о человеке массы, как о предавшем личный «Идеал-Я», заменившем его, воплощенном в вожде, идеалом массы. Как правило, человек

избирает идти за тем вождем, который имеет сходные с ним черты, но, при этом, обладает гораздо большей силой. Именно это и дарит члену толпы ощущение триумфа и силы, помогает избавиться от чувства неполноценности. В случае мании, при утрате самокритичности, «Я» и «Идеал -Я» сливаются настолько, что личность начинает испытывать наслаждение от унижения и дискриминации других [160].

П. Концен полагает, что фанатизм является реакцией на угрозу потери идентичности, представляя собой своеобразный инстинкт самосохранения [52, 68]. Эта угроза возникает для фанатика в связи с его «диффузной идентичностью». Вслед за Э. Эриксоном, «диффузную идентичность» П. Концен понимал не как медицинский симптом, а как вариант нормальной душевной жизни человека [69].

Из этого следует, что, идентифицируясь с высшим идеалом, фанатик может обретать самоуверенность и высокую самооценку. Так, С. Эрлих считает, что у склонных к фанатизму подростков, возникает желание слиться с чем-то большим, чем собственная самость, чтобы обрести силу [208].

Благодаря работе защитных психических механизмов обеспечивается отчуждение определенных значимых частей его Я, конфликтующих с образом идеала. Поэтому на внешнем, поверхностном уровне религиозный фанатик высоко оценивает себя, несколько не сомневается в своей правоте и бесконфликтен, и, одновременно с этим, на неосознанном уровне он недоволен собой и переживает глубокий внутренний конфликт.

То, что некоторые значимые внутренние тенденции религиозного фанатика с большим трудом поддаются рефлексии, подтверждает О.А. Войновская, отмечая, что последний не осознает свою потребность во власти над окружающими [27].

Вывод о противоречивом содержании Я-Образа религиозной фанатической личности следует также из теоретических представлений И.А. Беляева, О.Н. Усатенко, М.Я. Яхьяева [13,151,195].

О.Н. Усатенко, рассматривающий религиозный фанатизм сквозь призму психоанализа, описывает его через сочетание противоположных тенденции к жизни и к смерти, а также как амбивалентное чувство любви и ненависти. Подобный личностный склад формируется еще в детстве, в период эдипальной стадии развития.

Именно в возрасте около 3-5 лет, с одной стороны, возникает мощная потребность в удовольствии, любви и ласке, с другой – эта потребность жестко блокируется [151].

М.Я. Яхьяев описывает противоречие между внутренней пустотой религиозного фанатика и демонстрацией им ярких эмоций [195].

И.А. Беляев выделяет две прямо противоположные формы религиозного фанатизма: пассивную, обусловленную неспособностью удовлетворить собственные потребности, выраженную в отшельничестве, уходе от повседневного быта, тренировке духа и самодисциплине. А также активную, при которой способности личности превышают ее потребности – отсюда возникает стремление изменять и спасать мир, навязывая окружающим свое личное представление о благе [13].

Описанные выше противоречия между явным и скрытым отношением к себе, характерные для религиозного фанатика, с нашей точки зрения, несут угрозу целостности его представлений о себе. Однако, слабая рефлексия, недостаток критичности, а также другие защитные механизмы психики способны поддерживать иллюзию гармоничности и бесконфликтности «Я» [157].

Так Е.И. Кустова пишет, что Образ-Я сохраняет свою целостность благодаря психологическим защитным механизмам личности [75].

Рассмотрим подробно, каков механизм этих психологических защит, и какие особенности Образа-Я он может обуславливать.

Один из таких механизмов описан Т. Шибутани как феномен множественной личности. Это расщепление «Я» на две независимо функционирующие целостные системы. Иногда эти системы взаимно осознаются, но, при этом, функционируют раздельно. В других случаях одна из систем вытесняется в бессознательное [177].

О подобном «расщеплении» применительно к религиозной личности говорят такие авторы, как Р. Лифтон и С. Хассен [224, 166].

Исходя из модели С. Хассена, даже после полного погружения в религиозный культ, докультовая личность не исчезает, а только вытесняется в бессознательное личностью культовой. В ходе, правильно организованной, психокоррекции, ее возможно актуализировать. В задачу психолога при этом входит сбор как можно более полной информации о ценностях, интересах и установках личности до ее

религиозного обращения. С. Хассен подчеркивает, что полностью подавить, вытеснив из памяти, культовую личность невозможно. Так как здоровое, «подлинное Я» представляет собой гармоничное сочетание культовой и докультовой личности [166].

Нездоровую духовность как духовность дезинтегрированную, а значит, не имеющую ресурса и полноты, не способную удовлетворить требования жизни человека, описывают К.И. Паргамент и Дж. Ломакс [230].

С этой точки зрения рассогласованный Образ-Я религиозного фанатика нельзя назвать здоровым. Это означает, что ему не хватает глубины, гибкости и динамичности. Такая Я-концепция приводит к социальной дезадаптации.

В содержании Я-концепции верующего, выстроенной по модели С. Хассена, будут присутствовать только вписанные в рамки религиозной доктрины, разделяемой группой, представления себе.

Подобным образом, Дж. Фирман и А. Гила полагают, что верующий может быть настолько охвачен своими религиозными чувствами, что все иные переживания обесцениваются и вытесняются в бессознательное, как противоречащие содержанию актуальной духовной жизни. Иными словами, не происходит интеграция новых трансперсональных переживаний в личность, а сама личность полностью идентифицируется с этими переживаниями в ущерб всем остальным сферам жизни. Авторы полагают, что по причине недостаточной способности к рефлексии фанатик не в состоянии понять или усвоить свой новый духовный опыт так, чтобы связать его с уже имеющимся биографическим багажом [210].

Х. Кохут утверждал, что в основе религиозного фанатизма лежит инфантильная оборона от своих же собственных мыслей и чувств, которые вытесняются и проявляются, согласно правилам психологической проекции. А именно, фанатик начинает узнавать свои собственные неприемлемые внутренние тенденции в других. Иными словами, он направляет агрессию на себя самого же, против вытесненного содержания своей собственной личности, противоречащего «истинной» вере [247].

Следующий вид адаптивного «расщепления» психики представлен моделью «удвоения личности» Р. Лифтона. Согласно этой модели, «Я» разделяется на две независимо функционирующие друг от друга системы. Обе эти системы осознаны, но при этом, не связаны между собой и не несут друг за друга никакой ответственности. Такая рассогласованность обеспечивается не тем, что одна часть личности отвергает другую, но тем, что трансформируется смысл этой части личности.

На примере деятельности нацистских врачей в Освенциме Р. Лифтон демонстрирует как за короткий период времени гуманные медики, призванные спасать пациентов от смерти, превращались в убийц. Каждый нацистский врач знал, что он делал, но искажал смысл своей деятельности, воспринимая фактически совершаемые убийства, как научные исследования в сфере селекции, необходимые для выживания и блага человечества. В этом и заключается парадокс «удвоенного» сознания: убивать и причинять вред, воспринимая это как спасение и добродетель. Р. Лифтон полагал, что поведение врачей в лагерях смерти напоминает поведение террористов, членов мафии и «эскадронов смерти» [224].

Эта парадоксальность фанатического религиозного сознания, в котором любовь к ближнему, характерная для всех религий, легко сочетается с предрассудками относительно иноверцев, упоминается также и Г. Олпортом [103].

С нашей точки зрения, признаки «удвоения» в Я-концепции фанатической личности могут проявляться в том, что свое поведение, противоречащее как религиозным, так и другим социальным нормам, фанатик будет оценивать как исключительно положительное, приносящее обществу пользу.

Ряд авторов, таких как К. Паргамент, Л. Робертс, В.Ф. Чиж [230, 235, 175], упоминают о подавлении религиозными фанатиками своих сексуальных влечений.

С нашей точки зрения, это обусловлено черно-белым мышлением, когда при трактовке таких понятий как грех блуда и целомудрие фанатик впадает в крайности, начиная испытывать чувство вины уже только при появлении сексуально-окрашенных мыслей. Данные характеристики фанатического мышления эмпирически подтверждены в исследовании М.И. Ясина, где продемонстрирована

взаимосвязь показателей когнитивной закрытости с косностью мыслительных процессов, догматизмом, авторитаризмом, а также с ортодоксальными взглядами и фундаментализмом [192].

Л. Робертс, М. Холлифилд и Т. Маккарти описывают случай обращения к урологу адепта религиозной группы «Врата Рая» с просьбой произвести кастрацию. Все верующие, состоявшие во «Вратах Рая», впоследствии покончили жизнь самоубийством, что согласовывалось с их убеждениями и доктриной. Со слов адепта секты, его собственная сексуальность представляла собой барьер между ним и Творцом. Таким образом, сексуальность провоцировала конфликт между Я-идеальным и Я-реальным религиозного фанатика. Внутренний конфликт сопровождался у пациента симптомами нарушений настроения, такими как ангедония, отсутствие сна, изменения аппетита, суицидальные наклонности и дисфория. При этом, нарушения рефлексивных процессов обнаружено не было, мышление оставалось гибким [235].

Отечественный психиатр В.Ф. Чиж подробно описывает исторически известную личность монаха Фотия Спасского, которого считает религиозным фанатиком. В. Ф. Чиж замечает, что Фотий был образцовым аскетом, ни повседневная жизнь, ни искусство, ни наука не интересовали его, единственное, с чем в первое время шла борьба, – было половое влечение [175].

Конфликт с сексуальным аспектом собственного Я у религиозного фанатика, по нашему мнению, может быть преодолен через механизм сублимации.

Так П.Б. Ганнушкин одним из первых обнаружил связь сексуальности, агрессии и религиозного чувства. Он полагал, что религиозный экстаз сродни сексуальному возбуждению, так как сопровождается выбросом в кровь большого количества эндорфина [144].

В.С. Поликарпов и В.А. Поликарпова замечают, что состояние мистического экстаза достигается либо подавлением сексуальности, которая сублимируется в экстаз, либо участием в ритуальных оргиях [117].

В.Ф. Чиж, рассуждая о небывалом психологическом воздействии, которое оказывал «темный» и «невежественный» Фотий Спасский на царя Александра I,

объяснял его наличием у монаха большого количества внутренней энергии. Сильная эмоциональность Фотия впечатляла и в сочетании с невероятным самообладанием помогала одерживать победу в спорах с более рациональными и грамотными оппонентами. В. Ф. Чиж высказывает предположение о том, что эту энергию позволяет накапливать половое воздержание [175].

Таким образом, мы полагаем, что итогом работы всех вышеописанных психологических защитных механизмов, свойственных религиозной фанатической личности, будет такое отличие фанатической Я-концепции от нормативной, как отсутствие хорошо осознанного внутреннего конфликта. Исключение, с нашей точки зрения, может составлять только конфликт с сексуальными аспектами собственного Я, которые, как было выяснено, часто с большим трудом поддаются подавлению. Помимо этого, можно предполагать, что конфликт с собственной сексуальностью не будет столь характерен для не фанатиков. Так как только религиозным фанатикам свойственно дихотомическое мышление, доводящее до крайности религиозные предписания.

Эти выводы позволяют включить в построенную нами теоретическую модель Я-концепции фанатической религиозной личности такой аспект как «неполные представления о себе самом, отрицание важных сторон своего Я». Когнитивная закрытость же и косность фанатического мышления [191], на наш взгляд, может выражаться в такой содержательной характеристике Я-концепции как сильная привязанность к уже сложившимся представлениям о себе самом (Рисунок 1).

На наш взгляд, противоречие между содержанием сознательного и неосознанного компонента Я-концепции религиозного фанатика объясняет столь неоднозначное описание его личности в психологической науке.

Например, Э. Хоффер приписывает религиозному фанатику чувство неполноценности, бессилия и неспособность к творчеству, возникшее в результате дефектов социализации. Не имея возможности найти опору в самом себе, от своего «Я» такой верующий отказался. Именно в поисках уверенности фанатик «цепляется» за всевозможные массовые движения [169].

Д.В. Олышанский замечает, что личность террориста характеризует ущербность, берущая начало в самом раннем возрасте. Анализируя автобиографии террористов-смертников, он приходит к выводу, что у многих из них в детстве были убиты родители, либо такие дети наблюдали страдания родственников, страдали и переживали унижение сами [105].

А.А. Романова и А.В. Романов полагают, что фанатизм порождается комплексом неполноценности [129].

А. Муминов указывает на пренебрежительное отношение религиозных экстремистов не только к смерти, но и к собственной жизни [98].

Сходным образом, А.В. Губенко полагает, что террорист стремится утвердиться через власть над другими по причине наличия у него комплекса неполноценности [37].

Ф. Римаан выделяет два характерологических типа религиозных фанатиков: депрессивные и склонные к навязчивостям. При этом оба типа им идентифицируются как слабые, тревожные и нуждающиеся в защите. Депрессивный тип испытывает перманентный страх быть отверженным, поэтому так легко привязывается к сильной авторитарной фигуре. Он не способен мыслить самостоятельно, легко принимает на веру любые догмы. Для лиц с навязчивостями же характерен страх неопределенности. Боясь всего нового, необычного и непредсказуемого, они структурируют и упорядочивают жизнь при помощи религиозных ритуалов [126].

Другие авторы, напротив, акцентируют большее внимание на чувстве избранности религиозного фанатика, его мании величия, ощущении превосходства над другими.

Так, А.Г. Асмолов, сравнивая фанатиков с зомби и манкуртами из романа Чингиза Айтматова, утратившими свое Я, подчеркивает осознание фанатиком своей избранности, восприятие им себя в качестве орудия высших сил, вверивших ему особую священную миссию. Фанатическая личность с точки зрения А.Г. Асмолова авторитарна, отличается враждебностью, направленной против политических,

этнических и религиозных групп, воспринимаемых как воплощение зла, главная причина всех проблем, бед и несправедливости [8].

Как считает М.Я. Яхьяев, для фанатика объективный результат своей деятельности не важен: субъективная система оценок, в которой он часто выступает как герой и победитель, гораздо более важна для него [195].

Отечественный психиатр конца XIX начала XX века В.Ф. Чиж, опираясь на биографический метод, анализирует личность монаха Фотия Спасского, которого причисляет к религиозным фанатикам и описывает как эгоцентричного, склонного к нарциссизму, самолюбию и властолюбию [175].

Опираясь на теорию А. Бека, Е.Т. Соколова раскрывает специфику Я-концепции лиц, страдающих депрессией. Она приходит к выводу, что, так называемые, ошибки мышления при депрессии являются следствием эгоцентричности, «сверхвключенности Я» депрессивного больного, что делает невозможным объективное познание мира. Такое Я замкнуто исключительно на себе самом и центрировано на системе «личных значений». Ошибочное мышление описывается при этом как черно-белое, поляризованное, сверхобобщенное, иными словами, как фанатическое [139]. Исходя из этого, можно предположить, что Я фанатика точно так же центрировано на себе самом и своей особой значимости, как Я депрессивной личности.

С точки зрения М.М. Решетникова для личности фанатика характерно ощущение избранности, возложенной богом миссии очистить мир от зла. Мученичество и смерть воспринимаются фанатиком как подвиг [124].

Ю.М. Власова и Е.Л. Доценко определяют фанатизм как некий защитный механизм личности, создающий у нее чувство собственной значимости [23].

С нашей точки зрения, противоречивые мнения по поводу самооценки религиозного фанатика, легко обобщаются в выводе о ее неадекватности. Так, например, известно, что комплекс неполноценности и комплекс превосходства А. Адлер считал сторонами одной медали [3]. На такой важный аспект Я-концепции религиозного фанатика как неадекватная самооценка мы также опирались при построении ее теоретической модели (Рисунок 1).

Нужно также отметить, что гендерные аспекты религиозного фанатизма исследователями практически не рассматриваются. Так, А. А. Шанин пишет о том, что все научные работы посвящены религиозному фанатизму мужчин. При этом, он отмечает, что фанатизм женщины гораздо более эмоционален, она глубже чем мужчина погружается в иллюзии и фантазии [176]. Однако, в ходе эмпирического исследования О.А. Белобрыкиной и А.А. Хачатрян выявлено, что среди подростков религиозных фанатиков больше юношей чем девушек [12].

Е.В. Иванова отмечает, что, как любой другой феномен, фанатизм будет иметь множество граней, одна из которых, – гендерная [56].

М.И. Ясин в процессе исследования православных христиан затрагивает гендерные аспекты православной религиозности и подчеркивает, что мужчины в большей степени, чем женщины ориентированы в своей религиозной жизни на социальную оценку [189]. Гендерная роль включает в себя набор половых образцов поведения, которые ожидаются от мужчины и женщины [67]. На сегодняшний день остается неизвестным, каким образом гендерные роли проявляются в поведении религиозной фанатической личности.

Мы полагаем, что при изучении такого социально-психологического феномена как религиозный фанатизм, нельзя не учитывать влияние восприятия верующим своей половой принадлежности на его социальное поведение.

Таким образом, в ходе анализа научной литературы, мы построили свою теоретическую модель Я-концепции фанатической религиозной личности (Рисунок 1). Данная теоретическая модель показывает, что для Я-концепции фанатической религиозной личности характерна специфика, как, непосредственно, представлений верующего о себе самом, так и эмоциональной оценки верующим этих представлений. А именно: наиболее широко представлены представления верующего о себе в сфере религиозных отношений, например: Я-верующий, Я-христианин и т.д. Представления о себе, касающиеся других социальных сфер (учебно-профессиональной, семейной и т.д.), представлены минимально. Эмоциональное самоотношение фанатика характеризуется неадекватностью, которая может проявляться в двух вариантах: чрезмерно завышенной и чрезмерно

заниженной самооценке. Также оно характеризуется высокой степенью эмоциональной привязанности к уже сложившимся представлениям о себе самом; неспособностью принимать важные аспекты своей личности; ожиданием негативного отношения со стороны «чужих» и позитивного отношения со стороны «своих». Согласно теоретической модели все компоненты ЯФРЛ взаимосвязаны с когнитивной, аффективной и поведенческой личностной сферой.

Полученная теоретическая модель выполняет функцию обобщения: обобщает особенности Я-концепции религиозного фанатика, представленные в разных теориях.

Также данная теоретическая модель выполняет эвристическую функцию: дает возможность построить гипотезы, касающиеся содержания Я-концепции фанатической религиозной личности.

Опираясь на полученную теоретическую модель, мы предполагаем, что социально-психологическое содержание Я-концепции личности верующего, а также взаимосвязь этого содержания с поведенческой, когнитивной и эмоциональной личностными сферами, детерминируется уровнем религиозного фанатизма личности.

В частности:

1. Я-концепция фанатической религиозной личности характеризуется специфическим содержанием своего описательного компонента, отличающим ее от Я-концепции нефанатичных верующих.

2. Я-концепция фанатической религиозной личности характеризуется специфическим содержанием своего эмоционально-оценочного компонента, отличающим ее от Я-концепции нефанатичных верующих.

3. Я-концепцию фанатической религиозной личности характеризуют специфические взаимосвязи ее содержательных элементов с компонентами религиозного фанатизма: фанатическим поведением, эмоциями и мировоззренческими представлениями, отличающие ее от Я-концепции нефанатичных верующих.

4. Социально-психологическое содержание Я-концепции фанатической религиозной личности имеет гендерные особенности.

Я-концепция, как совокупность всех имеющихся представлений личности о себе самой, выступает в качестве управляющего центра личности, регулятора ее мотивационно-поведенческой сферы. Поэтому, именно через описание Я-концепции религиозной личности раскрываются ее основные психологические характеристики, определяются стратегии ее социального взаимодействия, что помогает прогнозировать и корректировать социальное поведение верующего, в том числе и фанатическое поведение.

Выводы по первой главе

Под религиозной личностью в нашей работе мы понимаем личность, обладающую социально-психологическими характеристиками, связанными с выстраиванием общественных взаимоотношений, опосредованных отношениями с Богом или высшей силой.

Я-концепция верующего детерминруется не только содержанием разделяемого им вероучения, социально-психологическими характеристиками референтной религиозной группы, типом религиозного обращения, но и индивидуально-типологическими, социально-демографическими характеристиками религиозной личности, а также типом религиозности.

Наличие теоретических описаний религиозного фанатизма в качестве относительно устойчивой характеристики личности (И.А. Беляев, О.А. Войновская, К. Маримаа, Г. Олпорт, Г.В. Старшенбаум, М.Я. Яхьяев и др.[13, 27, 226, 103, 144, 196 и др.]) позволяет использовать понятие «фанатическая религиозная личность»

Опираясь на анализ имеющихся в науке определений религиозного фанатизма, в структуре религиозного фанатизма мы выделяем когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Когнитивный аспект фанатизма связан с полной фокусировкой внимания на религиозной доктрине, а также дифференциацией всех членов общества на праведных – разделяющих эту доктрину, и неправедных – не разделяющих доктрину, с осознанием обязанности исправлять, очищать, спасти мир. Аффективный компонент включает в себя обезличенные, негативные и демонстративные чувства, направленные на социальный объект, представленный, так

называемыми, несправедливыми членами общества. Поведенческий компонент подразумевает внешнюю религиозную мотивацию всех форм социальной деятельности, а также насильственные формы социального воздействия.

Исходя из этого, под Я-концепцией фанатической религиозной личности (ЯФРЛ) или фанатической религиозной Я-концепцией в данной работе мы понимаем совокупность всех представлений о себе личности, для которой характерно религиозное мировоззрение, обуславливающее специфические социальные и межличностные отношения, характеризующиеся дифференциацией социального окружения на сторонников и противников этого мировоззрения, а также стремление исправить мир согласно религиозной доктрине с опорой на насильственные методы воздействия, направленные либо на окружающих, либо на самого себя.

В структуре ЯФРЛ мы выделяем описательный и эмоционально-оценочный компоненты (Р. Бернс, С.Р. Пантелеев, А.Г. Спиркин [15, 112, 143]), находящиеся во взаимосвязях между собой. В социально-психологическом смысле в содержание описательного компонента Я-концепции входит набор представлений личности о себе самой в различных социальных аспектах (например, в контексте семейных, учебно-профессиональных, этнических отношений и т.д.). Эмоционально-оценочный компонент ЯФРЛ содержит эмоциональную оценку личностью этих представлений о себе и складывается из таких элементов как: внутренняя честность, самоуверенность, саморуководство, зеркальное Я, самооценочность, самопринятие, самопривязанность, внутренняя конфликтность и самообвинение (С.Р. Пантелеев [111]).

Важнейшим элементом ЯФРЛ является религиозная идентичность, представляющая собой совокупность представлений верующего о себе самом в контексте его взаимоотношений со сверхъестественными, трансцендентными силами и с религиозным сообществом, и включающую в себя когнитивную, эмоциональную и поведенческую составляющие (Л.И. Ворожейкина [29], Т.С. Пронина [121]).

Исходя из вышеописанного, нами была выдвинута гипотеза о том, что Я-концепция фанатической религиозной личности имеет содержательные особенности, отличающие ее как Я-концепцию, свойственную представителям социальной группы религиозных фанатиков.

В частности:

1. Я-концепция фанатической религиозной личности характеризуется специфическим содержанием своего описательного компонента, отличающим ее от Я-концепции нефанатичных верующих.

2. Я-концепция фанатической религиозной личности характеризуется специфическим содержанием своего эмоционально-оценочного компонента, отличающим ее от Я-концепции нефанатичных верующих.

3. Я-концепцию фанатической религиозной личности характеризуют специфические взаимосвязи ее содержательных элементов с компонентами религиозного фанатизма: фанатическим поведением, эмоциями и мировоззренческими представлениями, отличающие ее от Я-концепции нефанатичных верующих.

4. Содержание Я-концепции фанатической религиозной личности имеет гендерные особенности.

ГЛАВА 2. РАЗРАБОТКА ОПРОСНИКА ДИАГНОСТИКИ УРОВНЯ РЕЛИГИОЗНОГО ФАНАТИЗМА

2.1. Проблема инструмента измерения уровня религиозного фанатизма

Несмотря на наличие теоретических описаний религиозного фанатизма в психологической науке существует проблема нехватки инструментария, способного обеспечить адекватный сбор информации об уровне религиозного фанатизма респондентов. Так, например, из наиболее близких к предмету исследования, отечественных методик можно обозначить только методику Г.В. Лозовой, направленную на определение склонности к различным видам аддикции (включая религиозную аддикцию). Религиозная аддикция, понимаемая Г.В. Лозовой как зависимость от религиозной организации (официальной конфессии или секты), на наш взгляд, может соответствовать феномену религиозного фанатизма [79]. Однако, с нашей точки зрения, подобное понимание фанатизма не отражает в полной мере его социально-психологических аспектов.

Среди зарубежных методик нами также не было обнаружено опросников, измеряющих непосредственно уровень религиозного фанатизма личности. В качестве наиболее известных методик, направленных на измерение религиозности личности, можно выделить тест И.Ф. Мягкова, Ю.В. Щербатых и М.С. Кравцовой, направленный на определение структуры индивидуальной религиозности [100]. Тест Дж. Касса «Индекс базовых духовных переживаний» [217], а также методику религиозности С. Хубера [215].

Однако, методики, направленные на измерение уровня религиозности, не могут быть использованы для диагностики фанатизма, поскольку, исходя из полученных по результатам исследований данных, религиозный фанатизм и религиозность являются отличными друг от друга психологическими феноменами [20].

В связи с этим, мы поставили перед собой задачу разработки опросника, измеряющего уровень религиозного фанатизма личности для дальнейшего

применения этого опросника в эмпирическом исследовании Я-концепции фанатической религиозной личности.

При составлении вопросов методики, мы опирались на критерии религиозного фанатизма, выделенные нами по результатам теоретического анализа научных источников по поставленной проблеме:

Под религиозным фанатизмом мы понимали относительно устойчивую социально- психологическую характеристику личности, выраженную в религиозном мировоззрении, четком разделении социального окружения на сторонников и противников этого мировоззрения, а также в стремлении исправить мир с применением насильственных методов воздействия, направленных либо на других членов общества, либо на самого себя.

Религиозный фанатизм мы рассматривали как относительно устойчивую интегративную характеристику личности, в структуре которой есть когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Фанатическое мировоззрение первично, именно оно фанатизирует личность. На основе фанатического религиозного мировоззрения формируются соответствующие эмоциональные переживания, а также поведенческая активность [196].

По результатам теоретического анализа представлений о религиозном фанатизме мы опирались на следующие критерии фанатического религиозного мировоззрения, фанатических эмоциональных переживаний и фанатического поведения.

Критерии фанатического религиозного мировоззрения (когнитивный компонент) являются:

1. Разделение социального окружения на своих и чужих.
2. Вера в то, что в мире господствуют негативные, злые силы.
3. Признание необходимости исправлять мир, спасти мир от зла.
4. Представление о том, что любовь Бога не дана человеку изначально – ее следует заслужить.

Признаки фанатических эмоциональных переживаний:

1. Эмоциональные переживания направлены не на конкретных лиц, а на абстрактный образ врага.
2. Положительное отношение к себе самому, прежде всего, связано со своей включенностью в миссионерскую деятельность.
3. Демонстративные эмоциональные переживания.
4. Доминирующий объект эмоций не Бог, а люди, нуждающиеся в исправлении.
5. Негативные эмоции превалируют над позитивными.
6. Поляризация чувств: к иноверцам – они негативные, к представителям своего вероисповедания - позитивные.

Критериями фанатического поведения являются:

1. Исполнение религиозных правил под угрозой Божьей кары, наказания.
2. Борьба с иноверцами, а не божественная благодать, как доминирующая цель.
3. Насильственные средства достижения цели, которые могут быть выражены либо в агрессивных действиях против инакомыслящих, либо в форме внутренней агрессии – направленной на самого себя.
4. Поведение имеет в основном религиозную мотивацию.

2.2. Проверка валидности опросника

На втором этапе разработки опросника нами была проверена содержательная валидность и конструктивная валидность методики по внутренней согласованности, а также ее внешняя валидность.

Под содержательной валидностью принято понимать степень репрезентативности содержания заданий теста измеряемой области психических свойств. В процессе валидации опросника все вопросы подвергались экспертной оценке с применением критерия α -Кронбаха.

В качестве экспертов выступили 5 психологов, имеющие научные степени и занимающиеся научными исследованиями в сферах близких к психологии религии. Эксперты оценивали каждый вопрос по шкале от 1 до 10 баллов, анализируя их на

предмет соответствия тому или иному критерию религиозного фанатизма (Таблица 1). Затем определялась мера согласованности с помощью коэффициента α -Кронбаха, который составил 0,972, что указывает на очень высокую согласованность.

Таблица 1. Экспертные оценки

Вопросы, измеряющие когнитивный компонент фанатизма	Эксперт №1	Эксперт №2	Эксперт №3	Эксперт №4	Эксперт №5
Люди делятся на праведных – достойных спасения и неправедных, недостойных спасения	8	10	6	10	9
Люди, разделяющие мою веру, не такие же точно как все остальные люди	5	10	9	7	8
Для меня существуют четкие границы между своими – разделяющими то, во что я верю и чужими - не разделяющими моей веры	6	10	8	7	9
В современном обществе действуют в основном темные силы	4	10	8	7	8
Одержимых или служащих дьяволу людей меньше, чем живущих по законам Бога (обратный вопрос)	9	10	8	5	8
Все события, которые происходят вокруг меня – это борьба между Богом и Дьяволом, темными и светлыми силами	5	8	6	7	8
Любовь Бога нужно заслужить	9	10	9	7	10
Бог изначально благосклонен к абсолютно любому человеку	7	9	5	10	7
Только праведной жизнью можно завоевать любовь Бога	9	10	10	7	9
Мир, лежащий сегодня во грехе, необходимо исправлять	8	8	9	10	10
Праведный человек – это тот, кто борется со злом вокруг себя	7	9	10	8	8
Я должен быть инструментом в руках Бога, с помощью которого он искореняет зло в мире	6	10	9	10	7
Вопросы, измеряющие аффективный компонент фанатизма					
Я уважаю себя, прежде всего, за то, что являюсь миссионером Бога	7	10	9	9	8

Продолжение Таблица 1.					
Я скорее обеспокоен грехами отдельных конкретных людей, чем поведением всех грешников вместе взятых	7	10	8	9	10
Я ценен, прежде всего, тем, что несу слово Бога для окружающих	8	10	8	9	9
Свои чувства к Богу я стараюсь не показывать окружающим	7	10	10	10	9
Мои духовные переживания очень сильные и заметны окружающим	6	10	10	9	10
Любовь к Богу я активно и ярко демонстрирую тем, кто находится рядом	8	10	9	9	10
Мои эмоции чаще обращены не к Богу, а к грешащим людям	6	10	5	10	8
Больше всего я обеспокоен грехами окружающих людей	6	10	7	9	7
Поведение людей, нарушающих, законы Бога, больше всего возмущает или расстраивает меня	7	10	7	8	9
Негативные переживания у меня случаются чаще, чем позитивные	7	10	8	10	10
Этот мир чаще радует меня, чем расстраивает	9	10	6	10	9
В мире больше плохого, чем связанного с положительными эмоциями	8	10	7	10	8
Окружающих можно разделить на тех, кто вызывает у меня положительные и отрицательные эмоции	5	10	9	7	9
Мои чувства к духовным братьям только позитивные, к иноверцам - только негативные	6	8	10	10	9
Иноверец может вызывать у меня позитивные чувства	8	8	10	8	10
Вопросы, измеряющие поведенческий компонент фанатизма					
Я стремлюсь делать исключительно то, что нужно Богу, а не то, чего хочу сам	6	10	8	10	8
За мое неправильное поведение Бог накажет меня	9	10	9	8	9
Я не стремлюсь безоговорочно соблюдать все заповеди	6	10	6	8	9

Продолжение Таблица 1.					
Я не стремлюсь навести порядок в окружающем мире. Для меня важнее самому получить божественную благодать.	5	10	5	8	10
Я чаще общаюсь с богом, чем борюсь с проявлением зла в этом мире	3	10	7	8	9
Борьба со злом важнее, чем молитва и посещение церкви	8	10	9	10	10
Со злом я борюсь силой	8	10	9	8	9
Мне часто хочется отгородиться от современного греховного мира	4	10	8	8	9
Грешников я стремлюсь наказывать	9	9	8	10	10
Я смог бы уйти подальше от людей – строить жизнь по тем правилам, которые дал Бог	2	10	6	8	9
Никому никогда не навязываю свою веру	5	10	9	10	8
Во имя Бога я готов причинять себе боль, терпеть лишения и страдания	9	10	7	10	7
Когда я что-то делаю, я обязательно руководствуюсь духовными мотивами	8	10	6	10	7
Я могу проявлять активность, напрямую не связанную с Богом	5	10	8	10	8
Даже в повседневном быту я стараюсь все делать так, чтобы угодить Богу	8	10	5	10	10

В ходе анализа было выявлено, что полученный результат превышает доказательный минимум коэффициента α -Кронбаха (0,6), следовательно, данный опросник на диагностику религиозного фанатизма можно считать валидным (Таблица 2).

Таблица 2. Анализ согласованности опросника фанатизма по экспертным оценкам

Компоненты фанатизма	Кронбаха
Когнитивный компонент	0,817
Аффективный компонент	0,929
Поведенческий компонент	0,942
Общий уровень фанатизма	0,972

Таким образом, было доказано, содержательная валидность данного опросника несомненно измеряет его характер и содержание, для исследования которых он был разработан.

В опросник были включены 42 вопроса, прошедшие проверку методом экспертной оценки, и направленные на изучение каждой из трех основных составляющих фанатизма: когнитивной, аффективной и поведенческой (Приложение 1).

Пункты опросника сгруппировались по трем шкалам:

1. Шкала «фанатическое мировоззрение» (12 вопросов).
2. Шкала «фанатические эмоции» (15 вопросов).
3. Шкала «фанатическое поведение» (15 вопросов),

При проверке внешней валидности методики мы опирались на модификацию опросника уровня религиозности С. Хубера [150].

Опросник С. Хубера универсален для измерения религиозности различных конфессий и направлений и опирается на многомерную модель религиозности Ч. Глока, согласно которой, общая религиозность проявляется в различных измерениях [212, 215].

Согласно инструкции опросника, респонденты должны оценить каждое из 15 утверждений, составляющих стимульный материал методики, по степени личного согласия с ним.

Каждая из шкал опросника соответствует определенному измерению религиозности:

Интеллектуальное/рациональное: обладание знаниями о религии, а также интерес и стремление к этим знаниями и их осмыслению.

Идеологическое измерение: убеждение в существовании трансцендентной реальности, Бога.

Измерение публичной религиозной практики: участие в совместных ритуалах и жизни церковной общины.

Измерение личной религиозной практики: личное общение с Богом, не связанное с публичностью.

Измерение религиозного опыта: религиозные переживания, связанные с ощущением присутствия высших сил.

Общий уровень религиозности: складывается из суммы всех ее пяти измерений.

В исследовании принимали участие 100 человек прихожан православных храмов г. Самара: Храма во имя Святой великомученицы Татианы и Храма в честь всех Святых.

Для проверки валидности был проведен корреляционный анализ Пирсона.

В результате проведенного корреляционного анализа были выявлены как положительные, так и отрицательные взаимосвязи.

Положительные взаимосвязи были обнаружены между:

- интеллектуальным измерением религиозности и фанатическим мировоззрением ($r=0,4$ при $p<0,01$), фанатическими эмоциональными переживаниями ($r=0,46$ при $p<0,01$), фанатическим поведением ($r=0,38$ при $p<0,01$), и общим уровнем фанатизма ($r=0,46$ при $p<0,01$);

- публичной религиозностью и фанатическим мировоззрением ($r=0,30$ при $p<0,01$), фанатическими эмоциональными переживаниями ($r=0,27$ при $p<0,01$), фанатическим поведением ($r=0,55$ при $p<0,01$), и общим уровнем фанатизма ($r=0,41$ при $p<0,01$);

- личной религиозностью и фанатическим мировоззрением ($r=0,37$ при $p<0,01$), фанатическими эмоциональными переживаниями ($r=0,21$ при $p<0,05$), фанатическим поведением ($r=0,44$ при $p<0,01$), и общим уровнем фанатизма ($r=0,38$ при $p<0,01$);

- общим уровнем религиозности и фанатическим мировоззрением ($r=0,48$ при $p<0,01$), фанатическими эмоциональными переживаниями ($r=0,45$ при $p<0,01$), фанатическим поведением ($r=0,65$ при $p<0,01$), и общим уровнем фанатизма ($r=0,59$ при $p<0,01$).

Таким образом, была доказана конвергентная валидность методики на уровень фанатизма:

Было выявлено, что повышение интеллектуального измерения религиозности, которое составляют стремления к обладанию религиозными знаниями будет

сопровождаться и более высокими показателями по шкалам «Фанатическое мировоззрение», «Фанатические эмоциональные переживания», «Фанатическое поведение», «Общий уровень фанатизма».

Таблица 3. Внешняя валидность опросника на религиозный фанатизм

Переменные		Фанатическое мировоззрение	Фанатические эмоциональные переживания	Фанатическое поведение	Общий уровень фанатизма
Интеллектуальное измерение религиозности	Корреляция Пирсона	0,40**	0,46**	0,38**	0,46**
	Знач. (двухсторонняя)	0,0000	0,0000	0,0001	0,0000
	N	100	100	100	100
Идеологическое измерение религиозности	Корреляция Пирсона	-0,15	-0,10	-0,19	-0,16
	Знач. (двухсторонняя)	0,1317	0,3383	0,0587	0,1058
	N	100	100	100	100
Публичная религиозность	Корреляция Пирсона	0,30**	0,27**	0,55**	0,41**
	Знач. (двухсторонняя)	0,0029	0,0074	0,0000	0,0000
	N	100	100	100	100
Личная религиозность	Корреляция Пирсона	0,37**	0,21*	0,44**	0,38**
	Знач. (двухсторонняя)	0,0002	0,0325	0,0000	0,0001
	N	100	100	100	100
Религиозный опыт	Корреляция Пирсона	0,08	0,18	0,14	0,15
	Знач. (двухсторонняя)	0,4141	0,0762	0,1665	0,1423
	N	100	100	100	100
Общий уровень религиозности	Корреляция Пирсона	0,48**	0,45**	0,65**	0,59**
	Знач. (двухсторонняя)	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000
	N	100	100	100	100

Повышение публичной религиозности, то есть степени включенности в религиозные общины и общественную религиозную активность, будет

сопровождаться и более высокими показателями по шкалам «Фанатическое мировоззрение», «Фанатические эмоциональные переживания», «Фанатическое поведение», «Общий уровень фанатизма».

Повышение личной религиозности, то есть погруженности в приватную религиозную активность, сопровождается и более высокими показателями по шкалам «Фанатическое мировоззрение», «Фанатические эмоциональные переживания», «Фанатическое поведение», «Общий уровень фанатизма».

Повышение общего уровня религиозности будет сопровождаться более высокими показателями по всем шкалам опросника: «Фанатическое мировоззрение», «Фанатические эмоциональные переживания», «Фанатическое поведение», «Общий уровень фанатизма».

Также рассмотрим дискриминантную валидность опросника:

Фанатическое мировоззрение, фанатические эмоциональные переживания, не связаны с идеологическим измерением религиозности, то есть с убежденностью в существовании Бога. Это подтверждает, что религиозный фанатизм не является просто верой в высшую силу, а связан со специфическим отношением к Богу, что соответствует представлению о фанатизме, лежащему в основе нашей методики.

Фанатическое мировоззрение, фанатические эмоциональные переживания, не связаны с религиозным опытом. Это подтверждает представление о религиозном фанатизме, на котором построена наша методика, как о интегративной характеристике личности, связанной не просто с переживанием присутствия высших сил, а со специфическими отношениями к высшей силе и специфическими религиозными переживаниями.

Таким образом, проведенный анализ на выявление валидности показал, что полученные результаты логичны и доказывают валидность опросника фанатизма.

2.3. Оценка согласованности пунктов и факторной структуры опросника

Оценка согласованности каждого из пунктов, включенных в опросник на фанатизм, рассчитывалась с использованием коэффициента α Кронбаха.

Склонность к фанатизму респонденты оценивали при помощи 4-балльной шкалы с градацией: 0 – не согласен; 1 – скорее не согласен, чем согласен; 2 – скорее согласен, чем не согласен; 3 – согласен.

Выборка состояла из 129 человек в возрасте от 17 до 68 лет православного вероисповедания. Из них – 54 мужчин и 75 женщин, прихожан православных храмов города Самара. Выборка была выравнена по возрасту с опорой на классификацию возрастного развития Г. Крайг [71]: юношеский возраст (17-19 лет) – 30 человек; ранняя зрелость (20-40 лет) – 35 человек; средняя зрелость (40-60 лет) – 34 человека; поздняя зрелость (от 60 лет) – 30 человек. Важно отметить, что, согласно руководству по конструированию тестов П. Клайн, объем данной выборки можно считать достаточным, так как наша работа не предполагала стандартизацию методики. Большая выборка из генеральной совокупности необходима только в случае создания тестовых нормативов [65].

Математическая обработка данных осуществлялась в компьютерной программе IBM SPSS Statistics 22.0 с применением: коэффициента α Кронбаха, коэффициента корреляции Спирмена - Брауна, коэффициента Гуттмана, эксплораторного (ЭФА) и конфирматорного факторного анализа (КФА), корреляционного анализа Пирсона.

Для всех пунктов (общий показатель фанатизма) было получено значение: $\alpha = 0,87$. Данные по согласованности пунктов, входящих в состав основных шкал, показаны в Таблице 4.

Таблица 4. Показатели согласованности шкал опросника религиозного фанатизма

Шкалы	N элементов	α Кронбаха
фанатическое мировоззрение	12	0,73
фанатические эмоции	15	0,71
фанатическое поведение	15	0,70

α Кронбаха 2 -х основных шкал $> 0,70$. Это говорит о хорошей согласованности пунктов опросника, входящих в состав этих шкал. α Кронбаха шкалы «фанатическое поведение» равно 0,70.

Эксплораторный факторный анализ (ЭФА) осуществлялся с применением метода главных компонент и способом вращения варимакс.

Анализ структуры опросника по всем пунктам говорит о том, что 3 извлеченных фактора описывают 71% дисперсии. Факторные нагрузки показаны в Таблице 5.

Таблица 5. Результаты эксплораторного факторного анализа опросника фанатизма

Фактор	Шкалы	№ пункта	Вопросы	Нагрузки
1	фанатическое мировоззрение	1	Люди делятся на праведных – достойных спасения и неправедных, недостойных спасения	0,47
		2	Все события, которые происходят вокруг меня – это борьба между Богом и Дьяволом, темными и светлыми силами	0,28
		3	Мир, лежащий сегодня во грехе, необходимо исправлять	0,4
		4	Любовь Бога нужно заслужить	0,53
		15	Люди, разделяющие мою веру, не такие же точно как все остальные люди	0,27
		16	В современном обществе действуют в основном темные силы	0,53
		17	Я должен быть инструментом в руках Бога, с помощью которого он искореняет зло в мире	0,2
		18	Бог изначально благосклонен к абсолютно любому человеку	- 0,46
		29	Для меня существуют четкие границы между своими – разделяющими то, во что я	0,67

Продолжение Таблица 5.

			верю и чужими - не разделяющими моей веры	
		30	Одержимых или служащих дьяволу людей меньше, чем живущих по законам Бога	-0,34
		31	Праведный человек – это тот, кто борется со злом вокруг себя	0,8
		32	Только праведной жизнью можно завоевать любовь Бога	0,69
3	фанатические эмоциональные переживания	5	Я уважаю себя, прежде всего, за то, что являюсь миссионером Бога	0,53
		6	Свои чувства к Богу я стараюсь не показывать окружающим	-0,6
		7	Мои эмоции чаще обращены не к Богу, а к грешащим людям	0,4
		8	Негативные переживания у меня случаются чаще, чем позитивные	0,51
		9	Мои чувства к духовным братьям только позитивные, к иноверцам - только негативные	0,87
		19	Я скорее обеспокоен грехами отдельных конкретных людей, чем поведением всех грешников вместе взятых	-0,41
		20	Мои духовные переживания очень сильные и заметны окружающим	0,89
		21	Больше всего я обеспокоен грехами окружающих людей	0,64
		22	В мире больше плохого, чем связанного с положительными эмоциями	0,74
		23	Окружающих можно разделить на тех, кто вызывает у меня положительные и отрицательные эмоции	0,64
		33	Я ценю, прежде всего, тем, что несу слово Бога для окружающих	0,78
		34	Любовь к Богу я активно и ярко демонстрирую тем, кто находится рядом	0,73
		35	Поведение людей, нарушающих, законы Бога, больше всего возмущает или расстраивает меня	0,73
		36	Этот мир чаще радует меня, чем расстраивает	-0,46

		37	Иноверец может вызывать у меня позитивные чувства	-0,52
2	фанатическое поведение	10	Я стремлюсь делать исключительно то, что нужно Богу, а не то, чего хочу сам	0,61
		11	Я не стремлюсь навести порядок в окружающем мире. Для меня важнее самому получить божественную благодать.	-0,46
		12	Со злом я борюсь силой	0,64
		13	Мне часто хочется отгородиться от современного греховного мира	0,58
		14	Когда я что-то делаю, я обязательно руководствуюсь духовными мотивами	0,76
		24	За мое неправильное поведение Бог накажет меня	0,56
		25	Я чаще общаюсь с богом, чем борюсь с проявлением зла в этом мире	0,45
		26	Грешников я стремлюсь наказывать	0,44
		27	Я смог бы уйти подальше от людей - строить жизнь по тем правилам, которые дал Бог	0,68
		28	Я могу проявлять активность, напрямую не связанную с Богом	-0,49
		38	Я не стремлюсь безоговорочно соблюдать все заповеди	-0,51
		39	Борьба со злом важнее, чем молитва и посещение церкви	0,67
		40	Никому никогда не навязываю свою веру	-0,55
		41	Во имя Бога я готов причинять себе боль, терпеть лишения и страдания	0,49
		42	Даже в повседневном быту я стараюсь все делать так, чтобы угодить Богу	0,69

Отрицательные нагрузки в Таблице 5 соответствуют пунктам с обратной шкалой оценивания.

При помощи конфирматорного факторного анализа (КФА) доказывалось соответствие структуры опросника экспериментальным данным. Мы опирались на критерии: CMIN (df) – χ^2 , CFI (comparative fit index), IFI (incremental fit index), RMSEA (the root mean-square error of approximation), NNFI (the non-normed fit index), GFI (the goodness-of-fit-index).

В результате были получены значения RMSEA в пределах 0,08-0,05, CMIN/(df) < 2 [101, 218]. Также значения GFI, NNFI, IFI и CFI оказались в пределах от 0 до 1 и ближе к 1. Стоит отметить, что близость к 1 указывает на хорошее соответствие теоретической модели религиозного фанатизма и экспериментальных данных [203, 214].

Таблица 6. Критерии согласия для моделей опросника фанатизма

Опросник	CMIN	df	CMIN/DF	GFI	NNFI	IFI	CFI
Изучение фанатизма	85,70	48	1,9	0,98	0,87	0,9	0,94

Таким образом, КФА показал хорошее соответствие модели: критерий CMIN/DF (1,9), GFI (0,98), NNFI (0,87), IFI (0,9), CFI (0,94). А наиболее робастный критерий RMSEA (0,06) также показал достаточно хорошее соответствие модели (Рисунок 2).

Важно отметить, что факторные нагрузки, полученные в ходе разработки методики, указывают на то, что наибольший вклад в изменчивость общего уровня религиозного фанатизма вносит когнитивный его компонент – фанатическое мировоззрение. Оно на 83% детерминирует изменчивость общего уровня фанатизма.

Таким образом, выявленная структура фанатизма значима и регрессионные нагрузки отражают направление вопросов (прямое и обратное), входящих в состав изучаемых шкал, что указывает на существование гармонии с теорией религиозного фанатизма, т.е. выявленная модель предполагает, что 3 фактора (фанатическое мировоззрение, фанатические эмоциональные переживания и фанатическое

поведение), являются более целостными (глобальными), чем исследуемые шкалы опросника, и таким образом, формируют фанатизм, как таковой.

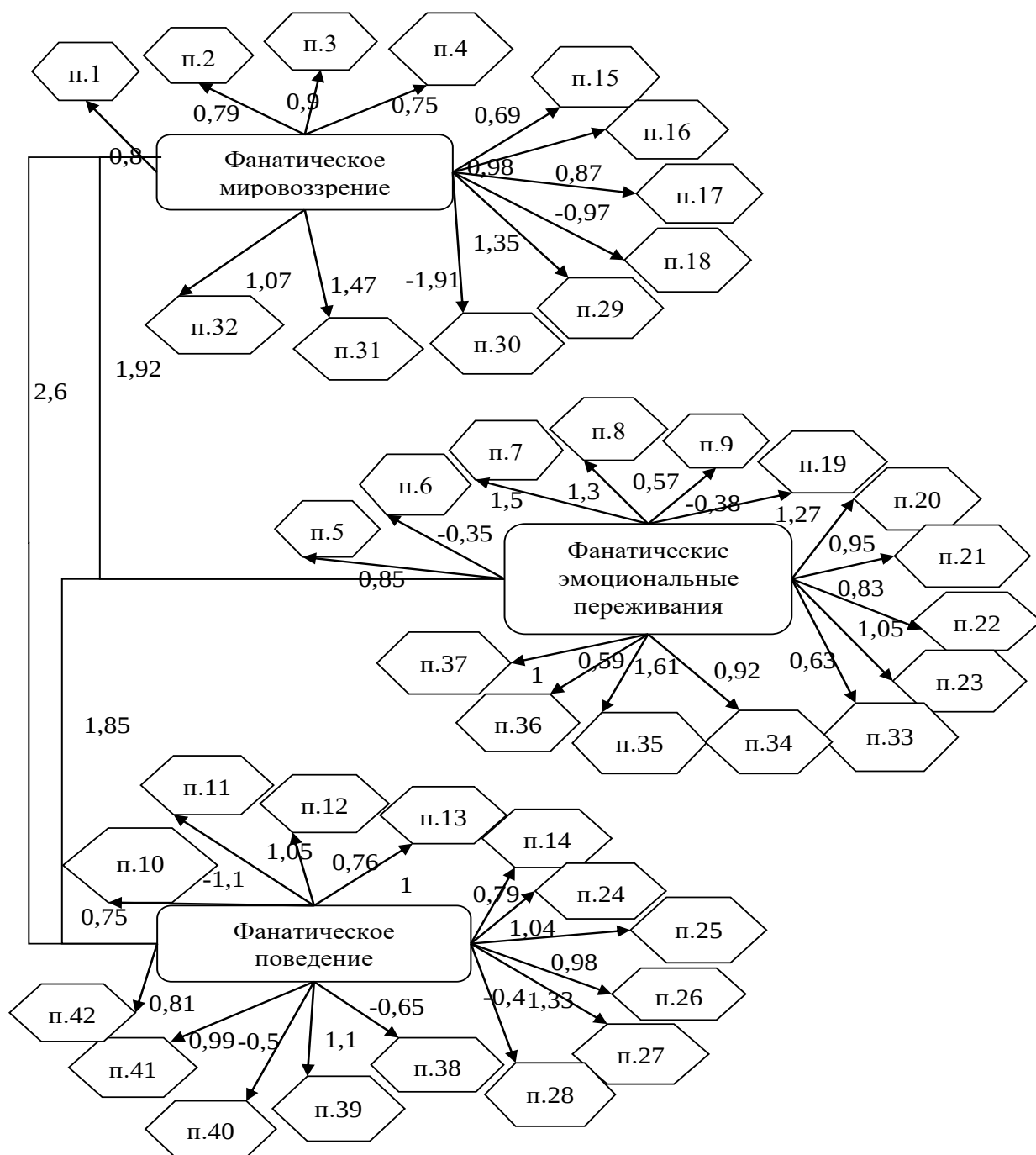

Рисунок 2. Модель структуры фанатизма (конфирматорный факторный анализ)

п. 1- 42 – пункты опросника; —> направление влияния с регрессионными нагрузками

2.4. Оценка надежности опросника

Надежность опросника проверялась при помощи теста двух половин с вычислением коэффициента корреляции Спирмена-Брауна и коэффициента Гуттмана.

Данные коэффициенты определяют, насколько пункты опросника согласованны, при сравнении результатов изначального тестирования и ретеста. Результаты теста были разбиты на две части: оценки первого тестирования – показатели первой половины теста, оценки ретеста – показатели второй части теста. Между этими частями был произведен расчет с применением коэффициента Спирмена-Брауна. Повторное тестирование 129 респондентов было проведено через 1 месяц.

Как видно из Таблицы 7, коэффициенты корреляции Спирмена-Брауна между первым тестом и вторым соответствуют промежутку 0,927-0,99, а коэффициент надежности Гуттмана – промежутку: 0,957-0,99. Эти полученные показатели $> 0,8$ [61]. Таким образом, можно сделать вывод о достаточной надежности опросника.

Таблица 7. Результаты оценки ретестовой надежности опросника

Факторы	Коэффициент Спирмена-Брауна	Коэффициент Гуттмана
фанатическое мировоззрение	0,99	0,988
фанатические эмоции	0,98	0,99
фанатическое поведение	0,969	0,984
общий уровень фанатизма	0,996	0,998

Выводы по второй главе

Во второй главе была описана разработка опросника, направленного на диагностику уровня религиозного фанатизма личности, с целью дальнейшего применения данного опросника для измерения фанатизма респондентов в ходе эмпирического исследования Я-концепции фанатической религиозной личности.

При составлении вопросов методики, мы опирались на критерии религиозного фанатизма, выделенные по результатам теоретического анализа научной литературы.

Методика основывается на определении религиозного фанатизма как интегративной социально-психологической характеристики личности, для которой характерно религиозное мировоззрение, четкое разделение социального окружения на сторонников и противников этого мировоззрения, а также стремление исправить мир с применением насильственных методов воздействия, направленных либо на других членов общества, либо на самого себя.

Была проверена содержательная валидность и конструктивная валидность методики по внутренней согласованности, а также внешняя валидность. Произведена оценка согласованности пунктов и факторной структуры опросника. Проверена надежность опросника при помощи теста двух половин.

Исходя из результатов математической статистики, проведенной нами в рамках разработки и апробации методики, было доказано, что опросник на эмпирическом уровне эффективно выявляет выраженность религиозного фанатизма, соответствует теоретическим предпосылкам и может рекомендоваться к дальнейшему использованию.

Полученный опросник подходит только для исследования верующих православного вероисповедания, так как он разрабатывался на выборке православных верующих.

ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ Я-КОНЦЕПЦИИ ФАНАТИЧЕСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛИЧНОСТИ

3.1. Общая характеристика и дизайн исследования

Сделанные в первых главах работы выводы позволили нам провести эмпирическое исследование, отвечающее основным принципам системного подхода в психологической науке (Л. Берталафи, А.И. Уемов, П.К. Анохин, П.Н. Бехтерева). Использование системного подхода в изучении Я-концепции описано такими современными авторами как В.С. Агапов, М.С. Кон, В.Б. Олышанский и др.[118].

Я-концепцию, таким образом, правомерно рассматривать как сложное и целостное образование, представляющее собой комплекс взаимосвязанных элементов, не сводимый к сумме этих элементов. Таким образом, структура Я-концепции – это составляющие ее элементы, а также взаимосвязи между этими элементами, включая их различные уровни и взаимозависимости.

С точки зрения Р. Акоффа и Ф. Эмери система может состоять как минимум из двух элементов и связей между каждым из элементов и каким-нибудь другим элементом. Любая система может входить в состав другой более крупной системы, но, при этом, на независимые подсистемы она не распадается [5].

Я-концепцию мы рассматривали как систему, состоящую из двух основных элементов: описательного компонента (Я-Образ) и эмоционально-оценочного компонента (Р. Бернс, С.Р. Пантелеев, А.Г. Спиркин [15, 112, 143]), а также из взаимосвязей между этими элементами, включая их различные уровни и взаимозависимости. К каждому из данных компонентов мы также подходили как к целостной системе, образованной взаимосвязанными составными элементами.

С позиции физиологической теории П.К. Анохина системный подход должен учитывать не только внутренние взаимосвязи в самой системе, но также и многообразные связи и отношения системы со средой. Так как ни одно свойство и ни один тип функционирования системы не соответствует обособленным процессам и органам [5].

В нашем исследовании Я-концепцию мы рассматривали в аспекте ее взаимоотношений с социальной средой. Совокупность представлений личности о себе самой, сопряженная с их эмоциональной оценкой, является не только результатом, но и причиной определенных форм социального взаимодействия.

Помимо этого, проведенное нами исследование отвечало принципу методологического объективизма. В своем изначальном варианте этот принцип в контексте научного изучения религиозных процессов с точки зрения психологии сформулировал в XIX веке Т. Флурнуа [108]. Принцип Флурнуа предписывает исследователю придерживаться нейтральной позиции в вопросах истинности тех или иных религиозных представлений [155].

Таким образом, при выборе методик исследования, сборе эмпирического материала, а также установлении контакта с респондентами, мы занимали независимую позицию и не выказывали личных пристрастий в отношении вопросов вероисповедания. Так как вопросы истинности веры лежат вне компетенции научной психологии. Помимо этого, данная независимая позиция позволила исключить влияние побочного фактора, такого как «предубеждение экспериментатора», на независимую переменную, а значит и на результаты исследования.

Целью исследования являлось: выявить особенности содержания Я-концепции фанатической религиозной личности и взаимосвязь этого содержания с фанатическим религиозным мировоззрением, эмоциями и поведением.

В соответствие с целью исследования были поставлены следующие задачи:

1. Опираясь на теоретический анализ по поставленной проблеме, определить зависимую и независимую переменные, операционализировать их и подобрать диагностический инструментарий.
2. Разработать методику диагностики уровня религиозного фанатизма.
3. Сформировать выборку и произвести кластеризацию выборки по уровню выраженности религиозного фанатизма.
4. Через сравнение содержательных элементов Я-концепции у респондентов с разным уровнем религиозного фанатизма, определить содержательные особенности Я-концепции у лиц с высоким уровнем фанатизма.

5. Проверить взаимосвязи содержательных элементов Я-концепции респондентов с различными компонентами религиозного фанатизма и выявить особенности этих взаимосвязей, характерные для респондентов с высоким уровнем фанатизма.

6. Сравнить содержательные особенности Я-концепции у мужчин и женщин с высоким уровнем религиозного фанатизма.

7. Разработать рекомендации по осуществлению основ социально-психологической профилактики религиозного фанатизма.

Исследование включало в себя следующие этапы:

1. Создание и апробация опросника, диагностирующего уровень религиозного фанатизма.

2. Диагностический этап, сбор эмпирического материала.

3. Проверка нормальности распределения значений признаков в выборке.

4. Количественный анализ эмпирических данных с опорой на методы математической статистики.

5. Качественный анализ данных, объяснение и интерпретация статистически значимых различий и взаимосвязей, обнаруженных в ходе исследования.

6. Создание рекомендаций по проведению социально - психологической профилактики религиозного фанатизма.

В исследовании приняли участие 129 человек в возрасте от 17 до 68 лет. Из них: женщин – 75 человек (58 %), мужчин – 54 человека (42 %).

Все участники исследования являлись воцерковленными прихожанами православных храмов города Самары и идентифицировали себя как православных христиан.

Математическая обработка данных осуществлялась с помощью программного пакета IBM SPSS Statistics 22.0, с использованием: W-критерия Шапиро-Уилка, непараметрического U-критерия Манна-Уитни, коэффициента ранговой корреляции rs Спирмена, критерия χ^2 Пирсона, кластерного анализа, многофакторного дисперсионного анализа. В ходе разработки опросника диагностики религиозного фанатизма применялись: коэффициент α Кронбаха, корреляционный анализ

Пирсона, тест двух половин с вычислением коэффициента корреляции Спирмена-Брауна и коэффициента Гуттмана, эксплораторный факторный анализ (ЭФА) с использованием метода главных компонент и вращения варимакс, конфирматорный факторный анализ (КФА)

Методики исследования:

- Тест М. Куна «Кто Я?». Тест двадцати высказываний (М. Кун, Т. Макпартленд, модификация Т. В. Румянцевой) [134];
- Методика исследования самоотношения (МИС) С.Р. Пантелеева [111];
- Опросник диагностики религиозного фанатизма, специально разработанный в ходе нашего исследования.

1. Для определения описательной и эмоционально-оценочной составляющей Я-концепции была использована методика М. Куна и Т. Макпартленда в модификации Т. В. Румянцевой, предназначенная для диагностики восприятия человеком самого себя, то есть его Я-концепции.

Испытуемым предлагалось в течение 12 минут написать как можно больше ответов на вопрос «Кто Я?». После этого, слева от каждого ответа нужно было поставить знак, соответствующий личной оценке испытуемым каждой из перечисленных характеристик. Знак «+» – если в целом конкретная характеристика нравится; знак «минус» – если характеристика не нравится; знак «плюс-минус» – если данная характеристика и нравится, и не нравится одновременно; знак «вопроса» – если на данный момент времени затрудняешься дать оценку характеристике.

Первичная обработка данных, полученных в результате такого самоанализа, осуществляется посредством контент-анализа, производимого в соответствии со шкалами методики.

Методика включает в себя следующие шкалы: «Социальное Я» (представления о себе в контексте социальных взаимоотношений), «Коммуникативное Я» (представления об особенностях своего общения с людьми), «Материальное Я» (представления о своем материальном положении или отношении к внешней среде: люблю хорошую погоду), «Физическое Я» (представление о своей внешности, пристрастиях в еде, вредных привычках), «Деятельное Я» (представления

о своей деятельности, опыте, навыках, компетенциях), «Перспективное Я» (представления о себе в перспективе: поеду в Америку), «Рефлексивное Я» (представления об особенностях своего характера, поведении, а также экзистенциальные представления о себе: я вселенная, я сущность); «проблемная идентичность» (не знаю, кто я), «ситуативное состояние» (устал, влюблен); а также шкалу самооценки.

Шкала «Социальное Я» включает семь основных показателей:

1. Обозначение своего пола: мужчина, женщина, девушка. В нашем исследовании мы будем этот аспект Я-концепции обозначать как гендерный.
2. Представления о своей сексуальной роли (любовница, Дон Жуан) – сексуальный аспект Я-концепции.
3. Представления о себе в контексте учебно-профессиональных взаимоотношений (например, преподаватель, машинист, студент) – учебно-профессиональный аспект Я-концепции.
4. Представления о себе в контексте семейных взаимоотношений (семейная роль: сын, мать; либо описание отношений с родственниками (люблю родственников, имею много сестер)) – семейный аспект Я-концепции.
5. Представления о себе в контексте этнических отношений (татарин, грузин) – этнический аспект Я-концепции.
6. Представления о себе в контексте политических отношений – политическая принадлежность.
7. Представления о себе в контексте отношений с религиозной группой и высшими силами – религиозный аспект Я-концепции.

Религиозный аспект Я-концепции в нашем исследовании включал религиозную идентичность – совокупность представлений верующего о себе самом в контексте его взаимоотношений со сверхъестественными, трансцендентными силами и с религиозным сообществом (Л.И. Ворожейкина, Т.С. Пронина). К религиозному аспекту Я-концепции в нашем исследовании были отнесены, например, следующие представления: Я-христианин, Я-православный, Я-верующий, Я-раб божий, Я-сын божий.

8. Представление о себе как о члене других социальных групп.

Таким образом, шкалы методики включают «Социальное Я» или систему представлений личности о себе в контексте социальных отношений, а также представления личности о своих индивидуальных характеристиках (показатели «Рефлексивного Я», «Коммуникативного Я», «Физического Я» и т.д.).

Под самооценкой в методике подразумевается эмоционально-оценочная составляющая Я-концепции, отражающая как отношение к себе в целом, так и к отдельным аспектам Я-концепции.

Исходя из личной оценки каждой своей характеристики испытуемыми, выводятся показатели адекватной, завышенной и заниженной самооценки, что является важным при проверке гипотезы нашего исследования, касающейся самооценки верующих, склонных к фанатизму [134].

2. Для диагностики эмоционально-оценочной стороны Я-концепции применялась наиболее популярная в отечественной психологии методика исследования самоотношения (МИС) С.Р. Пантелеева.

Методика содержит 110 вопросов и включает в себя девять шкал:

Шкала 1 – внутренняя честность (открытость): отображает уровень осознанности личности, степень ее рефлексии. Важно отметить, что низкие значения шкалы свидетельствуют о высокой степени осознанности своего Я, способности не скрывать от себя и других неприятную информацию о себе. Высокие значения шкалы соответствуют закрытости, неспособности или нежеланию осознавать и выдавать значимую информацию о себе самом.

Шкала 2 – самоуверенность: говорит о степени самоуважения, удовлетворенности собой.

Шкала 3 – саморуководство: отображает представление о том, на сколько результаты собственных действий зависят от внешних факторов и связана с осознанием ответственности за свою жизнь.

Шкала 4 – «Зеркальное Я»: определяет ожидаемое отношение со стороны социального окружения. Чем выше значения по данной шкале, тем они более

связаны с представлением личности о том, что она и ее деятельность способны вызывать социальное одобрение.

Шкала 5 – самооценność: оценка своего внутреннего мира, духовного «Я».

Шкала 6 – самопринятие: согласие с собственными планами, целями и желаниями. Принятие себя таким, каков ты есть, со всеми своими достоинствами и недостатками.

Шкала 7 – самопривязанность: отображает, насколько Я-концепция респондента ригидна, степень его готовности к внутренним изменениям.

Шкала 8 – внутренняя конфликтность: высокие значения шкалы указывают на наличие внутренних конфликтов, сомнений, сопровождаемых чувством вины и депрессивными тенденциями, низкие значения – на отрицание внутренних противоречий, поверхностность.

Шкала 9 – самообвинение: говорит о выраженности склонности приписывать вину самому себе за неудачи и промахи, тесно связанной с уровнем симпатии к самому себе.

Определенные шкалы методики складываются в три отдельных и независимых фактора, таких как самоуважение, аутосимпатия, внутренняя неустроенность.

В контексте настоящего исследования, особое внимание мы уделяем фактору «аутосимпатия», который в наиболее чистом виде отображает самооценку или эмоциональное отношение респондента к самому себе.

В фактор «аутосимпатия» вошли шкалы: самооценność (5), самопринятие (6) и самопривязанность (7).

Фактор «самоуважение» выражает оценку собственного «Я» по социально значимым критериям: моральности, успешности, воли, целеустремленности, социальному одобрению. Данный фактор образован шкалами: открытость (внутренняя честность) (1), самоуверенность (2), саморуководство (3), зеркальное «Я» (4).

Фактор «внутренняя неустроенность» связан с негативным отношением к своему «Я», не зависящим от аутосимпатии и самоуважения и включает в себя две шкалы: внутреннюю конфликтность (8) и самообвинение (9) [111].

3. С целью диагностики уровня религиозного фанатизма у респондентов был использован авторский опросник, разработка и апробация которого описаны во второй главе (Приложение 1).

Все изучаемые количественные переменные были проверены с помощью наиболее робастного W-критерия Шапиро-Уилка на подчиненность закону нормального распределения. Результаты проверки выборки на нормальность распределения представлены в Таблице 8:

Таблица 8. Результаты проверки выборки на нормальность распределения

Переменные	W	p
Фанатическое мировоззрение	0,98*	0,03231
Фанатические эмоциональные переживания	0,99	0,50107
Фанатическое поведение	0,98*	0,03445
Общий уровень фанатизма	0,98	0,08401
Закрытость	0,96*	0,00067
Самоуверенность	0,96*	0,00047
Саморуководство	0,97*	0,00271
Зеркальное Я	0,96*	0,00073
Самоценность	0,96*	0,00104
Самопринятие	0,97*	0,00258
Самопривязанность	0,93*	0,00001
Внутренняя конфликтность	0,95*	0,00021
Самообвинение	0,94*	0,00004

Примечание: * отмечены W-критерии тех переменных, которые не подчиняются закону нормального распределения

Таким образом, практически все переменные, измеряемые в нашем исследовании, не подчиняются закону нормального распределения. Это мы связываем с тем, что для выборки, состоящей из воцерковленных верующих,

являющихся постоянными прихожанами храма, наиболее характерны крайние проявления поведенческих и мировоззренческих аспектов самосознания.

3.2. Кластерный анализ показателей религиозного фанатизма

Вся выборка была разделена на кластеры по уровню религиозного фанатизма. Деление на кластеры осуществлялось при помощи дескриптивного анализа на основе максимальных и минимальных значений фанатизма в выборке, среднего значения и стандартного отклонения (Таблица 9).

Таблица 9. Минимальные и максимальные значения общего уровня фанатизма

	Valid N	Mean	Minimum	Maximum	Std.Dev.
общий уровень фанатизма	129	54,5	15	87	16,3

Таким образом, были получены три группы респондентов с различным уровнем выраженности общего показателя фанатизма, а также отдельных его компонентов: когнитивного, эмоционального и поведенческого.

В первый кластер вошли 22 респондента со среднегрупповым значением фанатизма – 28,73 балла. Их мы условно обозначили как «не склонные к религиозному фанатизму». Во второй – 51 респондент со средним по группе показателем – 49,47 балла. – «склонные к религиозному фанатизму». Третий кластер образовали 56 человек со средним характерным уровнем фанатизма – 69,21 балла. Их мы условно будем обозначать как «религиозные фанатики».

Было получено:

Кластер 1: находится в границах от 15 до 39 баллов;

Кластер 2: находится в границах от 40 до 59 баллов;

Кластер 3: находится в границах от 60 до 87 баллов.

В первый кластер вошло 15 % мужчин со средними показателями общего уровня фанатизма – 22,8 баллов и 18 % женщин со средним показателем фанатизма – 32 балла. Во второй – 35 % мужчин (показатель фанатизма 48,6 балла) и 42 % женщин (показатель фанатизма 50 балла). Третий кластер составили 50 % мужчин (68,8 балла) и 40 % женщин (69,6 балла). Гендерный состав кластеров указан в Таблице 10.

Таблица 10. Гендерный состав кластеров общего показателя религиозного фанатизма

		Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
мужчины	кол-во	8 (15 % от общего кол-ва мужчин)	19 (35 % от общего кол-ва мужчин)	27 (50 % от общего кол-ва мужчин)
	средние показатели фанатизма	22,8	48,6	68,8
женщины	кол-во	14 (18 % от общего числа женщин)	32 (42 % от общего числа женщин)	29 (40 % от общего числа женщин)
	средние показатели фанатизма	32	50	69,6

Математический анализ полученных результатов, произведенный при помощи непараметрического U-критерия Манна-Уитни, показал, что не существует значимых различий по общим показателям религиозного фанатизма между мужчинами и женщинами в целом ($U = 1867,5$, при $p > 0,05$).

Таким образом, выборка, принимавшая участие в исследовании, была поделена на три кластера. В первый кластер вошли верующие с самыми низкими показателями религиозного фанатизма, условно обозначенные нами как «не склонные к религиозному фанатизму». Во второй кластер вошли респонденты со средними показателями фанатизма («склонные к религиозному фанатизму»). Третий кластер составили лица с самым высоким уровнем фанатизма, которых мы условно обозначили в качестве «религиозных фанатиков».

3.3. Особенности описательного компонента

Я-концепции фанатической религиозной личности

Сводные количественные данные выраженности всех аспектов «Социального Я» в выборке отображены на Рисунке 3. Так, у женщин более чем у мужчин выражен семейный аспект Я-концепции (женщины – 1,5; мужчины – 0,6). Мужчины опережают женщин в показателях политической принадлежности (мужчины – 0,4; женщины – 0,04). При этом, у респондентов в Кластере 3 максимальных гендерных различий, помимо семейного (женщины – 1,3; мужчины – 0,3) и политического аспекта (мужчины – 0,7; женщины – 0), достигает религиозный (мужчины – 2,4; женщины – 1,1) и учебно-профессиональный аспекты Я-концепции (женщины – 0,6; мужчины – 0,2). В каждом кластере гендерный аспект представлений о себе находится примерно на одном уровне (0,3). Тогда как религиозный аспект представлений о себе от первого кластера к третьему возрастает (Кластер 1 – 1; Кластер 2 – 1,2; Кластер 3 – 1,7) а семейный (Кластер 1 – 1,7; Кластер 2 – 1,3; Кластер 3 – 0,8) и учебно-профессиональный (Кластер 1 – 1; Кластер 2 – 0,5; Кластер 3 – 0,4) – падают.

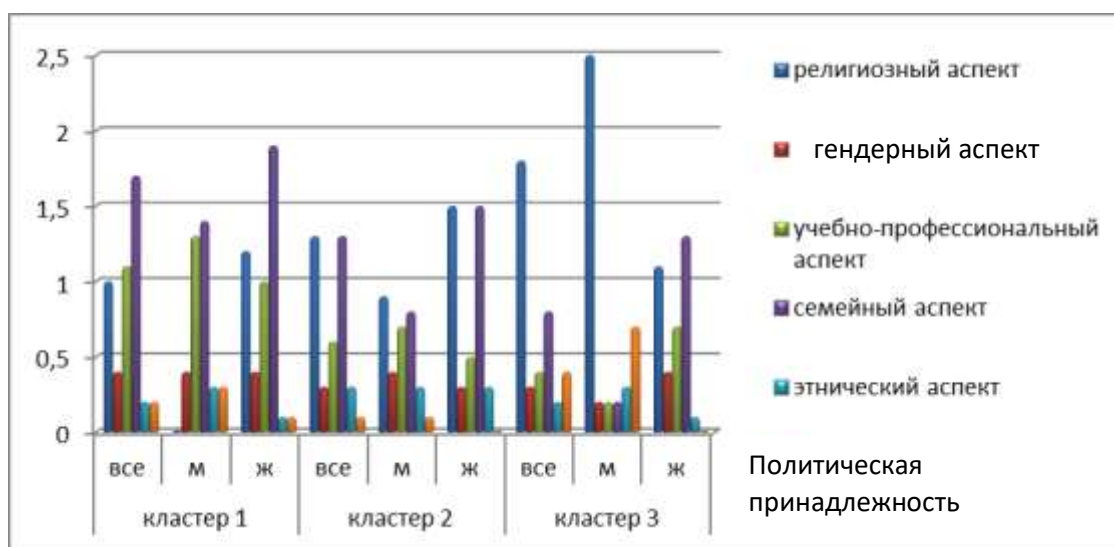

Рисунок 3. Сводный график средних значений выраженности различных аспектов Я-концепции верующих

Значимость различий в выраженности социальных аспектов Я-концепции проверялась с помощью U-критерия Манна-Уитни. Результаты проверки представлены в Приложении 2.

Получены значимые различия в выраженности семейного аспекта Я-концепции у женщин и мужчин в целом ($U=1242,5$, при $p=0,0002 < 0,01$). Это может объясняться представлениями о женщине в православной традиции, как о хранительнице домашнего очага.

Были также обнаружены гендерные различия на уровне тенденции в выраженности политической принадлежности, преобладающей у мужчин ($U=1628,5$, при $p=0,058$)

Есть значимые различия в представленности семейного аспекта Я-концепции у респондентов Кластера 2 и Кластера 3 ($U = 1071,5$, при $p = 0,026 < 0,05$); Кластера 1 и Кластера 3 ($U = 323,5$, при $p = 0,001 < 0,01$). Различия на уровне тенденции выявлены между респондентами Кластера 1 и Кластера 2 ($U = 419$, при $p = 0,088$).

Есть различия в выраженности учебно-профессионального аспекта Я-концепции респондентов Кластера 1 и Кластера 3 ($U = 410$, при $p = 0,022 < 0,05$). Между респондентами Кластера 1 и Кластера 2 – на уровне тенденции ($U = 406$, при $p = 0,062$). У респондентов Кластера 2 и Кластера 3 различий нет ($U = 1349$, при $p = 0,622 > 0,05$).

Таким образом, с возрастанием уровня религиозного фанатизма падает значимость учебно-профессиональных и семейных отношений.

По другим пунктам, включая религиозный аспект Я-концепции, значимых различий не обнаружено. Разница в выраженности религиозных представлений о себе: Кластер 1 и Кластер 2: $U = 520,5$ при $p = 0,626 > 0,05$; Кластер 2 и Кластер 3: $U = 1277$ при $p = 0,346 > 0,05$; Кластер 1 и Кластер 3: $U = 506,5$ при $p = 0,224 > 0,05$.

Анализируя гендерные различия в каждом кластере, приходим к выводу, что у женщин и мужчин Кластера 1 нет различий в выраженности ни по одному из аспектов Я-концепции. (Приложение 2). В Кластере 2 обнаружена тенденция к большей выраженности семейных представлений о себе у женщин ($U = 207$, при $p = 0,059$). Статистически значимые гендерные различия характерны только для

Кластера 3. А именно: в Я - концепции женщин с высоким уровнем фанатизма в большей степени, чем у мужчин с тем же уровнем фанатизма представлены семейный ($U = 217,5$, при $p = 0,004 < 0,01$) и учебно-профессиональный ($U = 261$, при $p = 0,032 < 0,05$) аспекты Я-концепции.

Политическая принадлежность превалирует в Я-концепции мужчин с высоким уровнем фанатизма только на уровне тенденции ($U = 275,5$, при $p = 0,057$).

Для религиозного аспекта Я-концепции верующих гендерные различия внутри кластеров не характерны (Кластер 1: $U = 42,5$, при $p = 0,357 > 0,05$; Кластер 2: $U = 220$, при $p = 0,102 > 0,05$; Кластер 3: $U = 294,5$, при $p = 0,112 > 0,05$).

В Я-концепции верующих Кластера 3 представления о себе в контексте религиозных отношений оказались значимо более выраженными, чем все остальные аспекты Я-концепции: чем семейный ($U = 1044$, при $p = 0,0023 < 0,01$), учебно-профессиональный ($U = 918$, при $p = 0,0002 < 0,01$), политический ($U = 747,5$, при $p = 0,000002 < 0,01$), гендерный ($U = 821$, при $p = 0,00001 < 0,01$) и этнический ($U = 729$, при $p = 0,000001 < 0,01$) аспекты. Других различий между аспектами Я-концепции выявлено не было (Приложение 4).

Количественные данные выраженности каждого из типов индивидуальных характеристик в выборке представлены на Рисунке 4. Исходя из графических данных, можно отметить, что наиболее выраженными вне зависимости от уровня фанатизма и пола являются «Рефлексивное Я» (Кластер 1 – 3,2; Кластер 2 – 3,5; Кластер 3 – 3,7), «Деятельное Я» (Кластер 1 – 1,6; Кластер 2 – 1,2; Кластер 3 – 1,1) и «Коммуникативное Я» (Кластер 1 – 0,4; Кластер 2 – 0,3; Кластер 3 – 0,2). Показатели других типов индивидуальных характеристик приближаются к нулевым значениям.

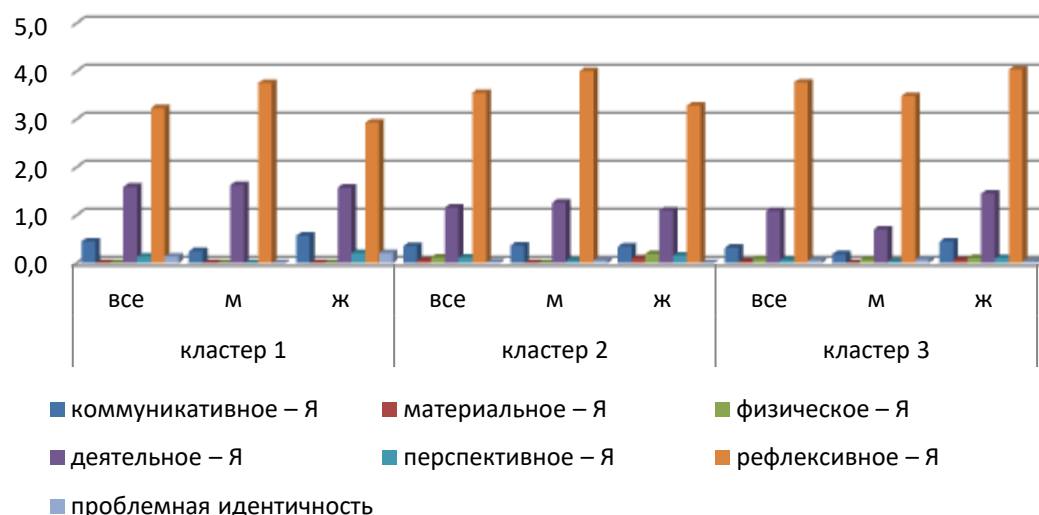

Рисунок 4. Сводный график средних значений выраженности индивидуальных характеристик в Я-концепции верующих

Значимость различий в выраженности типов индивидуальных характеристик проверялась с помощью U-критерия Манна - Уитни. Результаты проверки представлены в Приложении 3.

Статистический анализ данных показал, что единственным значимым различием оказалась разница в выраженности «Деятельного Я» между верующими Кластера 1 и Кластера 3 ($U = 425$, при $p = 0,034 < 0,05$). Гендерных различий, как в каждом кластере, так и в целом по всей выборке, выявлено не было.

Результаты многофакторного дисперсионного анализа показали, что взаимодействие факторов «кластер» и «пол» значимо определяет изменчивость выраженности религиозного аспекта Я-концепции у респондентов ($F = 5,006$, при $p = 0,008 < 0,01$). У мужчин с увеличением религиозного фанатизма, в отличие от женщин, религиозный аспект Я-концепции возрастает. При этом, сам пол влияния на него не оказывает ($F = 0,161$, при $p = 0,689 > 0,05$). Влияние уровня фанатизма на религиозные представления верующего о себе близко к значимому ($F = 2,536$, при $p = 0,08$) (Таблица 11).

Не было обнаружено зависимости выраженности гендерного аспекта Я-концепции от уровня фанатизма, пола или взаимодействия этих двух факторов (Таблица 12).

Таблица 11. Зависимость выраженности религиозного аспекта

Я-концепции от факторов кластера и пола

Источник	Сумма квадратов типа III	ст.св.	Средний квадрат	F	Знач.
Скорректиро- ванная модель	41,719 ^a	5	8,344	3,071	,012
Свободный член	180,333	1	180,333	66,370	,000
кластер	13,779	2	6,889	2,536	,083
пол	,438	1	,438	,161	,689
кластер * пол	27,204	2	13,602	5,006	,008
Ошибка	334,204	123	2,717		
Всего	647,000	129			
Скорректиро- ванный итог	375,922	128			

а. R-квадрат = ,111 (Скорректированный R-квадрат = ,075)

Таблица 12. Зависимость выраженности гендерного аспекта

Я-концепции от факторов кластера и пола

Источник	Сумма квадратов типа III	ст.св.	Средний квадрат	F	Знач.
Скорректированная модель	1,154 ^a	5	,231	1,032	,402
Свободный член	12,592	1	12,592	56,297	,000
кластер	,174	2	,087	,388	,679
пол	,058	1	,058	,258	,613
кластер * пол	,874	2	,437	1,953	,146
Ошибка	27,512	123	,224		
Всего	43,000	129			
Скорректированный итог	28,667	128			

а. R-квадрат = ,040 (Скорректированный R-квадрат = ,001)

Установлено, что с увеличением фанатизма уменьшается степень освоения личностью профессиональной сферы (Таблица 13).

Таблица 13. Зависимость выраженности учебно-профессионального аспекта Я-концепции от факторов кластера и пола

Источник	Сумма квадратов типа III	ст.св.	Средний квадрат	F	Знач.
Скорректированная модель	10,014 ^a	5	2,003	2,904	,016
Свободный член	52,838	1	52,838	76,618	,000
кластер	7,057	2	3,529	5,117	,007
пол	4,515E-6	1	4,515E-6	,000	,998
кластер * пол	3,128	2	1,564	2,268	,108
Ошибка	84,824	123	,690		
Всего	142,000	129			
Скорректированный итог	94,837	128			
а. R-квадрат = ,106 (Скорректированный R-квадрат = ,069)					

Обнаружено статистически значимое влияние на семейный аспект Я-концепции отдельно факторов «кластер» ($F = 3,29$ при $p = 0,041 < 0,05$) и «пол» ($F = 8,635$, при $p = 0,004 < 0,01$) (Таблица 14).

Таблица 14. Зависимость выраженности семейного аспекта Я-концепции от факторов кластера и пола

Источник	Сумма квадратов типа III	ст.св.	Средний квадрат	F	Знач.
Скорректированная модель	39,685 ^a	5	7,937	4,310	,001
Свободный член	149,149	1	149,149	80,989	,000
кластер	12,116	2	6,058	3,290	,041
пол	15,902	1	15,902	8,635	,004
кластер * пол	1,790	2	,895	,486	,616
Ошибка	226,517	123	1,842		
Всего	436,000	129			
Скорректированный итог	266,202	128			

а. R-квадрат = ,149 (Скорректированный R-квадрат = ,114)

Значимое влияние на осознание политической принадлежности оказывает фактор пола ($F = 4,176$, при $p = 0,043 < 0,05$). Полученные нами результаты означают, что в Я-концепции мужчин значимо больше, чем у женщин, представлены политические предпочтения. Все встречающиеся в нашей выборке примеры политических предпочтений можно поделить на следующие категории: «монархист», «сталинист», «антиглобалист», «за консерватизм».

Близкое к значимому влияние на политическую принадлежность оказывает взаимодействие факторов «кластер» и «пол» ($F = 2,865$, при $p = 0,06$) (Таблица 15).

Таблица 15. Зависимость выраженности политического аспекта Я-концепции от факторов кластера и пола

Источник	Сумма квадратов типа III	ст.св.	Средний квадрат	F	Знач.
Скорректированная модель	10,191 ^a	5	2,038	3,523	,005
Свободный член	4,585	1	4,585	7,926	,006
кластер	2,370	2	1,185	2,048	,133
пол	2,416	1	2,416	4,176	,043
кластер * пол	3,315	2	1,657	2,865	,061
Ошибка	71,158	123	,579		
Всего	87,000	129			
Скорректированный итог	81,349	128			

a. R-квадрат = ,125 (Скорректированный R-квадрат = ,090)

Не было выявлено значимого влияния на этнический аспект Я-концепции фактора «пол», фактора «кластер», а также взаимодействия этих факторов (Таблица 16).

**Таблица 16. Зависимость выраженности этнического аспекта
Я-концепции от факторов кластера и пола**

Источник	Сумма квадратов типа III	ст.св.	Средний квадрат	F	Знач.
Скорректированная модель	,699 ^a	5	,140	,421	,833
Свободный член	5,593	1	5,593	16,839	,000
кластер	,177	2	,088	,266	,767
пол	,133	1	,133	,400	,528
кластер * пол	,286	2	,143	,431	,651
Ошибка	40,851	123	,332		
Всего	49,000	129			
Скорректированный итог	41,550	128			

а. R-квадрат = ,017 (Скорректированный R-квадрат = -,023)

3.4. Особенности эмоционально - оценочного компонента

Я-концепции фанатической религиозной личности

Эмоционально-оценочный компонент Я-концепции респондентов исследовался при помощи методики самоотношения С.Р. Пантелеева [111].

Сначала были подсчитаны показатели по трем основным шкалам: самоуважение, аутосимпатия, внутренняя неустроенность.

Исходя из графика сводных значений, представленного на Рисунке 5, видно, что наибольшая разница в показателях самоуважения и аутосимпатии достигается между Кластером 1 и Кластером 2, а также между Кластером 2 и Кластером 3. Для Кластера 2 характерны наименьшие значения в выборке (самоуважение – 22,3, аутосимпатия – 17). Показатели внутренней неустроенности в разных кластерах отличаются наименее всего (Кластер 1 – 11,5; Кластер 2 – 15,8; Кластер 3 – 13). Наиболее заметные гендерные различия характерны для Кластера 3: самоуважение: мужчины – 31,5, женщины – 24; аутосимпатия: мужчины – 22, женщины – 18,4; внутренняя неустроенность: мужчины – 8,8, женщины – 17.

Сравнение показателей самоуважения, аутосимпатии и внутренней неустроенности между респондентами разных кластеров, мужчинами и женщинами, а также мужчинами и женщинами в каждом кластере производилось с использованием U-критерия Манна-Уитни. Результаты сравнения представлены в Приложении 5.

Результаты показали, что есть значимые различия между респондентами Кластера 1 и Кластера 2 в показателях самоуважения ($U = 364$, при $p = 0,0179 < 0,05$) и аутосимпатии ($U = 395,5$, при $p = 0,0466 < 0,05$), а также близкое к значимому различие в показателях внутренней неустроенности ($U = 408$, при $p = 0,0659$).

Это означает, что верующие с низким уровнем фанатизма дают себе более высокую оценку с точки зрения социальных норм, чем верующие со средним уровнем фанатизма. А также, что для верующих, наименее склонных к фанатизму, характерно более положительное эмоциональное отношение к себе, чем для верующих со средним уровнем фанатизма, и они имеют тенденцию к ощущению меньшей внутренней неустроенности, чем «склонные к фанатизму» верующие.

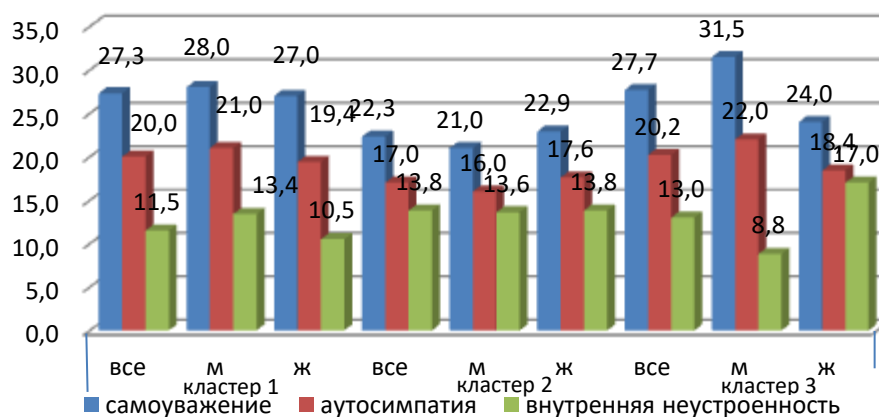

Рисунок 5. Сводный график средних значений самоуважения, аутосимпатии, внутренней неустроенности в выборке

Также есть значимые различия между респондентами Кластера 2 и Кластера 3 в показателях самоуважения ($U = 934$, при $p = 0,0021 < 0,01$) и аутосимпатии ($U = 984$, при $p = 0,0056 < 0,01$).

Это означает, что верующие с высоким уровнем фанатизма дают себе более высокую оценку с точки зрения социальных норм, чем верующие со средним уровнем фанатизма. А также, что для верующих с высоким уровнем фанатизма, характерно более позитивное эмоциональное отношение к себе, чем для верующих со средним уровнем фанатизма.

Между респондентами Кластера 1 и Кластера 3 значимых различий выявлено не было: самоуважение ($U = 611$, при $p = 0,96 > 0,05$), аутосимпатия ($U = 599$, при $p = 0,85 > 0,05$), внутренняя неустроенность ($U = 536$, при $p = 0,37 > 0,05$).

Между мужчинами и женщинами в целом выявлены значимые различия в выраженности самоуважения ($U = 1433$, при $p = 0,0047 < 0,01$) и внутренней неустроенности ($U = 1471$, при $p = 0,0082 < 0,01$). Мужчины дают себе более высокую оценку с точки зрения социальных норм, чем женщины; для них менее характерно негативное самоотношение.

Гендерные различия по всем трем шкалам обнаружены только у респондентов внутри Кластера 3: самоуважение ($U = 174,5$ при $p = 0,000397 < 0,01$), аутосимпатия ($U = 244,5$, при $p = 0,0159 < 0,05$), внутренняя неустроенность ($U = 134$, при $p = 0,000024 < 0,01$).

Это означает, что мужчины с высоким уровнем фанатизма дают себе более высокую оценку с точки зрения социальных норм и более положительно эмоционально относятся к себе, чем женщины с высоким уровнем фанатизма. Для женщин, при этом, характерна большая внутренняя неустроенность, чем для мужчин.

Результаты математической обработки методом двухфакторного дисперсионного анализа представлены в Таблице 17.

Таблица 17. Зависимость показателей самоуважения, аутосимпатии, внутренней неустроенности от факторов кластера и пола

Источник		Сумма квадратов типа III	ст.св.	Средний квадрат	F	Знач.
Кластер	Самоуважение	938,335	2	469,167	9,006	,000
	Аутосимпатия	339,087	2	169,543	5,131	,007
	Внутренняя_неустроенность	49,170	2	24,585	,745	,477
пол	Самоуважение	134,329	1	134,329	2,579	,111
	Аутосимпатия	39,095	1	39,095	1,183	,279
	Внутренняя_неустроенность	85,600	1	85,600	2,593	,110
кластер * пол	Самоуважение	544,744	2	272,372	5,228	,007
	Аутосимпатия	168,693	2	84,347	2,553	,082
	Внутренняя_неустроенность	636,772	2	318,386	9,643	,000

a. R-квадрат = ,207 (Скорректированный R-квадрат = ,175)

b. R-квадрат = ,113 (Скорректированный R-квадрат = ,077)

c. R-квадрат = ,205 (Скорректированный R-квадрат = ,173)

Так, уровень фанатизма оказывает значимое влияние на уровень аутосимпатии ($F = 5,131$, при $p = 0,007 < 0,01$) и самоуважения ($F = 9$, при $p = 0,000 < 0,01$). Это означает, что с увеличением уровня религиозного фанатизма, по всей выборке в целом позитивное эмоциональное отношение к себе, а также оценка себя респондентами с точки зрения социальных критериев моральности, успешности, воли, целеустремленности и социального одобрения сначала падает, а потом снова возрастает.

Взаимодействие факторов «кластер» и «пол» оказывает значимое влияние на уровень самоуважения ($F = 5,228$, при $p = 0,007 < 0,01$) и внутренней неустроенности ($F = 9,643$, при $p = 0,000 < 0,01$), а также близкое к значимому влиянию на уровень аутосимпатии ($F = 2,553$, при $p = 0,082$). Это означает, что в отличие от женщин, у мужчин с ростом религиозного фанатизма, оценка себя с точки зрения социальных критериев успешности сначала резко падает, а потом резко возрастает, а также, что у

женщин с ростом фанатизма негативное самоотношение возрастает, а у мужчин – падает. Также с ростом религиозного фанатизма позитивное эмоциональное отношение к себе у мужчин, в отличие от женщин, имеет тенденцию к резкому понижению, а потом – повышению.

Шкалы самоуважения, аутосимпатии и внутренней неустроенности складываются из значений подшкал: закрытость (внутренняя честность), самоуверенность, саморуководство, «Зеркальное Я», самооценność, самопринятие, самопривязанность, внутренняя конфликтность, самообвинение. Далее рассчитывались показатели данных подшкал в выборке.

Исходя из графика сводных значений, представленного на Рисунке 6, можно видеть количественные показатели подшкал эмоционально-оценочного компонента Я-концепции. Так, большинство показателей в Кластере 2, исключая внутреннюю конфликтность и самообвинение, ниже показателей в Кластере 1 и Кластере 3: открытость: Кластер 1 – 4,7, Кластер 2 – 4,2, Кластер 3 – 6,1. Самоуверенность: Кластер 1 – 9,3, Кластер 2 – 7,2, Кластер 3 – 8,5. Саморуководство: Кластер 1 – 6,9, Кластер 2 – 6, Кластер 3 – 7,3. «Зеркальное Я»: Кластер 1 – 6,5, Кластер 2 – 4,8, Кластер 3 – 5,8. Самооценność: Кластер 1 – 8,6, Кластер 2 – 8, Кластер 3 – 8,8. Самопринятие: Кластер 1 – 7, Кластер 2 – 6,4, Кластер 3 – 7,1. Самопривязанность: Кластер 1 – 4,4, Кластер 2 – 2,6, Кластер 3 – 4,3.

В Кластере 2 показатели внутренней конфликтности выше, чем в других кластерах: Кластер 1 – 5,5, Кластер 2 – 8, Кластер 3 – 7,3. Показатели самообвинения в Кластере 2 выше, чем в Кластере 3, но ниже чем в Кластере 1: Кластер 1 – 6, Кластер 2 – 5,8, Кластер 3 – 5,7.

Наиболее заметные гендерные различия характерны для респондентов Кластера 3: Самоуверенность: мужчины – 10,1, женщины – 7,1. Внутренняя конфликтность: мужчины – 4,5, женщины – 10. Закрытость: мужчины – 7,3, женщины – 5. Самообвинение: мужчины – 4,3, женщины – 7.

Сравнение показателей между респондентами из разных кластеров, мужчинами и женщинами, а также мужчинами и женщинами в каждом кластере производилось с использованием U-критерия Манна-Уитни. Результаты сравнения представлены в Приложении 6.

Анализ показал значимые различия между всеми женщинами и всеми мужчинами в выборке по трем показателям: закрытость ($U = 1471,5$, при $p = 0,008 < 0,01$), самоуверенность ($U = 1388,0$, при $p = 0,002 < 0,01$), внутренняя конфликтность ($U = 1447,5$, при $p = 0,006 < 0,01$). И близкое к значимому различие в самообвинении ($U = 1648,5$, при $p = 0,072$).

Это означает, что в целом женщины обладают большей рефлексией и критичностью чем мужчины, для женщин характерна большая внутренняя конфликтность. При этом, мужчины более самоуверенны чем женщины. Женщины имеют тенденцию ставить себе в вину промахи и неудачи больше, чем мужчины.

Результаты показали, что есть значимые различия между респондентами Кластера 1 и Кластера 2 в показателях самоуверенности ($U = 367,0$, при $p = 0,02 < 0,05$), «Зеркального Я» ($U = 366,5$, при $p = 0,019 < 0,05$), самопривязанности ($U = 315$, при $p = 0,003 < 0,01$), внутренней конфликтности ($U = 362$, при $p = 0,017 < 0,05$).

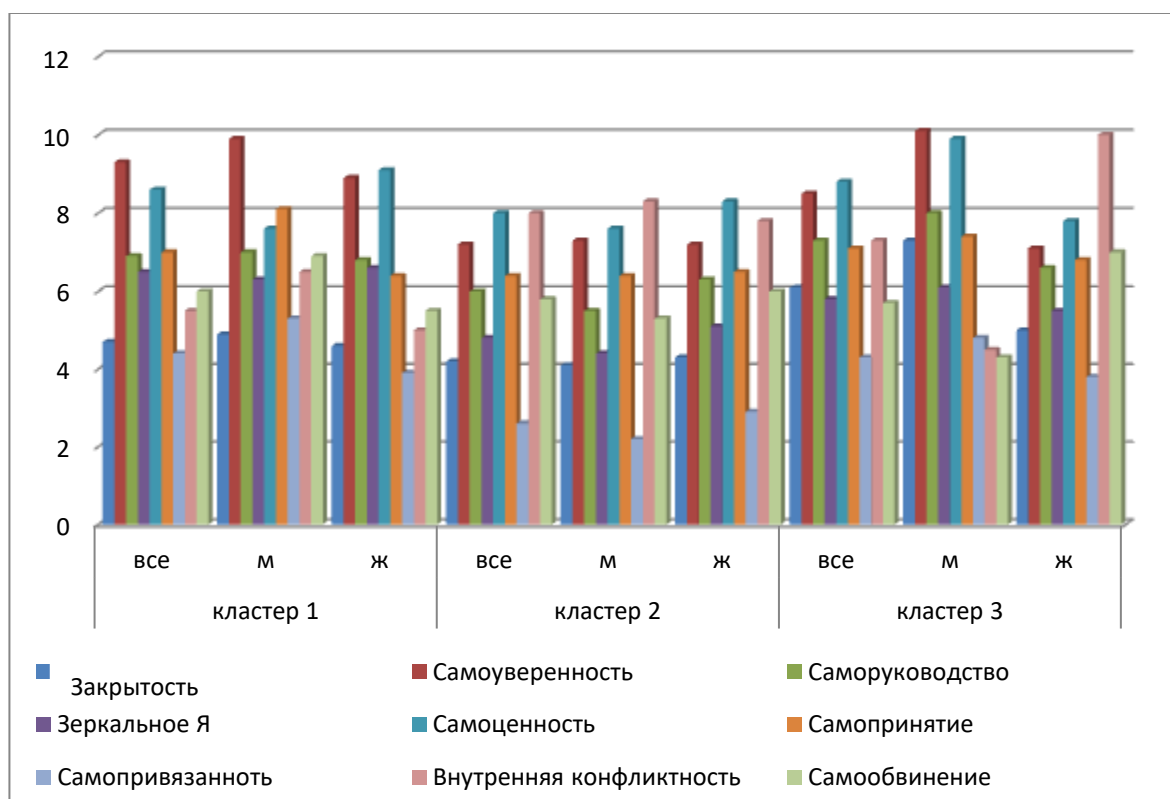

Рисунок 6. Сводный график средних значений выраженности элементов эмоционально-оценочного компонента Я-концепции

Это означает, что верующие со средним уровнем фанатизма менее самоуверенны, чем верующие «не склонные к религиозному фанатизму», для них

более характерно ожидание негативных чувств по отношению к себе со стороны социального окружения. Вместе с тем, для лиц со средним уровнем фанатизма характерна меньшая привязанность к сложившимся представлениям о себе (а значит, их отличает большая готовность к изменениям) и более высокий уровень внутренней конфликтности.

Между респондентами Кластера 1 и Кластера 3 выявлено только одно значимое различие – по уровню закрытости (внутренней честности): ($U = 426,5$, при $p = 0,035 < 0,05$).

Это означает, что единственным отличием эмоционально-оценочного компонента ЯФРЛ от Я-концепции «не склонных к фанатизму» верующих связано с тем, что «религиозные фанатики» более закрыты, они менее способны принимать объективную информацию о себе, более склонны к использованию такого защитного механизма как вытеснение, что связано с меньшей рефлексией и критичностью.

Между респондентами Кластера 2 и Кластера 3 есть различия в закрытости ($U = 810,5$, при $p = 0,0001 < 0,01$), самоуверенности ($U = 1097,5$, при $p = 0,039 < 0,05$), саморуководстве ($U = 998$, при $p = 0,007 < 0,01$), самопривязанности ($U = 915,5$, при $p = 0,001 < 0,01$). Близкое к значимому различие обнаружено по фактору – «Зеркальное Я» ($U = 1127,5$, при $p = 0,061$).

Это означает, что верующие, обладающие ЯФРЛ, более закрыты, они менее способны принимать объективную информацию о себе, чем лица «склонные к фанатизму». Помимо этого, «религиозных фанатиков» отличает большая самоуверенность, а также для них более характерны представления о себе как об основном источнике активности, они отчетливее переживают свое «Я», чувствуют обоснованность и последовательность своих внутренних побуждений и целей. Вместе с этим, они более привязаны к сложившимся представлениям о себе, их отличает меньшее желание меняться.

Значимые гендерные различия были выявлены только у респондентов внутри Кластера 3. Это различия в закрытости ($U = 174,5$, при $p = 0,0001 < 0,01$), самоуверенности ($U = 177,5$, при $p = 0,0001 < 0,01$), саморуководстве ($U = 245,5$ при $p = 0,017 < 0,05$), самооценности ($U = 237$, при $p = 0,011 < 0,05$), внутренней конфликтности ($U = 95$, при $p = 0,0001 < 0,01$) и самообвинении ($U = 231,5$ при $p =$

0,009 < 0,01). Близкие к значимым различия были получены по уровню самопривязанности ($U = 287,5$ при $p = 0,088$).

Это означает, что мужчины с высоким уровнем фанатизма более закрыты, чем «религиозные фанатики» женщины, мужчины менее способны осознавать объективную информацию о себе. При этом, они более самоуверенны, для них более характерно представление о себе как об основном источнике активности, они отчетливее чувствуют обоснованность и последовательность своих внутренних побуждений и целей, выше оценивают себя по внутренним интимным критериям любви, духовности, богатства внутреннего мира, для них характерны меньший уровень внутренней конфликтности и самообвинения.

Тот факт, что гендерные различия в эмоционально-оценочном компоненте Я-концепции проявляются только на высоком уровне религиозного фанатизма можно связать с тем, что именно на данном уровне фанатизма, для которого характерно черно-белое радикальное мышление, максимально обостряются представления о различиях в женской и мужской социальных ролях.

По результатам двухфакторного дисперсионного анализа обнаружено значимое влияние уровня фанатизма ($F = 10,909$, при $p = 0,000 < 0,01$), а также взаимодействия факторов кластера и пола ($F = 4,799$, при $p = 0,010 < 0,05$) на уровень закрытости. Это означает, что с повышением уровня религиозного фанатизма критичность, а также способность понимать и выдавать значимую информацию о себе падают, при этом у мужчин с возрастанием фанатизма наблюдается большее снижение критичности и рефлексии чем у женщин (Таблица 18).

Таблица 18. Зависимость показателей закрытости от факторов кластера и пола

Источник	Сумма квадратов типа III	ст.св.	Средний квадрат	F	Знач.
Скорректированная модель	174,313 ^a	5	34,863	7,564	,000
Свободный член	2586,473	1	2586,473	561,143	,000

пол	16,194	1	16,194	3,513	,063
кластер	100,565	2	50,282	10,909	,000
пол * кластер	44,236	2	22,118	4,799	,010
Ошибка	566,943	123	4,609		
Всего	4118,000	129			
Скорректированный итог	741,256	128			

а. R-квадрат = ,235 (Скорректированный R-квадрат = ,204)

Обнаружено значимое влияние пола ($F = 5,099$, при $p = 0,026 < 0,05$), уровня фанатизма ($F = 4,558$, при $p = 0,012 < 0,05$), а также взаимодействия факторов кластера и пола ($F = 3,173$, при $p = 0,045 < 0,05$) на уровень самоуверенности (Таблица 19).

Таблица 19. Зависимость показателей самоуверенности от факторов кластера и пола

Источник	Сумма квадратов типа III	ст.св.	Средний квадрат	F	Знач.
Скорректированная модель	210,683 ^a	5	42,137	4,660	,001
Свободный член	7219,069	1	7219,069	798,457	,000
пол	46,097	1	46,097	5,099	,026
кластер	82,420	2	41,210	4,558	,012
пол * кластер	57,370	2	28,685	3,173	,045
Ошибка	1112,077	123	9,041		
Всего	9853,000	129			
Скорректированный итог	1322,760	128			

а. R-квадрат = ,159 (Скорректированный R-квадрат = ,125)

Это означает, что пол оказывает влияние на уровень самоуверенности. Также с повышением уровня религиозного фанатизма в целом по всей выборке представления о себе как о самостоятельном, волевом, энергичном,

надежном человеке, которому есть за что себя уважать, сначала падают, а потом возрастают. А также, что с увеличением фанатизма данные представления о себе у мужчин сначала падают, затем – возрастают, а у женщин – понижаются.

Обнаружено значимое влияние уровня фанатизма ($F = 5,620$, при $p = 0,005 < 0,01$), а также взаимодействия факторов кластера и пола ($F = 3,808$, при $p = 0,025 < 0,05$) на выраженность саморуководства (Таблица 20).

Таблица 20. Зависимость показателей саморуководства от факторов кластера и пола

Источник	Сумма квадратов типа III	ст.св.	Средний квадрат	F	Знач.
Скорректированная модель	83,105 ^a	5	16,621	3,624	,004
Свободный член	4584,256	1	4584,256	999,573	,000
пол	2,106	1	2,106	,459	,499
кластер	51,551	2	25,776	5,620	,005
пол * кластер	34,931	2	17,466	3,808	,025
Ошибка	564,104	123	4,586		
Всего	6434,000	129			
Скорректированный итог	647,209	128			

a. R-квадрат = ,129 (Скорректированный R-квадрат = ,094)

Это говорит о том, что с возрастанием уровня религиозного фанатизма у всех респондентов представления о себе как об основной причине происходящего вокруг, сначала снижаются, а потом возрастают. При этом, у мужчин выраженность этих представлений с возрастанием фанатизма снижается и возрастает больше, чем у женщин.

Анализ показал статистически значимое влияние взаимодействия факторов кластера и пола на выраженность самообвинения ($F = 4,443$, при p

= 0,014 < 0,05). Это значит, что с возрастанием религиозного фанатизма у мужчин готовность вменить себе в вину все неудачи и промахи, сопровождающаяся негативными эмоциями к себе, падает, а у женщин – возрастает (Таблица 21).

Таблица 21. Зависимость показателей самообвинения от факторов кластера и пола

Источник	Сумма квадратов типа III	ст.св.	Средний квадрат	F	Знач.
Скорректированная модель	114,066 ^a	5	22,813	3,109	,011
Свободный член	3485,953	1	3485,953	475,139	,000
пол	11,060	1	11,060	1,508	,222
кластер	4,741	2	2,371	,323	,724
пол * кластер	65,192	2	32,596	4,443	,014
Ошибка	902,415	123	7,337		
Всего	5319,000	129			
Скорректированный итог	1016,481	128			

a. R-квадрат = ,069 (Скорректированный R-квадрат = ,031)

Выявлено значимое влияние уровня фанатизма на характеристику «Зеркального Я» ($F = 4,102$, при $p = 0,019 < 0,05$) (Таблица 22).

Это означает, что с повышением уровня религиозного фанатизма представления верующих о том, что их личность может вызывать симпатию и уважение со стороны социального окружения, сначала снижается, а потом возрастают.

Таблица 22. Зависимость показателей «Зеркального Я» от факторов кластера и пола

Источник	Сумма квадратов типа III	ст.св.	Средний квадрат	F	Знач.
Скорректированная модель	57,906 ^a	5	11,581	1,951	,091

Свободный член	3278,837	1	3278,837	552,320	,000
пол	,455	1	,455	,077	,782
кластер	48,703	2	24,351	4,102	,019
пол * кластер	10,793	2	5,396	,909	,406
Ошибка	730,187	123	5,936		
Всего	4740,000	129			
Скорректированный итог	788,093	128			

а. R-квадрат = ,017 (Скорректированный R-квадрат = -,023)

Установлено значимое влияние взаимодействия факторов кластера и пола на выраженность самооценности ($F = 4,403$, при $p = 0,014 < 0,05$). Это означает, что с возрастанием уровня фанатизма у мужчин повышается эмоциональная оценка себя по внутренним интимным критериям любви, духовности, богатства внутреннего мира, а у женщин – понижается (Таблица 23)

Таблица 23. Зависимость показателей самооценности от факторов кластера и пола

Источник	Сумма квадратов типа III	ст.св.	Средний квадрат	F	Знач.
Скорректированная модель	92,156 ^a	5	18,431	2,343	,045
Свободный член	7184,438	1	7184,438	913,119	,000
пол	,077	1	,077	,010	,921
кластер	22,051	2	11,025	1,401	,250
пол * кластер	69,288	2	34,644	4,403	,014
Ошибка	967,766	123	7,868		
Всего	10270,000	129			
Скорректированный итог	1059,922	128			

а. R-квадрат = ,118 (Скорректированный R-квадрат = ,082)

Значимых влияний уровня фанатизма, пола, а также взаимодействия этих двух факторов на уровень самопринятия не обнаружено (Таблица 24).

Таблица 24. Зависимость показателей самопринятия от факторов кластера и пола

Источник	Сумма квадратов типа III	ст. св.	Средний квадрат	F	Знач.
Скорректированная модель	34,995 ^a	5	6,999	1,297	,270
Свободный член	4908,544	1	4908,544	909,394	,000
пол	15,283	1	15,283	2,832	,095
кластер	15,983	2	7,991	1,481	,232
пол * кластер	12,736	2	6,368	1,180	,311
Ошибка	663,904	123	5,398		
Всего	6702,000	129			
Скорректированный итог	698,899	128			

а. R-квадрат = ,045 (Скорректированный R-квадрат = ,006)

Выявлено статистически значимое влияние взаимодействия факторов кластера и пола на внутреннюю конфликтность ($F = 11,449$, при $p = 0,000 < 0,01$), а также близкое к значимому влияние уровня фанатизма ($F = 2,841$, при $p = 0,062$). Это значит, что с возрастанием уровня фанатизма несогласие с собой, сопровождаемое тревожно-депрессивными состояниями и чувством вины, у женщин – возрастает, а у мужчин сначала возрастает, а потом падает (Таблица 25).

Таблица 25. Зависимость показателей внутренней конфликтности от факторов кластера и пола

Источник	Сумма квадратов типа III	ст. св.	Средний квадрат	F	Знач.
Скорректированная модель	533,085 ^a	5	106,617	7,873	,000
Свободный член	5040,028	1	5040,028	372,165	,000
пол	35,122	1	35,122	2,593	,110
кластер	76,945	2	38,473	2,841	,062
пол * кластер	310,092	2	155,046	11,449	,000
Ошибка	1665,721	123	13,542		

Всего	9063,000	129			
Скорректированный итог	2198,806	128			

а. R-квадрат = ,161 (Скорректированный R-квадрат = ,127)

Обнаружено статистически значимое влияние уровня фанатизма на уровень самопривязанности ($F = 8,811$, при $p = 0,000 < 0,01$) (Таблица 26).

Это говорит о том, что с возрастанием религиозного фанатизма, привязанность к сложившимся представлениям о себе, связанная с нежеланием меняться, сначала падает, а затем снова возрастает.

Таблица 26. Зависимость показателей самопривязанности от факторов кластера и пола

Источник	Сумма квадратов типа III	ст.св.	Средний квадрат	F	Знач.
Скорректированная модель	118,337 ^a	5	23,667	4,047	,002
Свободный член	1479,714	1	1479,714	253,045	,000
пол	6,868	1	6,868	1,175	,281
кластер	103,045	2	51,523	8,811	,000
пол * кластер	23,404	2	11,702	2,001	,140
Ошибка	719,259	123	5,848		
Всего	2550,000	129			
Скорректированный итог	837,597	128			

R-квадрат = ,028 (Скорректированный R-квадрат = -,012)

Таким образом, верующие, обладающие высоким уровнем фанатизма, имеют четкое и однозначное мировоззрение, они уверены в том, что обладают единственно верным знанием, поэтому самоуверенны, чувствуют обоснованность и последовательность своих внутренних побуждений и целей, отличаются нежеланием меняться, так как полагают, что идея, которую они воплощают в жизнь – абсолютная истина. Они с такой же четкостью и уверенностью принимают религиозный фанатизм, с какой верующие, «не склонные к фанатизму», отвергают его, поэтому по показателям самоуверенности, саморукводства, самопривязанности не отличаются от верующих «не склонных к фанатизму». Единственное отличие лиц с высоким уровнем фанатизма от лиц с наименее

выраженным фанатизмом заключается в том, что первые, при всей своей самоуверенности и решительности, менее честны с самими собой, то есть обладают меньшей открытостью.

Религиозные фанатики-женщины более склонны к рефлексии и поэтому менее уверены в своих взглядах, чем мужчины. Таким образом, мы полагаем, что психокоррекционная работа с религиозными фанатиками-женщинами может оказаться более результативной, чем аналогичная работа с мужчинами.

3.5. Особенности взаимосвязей элементов

Я-концепции фанатической религиозной личности с составляющими религиозного фанатизма

Взаимосвязи описательных и эмоционально-оценочных содержательных элементов Я-концепции с каждым из компонентов религиозного фанатизма (когнитивным, эмоциональным, поведенческим) проверялись с использованием корреляционного анализа Спирмена.

Результаты корреляционного анализа в группе респондентов с низким уровнем фанатизма, представлены в Приложении 7.

Положительные связи были обнаружены между выраженностью фанатического поведения и религиозным аспектом Я-концепции ($r=0,44$, при $p<0,05$), между общим уровнем фанатизма и религиозным аспектом Я-концепции ($r=0,43$, при $p<0,05$). Отрицательные корреляционные связи были обнаружены между фанатическим мировоззрением и самооценностью ($r=-0,44$, при $p<0,05$), между фанатическими эмоциональными переживаниями и самообвинением ($r=-0,63$, при $p<0,05$), между общим уровнем фанатизма и самооценностью ($r=-0,44$, при $p<0,05$).

Таким образом, было доказано, что увеличение выраженности фанатического мировоззрения у лиц с низким изначальным уровнем общего фанатизма отрицательно скажется на их самооценности, и будет сопровождаться повышением выраженности представлений о себе в контексте религиозных взаимоотношений, а также увеличением проявлений фанатического поведения. Увеличение

выраженности фанатических эмоциональных переживаний у верующих этой группы снизит уровень самообвинения.

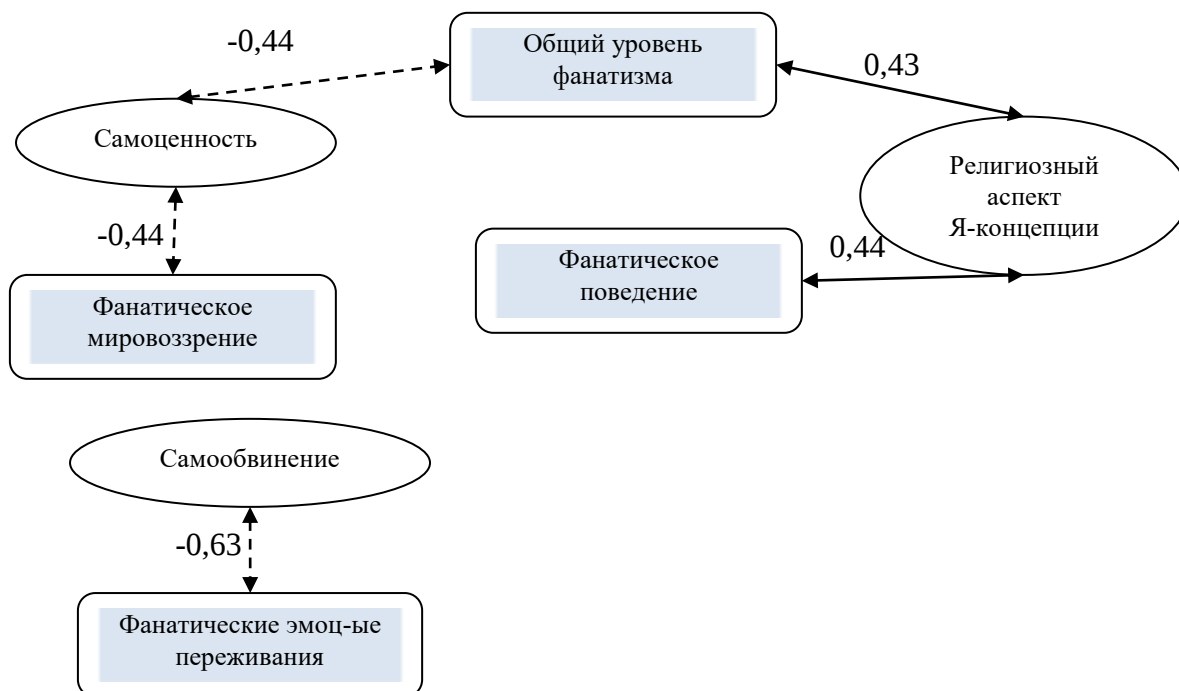

Рисунок 7. Корреляционная плеяда значимых взаимосвязей в группе лиц с низким уровнем фанатизма

Результаты корреляционного анализа в группе респондентов со средним уровнем фанатизма, представлены в Приложении 8.

Так, положительные связи были обнаружены между выраженностью фанатических мировоззренческих представлений и количеством индивидуальных характеристик в Я-концепции ($r=0,29$, при $p<0,05$), между фанатическими эмоциональными переживаниями и закрытостью ($r=0,29$, при $p<0,05$), между выраженностью фанатического поведения и этническим аспектом Я-концепции ($r=0,31$, при $p<0,05$).

Отрицательные корреляционные связи были обнаружены между фанатическим мировоззрением и самопривязанностью ($r=-0,54$, при $p<0,05$), между фанатическим мировоззрением и количеством социальных аспектов Я-концепции ($r=-0,3$, при $p<0,05$), между фанатическим мировоззрением и политической принадлежностью ($r=-0,31$, при $p<0,05$), между фанатическим поведением и самооценностью ($r=-0,29$, при $p<0,05$), между общим уровнем фанатизма и самопривязанностью ($r=-0,32$, при $p<0,05$).

Таким образом, было доказано, что повышение фанатического мировоззрения у лиц со средним изначальным уровнем фанатизма отрицательно скажется на количестве представлений верующего о себе в социальном аспекте, при этом, количество индивидуальных характеристик в его Я-концепции возрастет. Это означает, что рост фанатического мировоззрения у лиц со средним изначальным уровнем фанатизма приведет к уменьшению включенности верующего в социальные взаимоотношения с «чужими» для него социальными группами, одновременно с этим он приведет к усилению представлений о своей индивидуальности.

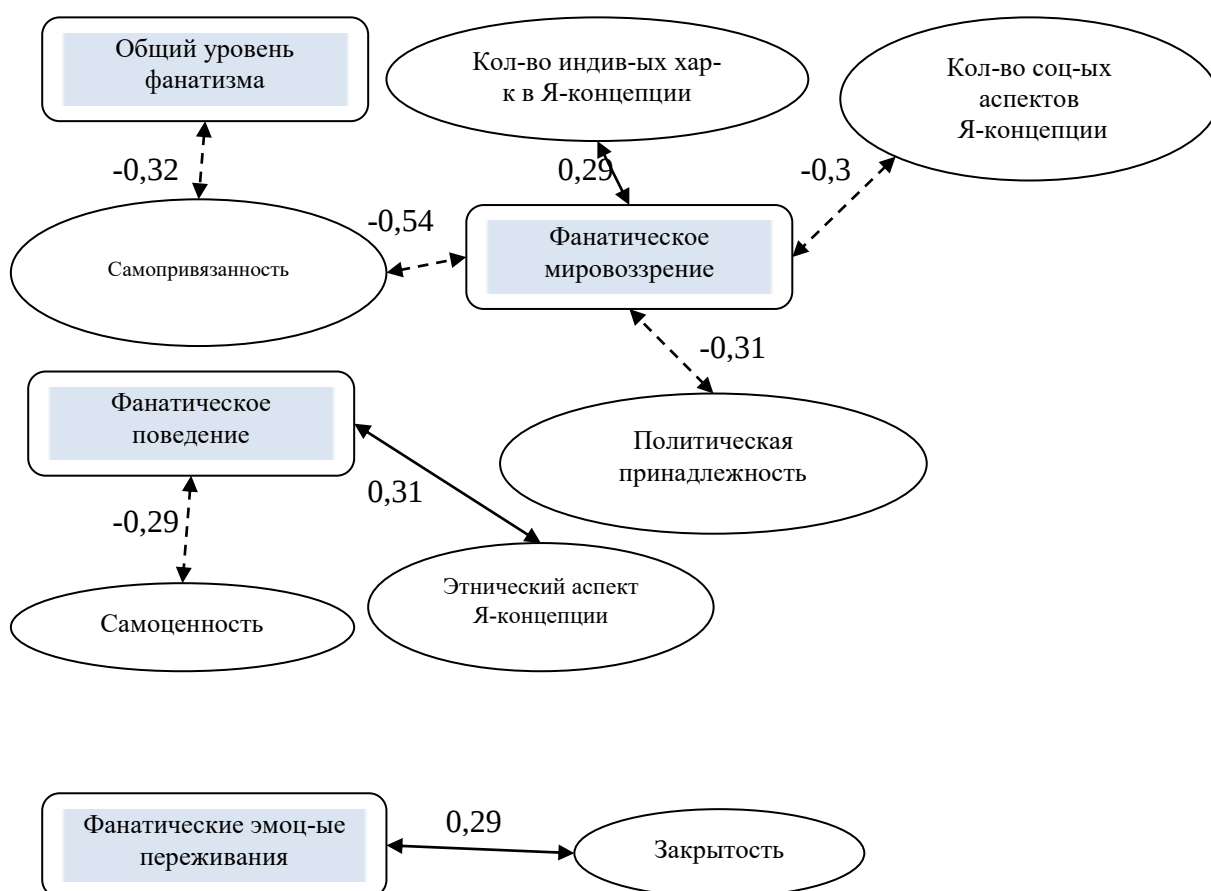

Рисунок 8. Корреляционная плеяда значимых взаимосвязей в группе лиц со средним уровнем фанатизма

Усиление фанатического мировоззрения также будет сопровождаться снижением самопривязанности. Это означает, что с развитием фанатического мировоззрения у верующих на среднем уровне фанатизма растет не только осознание своей индивидуальности, но и неудовлетворенность собой, возникает желание измениться, чтобы соответствовать идеалу. Если рассматривать этот уровень религиозного фанатизма как стадию развития фанатизма, то именно на этом этапе у

верующего обнаруживается недовольство собой, личность верующего, его образ жизни и социальное поведение начинает трансформироваться.

Также при усилении фанатического мировоззрения снижается выраженность осознания своей политической принадлежности в Я-концепции верующего, то есть наблюдается уменьшение степени идентификации с политическими социальными группами.

Большая выраженность фанатического поведения будет сопровождаться снижением уровня самооценности и усилением представлений о себе в контексте этнических отношений. Таким образом, этнические представления о себе и самооценность у православных, «склонных к фанатизму» имеют опосредованную обратную взаимосвязь, и они также взаимосвязаны с фанатическим поведением. Взаимосвязь в данной триаде элементов можно объяснить тем, что нарастание, так называемой, «борьбы с врагами веры», может объясняться ростом осознания этнических различий и дифференциацией этих врагов по этническим признакам, а также снижением самооценности в этническом аспекте.

Усиление фанатических эмоциональных переживаний в данной группе верующих сопровождается повышением показателей по шкале «закрытость». Это означает, что рост фанатических эмоциональных переживаний на среднем уровне фанатизма происходит вместе с уменьшением способности осознавать важную информацию о себе, возрастанием степени закрытости, как от окружающих, так и от себя самого.

Результаты корреляционного анализа в группе респондентов с высоким уровнем фанатизма представлены в Приложении 9:

Положительные связи были обнаружены между уровнем фанатического мировоззрения и закрытостью ($r=0,37$, при $p<0,05$), между фанатическими эмоциональными переживаниями и закрытостью ($r=0,36$, при $p<0,05$), фанатическими эмоциональными переживаниями и самопривязанностью ($r=0,32$, при $p<0,05$), между выраженностью фанатического поведения и саморуководством ($r=0,28$, при $p<0,05$), выраженностью фанатического поведения и учебно-профессиональным аспектом Я-концепции ($r=0,3$, при $p<0,05$), между общим уровнем фанатизма и закрытостью ($r=0,39$, при $p<0,05$), общим уровнем фанатизма и самооценностью ($r=0,27$, при $p<0,05$). Отрицательные корреляционные связи были

обнаружены между фанатическим мировоззрением и политической идентичностью ($r=-0,32$, при $p<0,05$), между фанатическим эмоциональным переживанием и религиозным аспектом Я-концепции ($r=-0,36$, $p<0,05$).

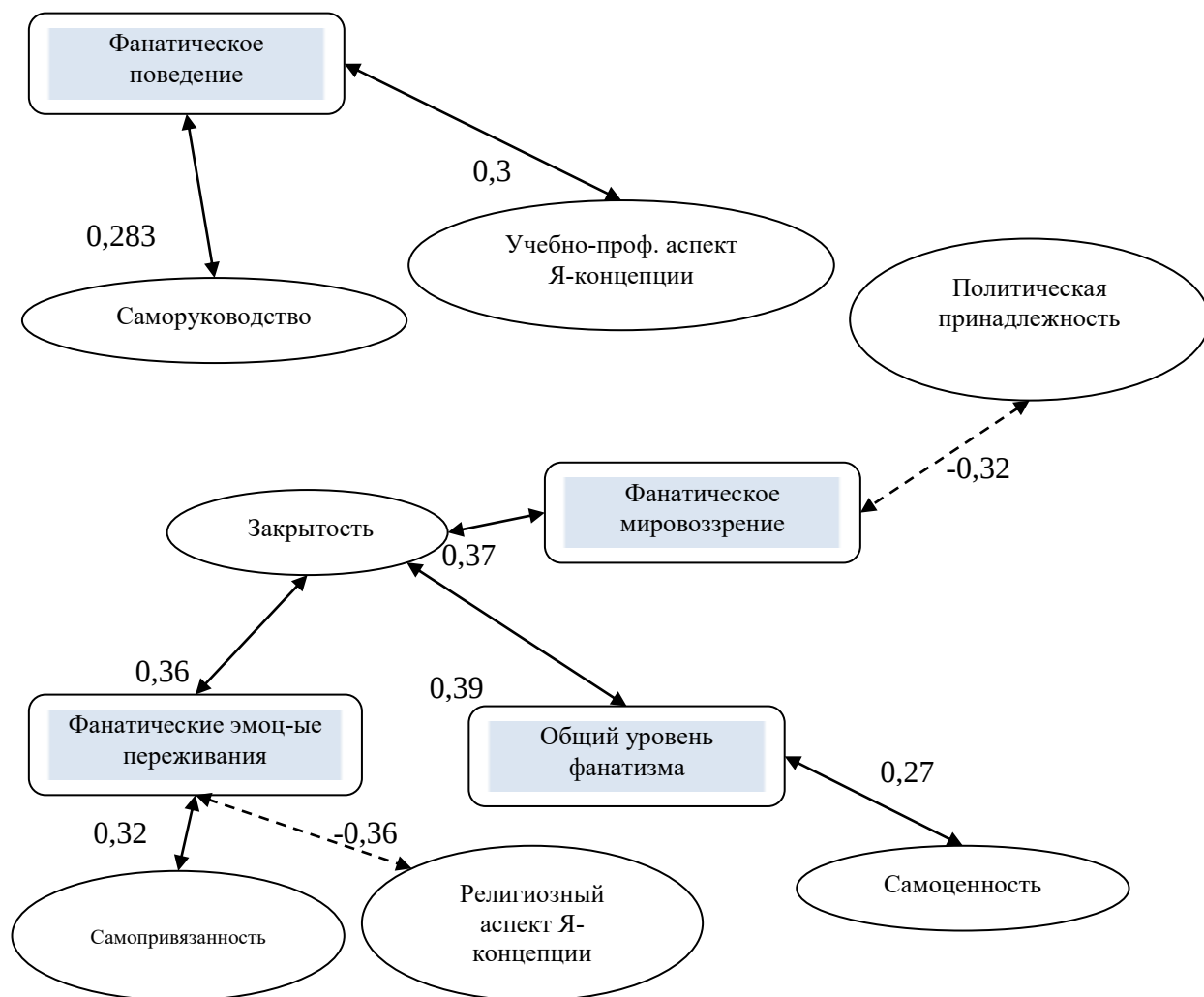

Рисунок 9. Корреляционная плеяда значимых взаимосвязей в группе лиц с высоким уровнем фанатизма

Доказано, что у лиц с высокой степенью религиозного фанатизма с усилением фанатического мировоззрения происходит повышение показателей по шкале «закрытость» и ослабление политической идентичности. Это означает, что усиление фанатического мировоззрения на этом уровне фанатизма приводит к уменьшению способности осознавать важную информацию о себе, возрастанию степени закрытости религиозного фанатика, как от окружающих, так и от себя самого. Также, у респондентов с высоким уровнем фанатизма увеличение фанатических тенденций в мировоззрении сопровождается снижением идентификации с политическими

социальными группами, что можно объяснить общей тенденцией к десоциализации религиозного фанатика.

Увеличение показателей по шкале «закрытость» сопровождается также усилением фанатических эмоциональных переживаний и повышением общего уровня фанатизма, которому сопутствует повышение самооценности. Это может указывать на то, что, в отличие от лиц со средним уровнем фанатизма, у которых открытость взаимосвязана только с фанатическими эмоциями, религиозные фанатики склонны к вытеснению или отрицанию, как аспектов своего мировоззрения, так и аспектов эмоциональной сферы. Также важно отметить, что, в отличие от верующих с низким и средним уровнем фанатизма, у лиц с наиболее выраженным фанатизмом с увеличением фанатизма самооценность повышается: они все выше оценивают себя в соответствии с внутренними критериями любви, духовности, богатства внутреннего мира.

Усиление фанатических эмоциональных переживаний в свою очередь связано с усилением самопривязанности и падением представлений о себе в контексте религиозных отношений. Это можно объяснить тем, что в отличие от верующих со средним уровнем фанатизма, у которых с повышением фанатического мировоззрения самопривязанность падает, у религиозных фанатиков с повышением фанатического мировоззрения самопривязанность опосредованно возрастает: верующий не желает меняться, он привязан к уже сложившимся представлениям о себе, часто неадекватным. То, что на данном уровне фанатизма выраженность религиозного аспекта Я-концепции падает с повышением фанатических эмоциональных переживаний и опосредованно – с повышением фанатического мировоззрения, объясняется тем, что на данном уровне фанатизма взаимоотношения с Богом или высшими силами отходят на второй план, становятся менее значимыми, чем борьба с враждебным социальным объектом.

Особенностью лиц с высоким уровнем фанатизма является то, что фанатическое поведение у них усиливается вместе с ростом представлений о себе в контексте учебно-профессиональных взаимоотношений. Это можно объяснить агрессивным поведением религиозного фанатика в отношении светской социальной

системы в целом, которая для него является порождением зла, и, прежде всего, под это определение попадает такой важный институт социализации как образовательные учреждения, а также профессиональные общности.

Это отличает ЯФРЛ от Я-концепции верующих со средним и низким уровнем фанатизма. Так, у верующих с низким уровнем фанатизма, фанатическое поведение обостряется при усилении представлений о себе в контексте социально-религиозных отношений. У верующих со средним уровнем фанатизма фанатическое поведение обостряется при усилении представлений о себе в контексте этнического взаимодействия. Это можно объяснить тем, что у верующего с низким уровнем фанатизма социальное насилие в большей степени провоцирует иноверец, тот, кто не разделяет определенного религиозного мировоззрения; у верующего со средним уровнем фанатизма – представитель чужой этнической группы.

В отличие от верующих, «не склонных к религиозному фанатизму» и верующих, «склонных к фанатизму», у «фанатической религиозной личности» при увеличении когнитивного и эмоционального элементов фанатизма самооценочность опосредовано повышается. Таким образом, чем более для мировоззрения фанатика характерно противопоставление себя врагам веры, а также убеждение в необходимости борьбы с врагами, тем большую значимость фанатик начинает предавать себе как орудию этой борьбы, и тем больше эмоций он, в связи с этим, начинает переживать.

Результаты корреляционного анализа в группе мужчин с высоким уровнем фанатизма представлены в Приложении 10:

Так, положительные связи были обнаружены между уровнем фанатического мировоззрения и самоуверенностью ($r=0,51$, при $p<0,05$), между фанатическими эмоциональными переживаниями и закрытостью ($r=0,45$, при $p<0,05$), между выраженностью фанатического поведения и гендерным аспектом Я-концепции ($r=0,51$, при $p<0,05$), между общим уровнем фанатизма и открытостью ($r=0,54$, при $p<0,05$), общим уровнем фанатизма и самоуверенностью ($r=0,239$, при $p<0,05$). Отрицательные корреляционные связи были обнаружены между фанатическим мировоззрением и политической идентичностью ($r=-0,51$, при $p<0,05$), между

фанатическим эмоциональным переживанием и религиозным аспектом Я-концепции ($r=-0,48$, при $p<0,05$), между общим уровнем фанатизма и «Коммуникативным Я» ($r=-0,4$, при $p<0,05$).

Таким образом, было доказано, что повышение уровня общего фанатизма у мужчин с высоким его изначальным уровнем отрицательно скажется на уровне «Коммуникативного Я», то есть будет сопровождаться снижением осознания себя в качестве субъекта социального взаимодействия, а также положительно повлияет на уровень открытости и самоуверенности.

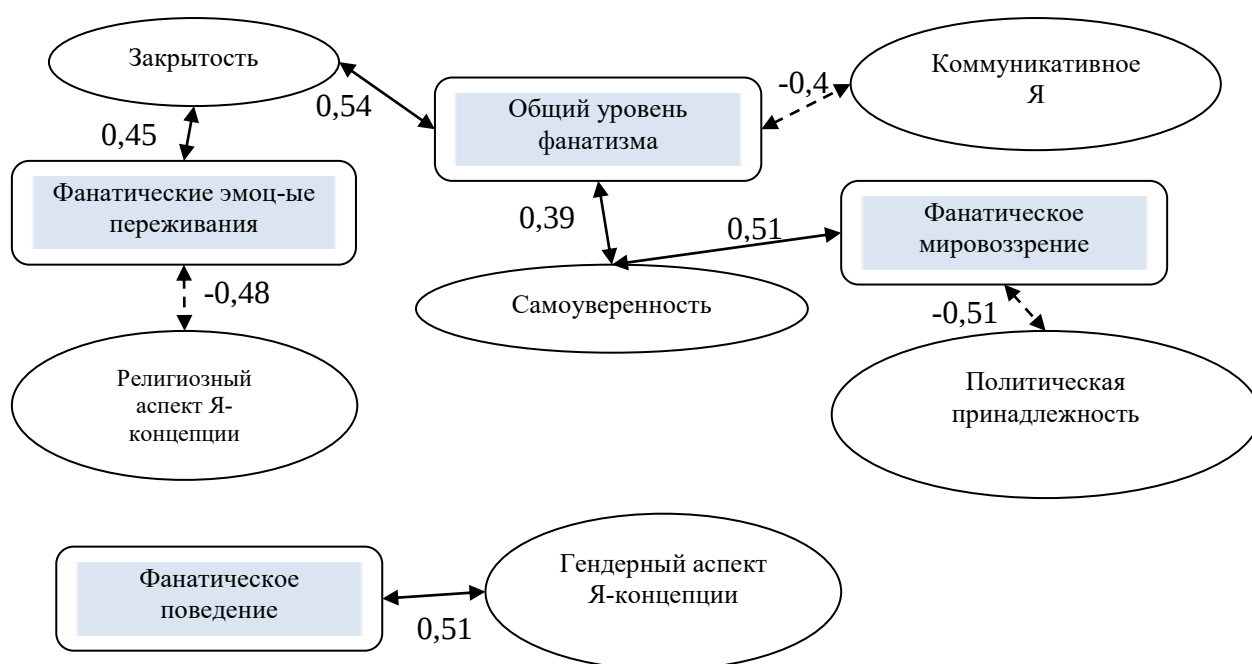

Рисунок 10. Корреляционная плеяда значимых взаимосвязей в группе мужчин с высоким уровнем фанатизма

Рост фанатических эмоциональных переживаний, опосредованно связанных с ростом общего уровня фанатизма, происходит вместе с ростом показателей по шкале «закрытость» и падением выраженности представлений себе в контексте религиозных отношений. Таким образом, на данном уровне фанатизма у мужчин происходит вытеснение или сокрытие от окружающих собственных фанатических

эмоциональных переживаний. При этом, взаимоотношения с высшими силами для мужчин-фанатиков утрачивают свое значение.

Усиление фанатического мировоззрения приведет к ослаблению политической идентичности и повышению самоуверенности. Таким образом, для мужчин с высоким уровнем фанатизма при повышении фанатизма политические социальные роли утрачивают свое значение, что доказывает понижение интереса к социальной жизни в целом.

Рост проявлений экстравертного фанатизма у мужчин этой группы сопровождается не только ростом самоуверенности, но и возрастанием саморуководства, то есть представлений о себе как о главном и ответственном субъекте действий.

К тому же обнаружено, что у мужчин с высоким уровнем фанатизма фанатическое поведение в целом обостряются при усилении выраженности гендерных представлений о себе. Можно предположить, что осознание мужчиной-религиозным фанатиком своей гендерной роли, способствует активации у него общего фанатического поведения («мужчина – должен действовать»).

Результаты корреляционного анализа в группе женщин с высоким уровнем фанатизма представлены в Приложении 11:

В ходе данного анализа были выявлены положительные взаимосвязи между уровнем фанатического мировоззрения и закрытостью ($r=0,39$, при $p<0,05$), уровнем фанатического мировоззрения и самопривязанностью ($r=0,38$, при $p<0,05$), между выраженностью фанатического поведения и учебно-профессиональным аспектом Я-концепции ($r=0,65$, при $p<0,05$).

Таким образом, было доказано, что усиление фанатического мировоззрения у женщин с высокой степенью фанатизма сопровождается нарастанием закрытости и самопривязанности. Можно предположить, что, в отличие от мужчин, у которых открытость непосредственно связана только с уровнем эмоциональных переживаний и с общим уровнем фанатизма, женщины склонны вытеснять, а также скрывать от окружающих элементы своего мировоззрения. Увеличение самопривязанности означает, что с ростом фанатического мировоззрения в данной группе женщин

увеличивается привязанность к уже сложившимся представлениям о себе, часто неадекватным, снижается готовность к изменениям.

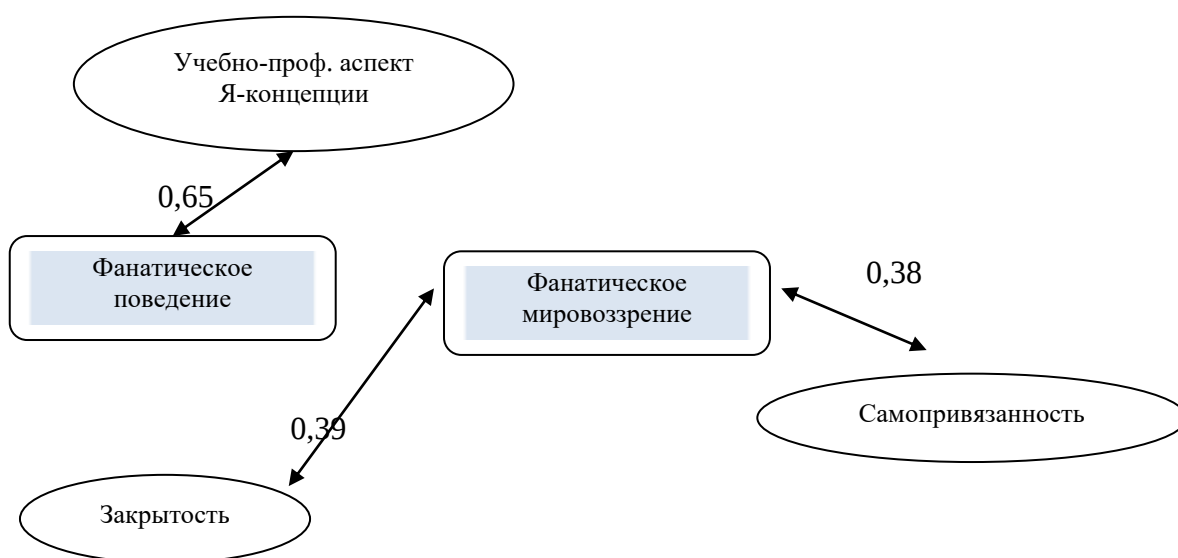

Рисунок 11. Корреляционная плеяда значимых взаимосвязей в группе женщин с высоким уровнем фанатизма

В отличие от мужчин с высоким уровнем фанатизма, с ростом выраженности представлений о себе в контексте учебно-профессиональных отношений у женщин увеличивается общий уровень фанатического поведения.

Интересно отметить, что фанатические эмоциональные переживания у женщин с высоким уровнем фанатизма не связаны с содержанием их Я-концепции. Эмоциональный аспект религиозного фанатизма у женщин может находиться во взаимосвязи с другими факторами, выходящими за предметные рамки настоящего исследования.

В дополнении, важно отметить, что особенностью ЯФРЛ является то, что для нее характерно наибольшее количество взаимосвязей своих содержательных элементов с компонентами религиозного фанатизма в сравнении с Я-концепциями, соответствующими более низким уровням фанатизма. Чем выше уровень религиозного фанатизма личности, тем в большей степени проявления ее религиозного фанатизма регулируются системой ее представлений о себе самой. Это свидетельствует в пользу необходимости, при проведении психокоррекции

религиозной фанатической личности, осуществлять работу по изменению ее Я-концепции.

Таким образом, были выявлены особенности во взаимосвязях содержательных элементов ЯФРЛ с когнитивным, эмоциональным и поведенческим компонентами религиозного фанатизма.

3.6. Основы социально - психологической профилактики религиозного фанатизма

В современном обществе важнейшим приоритетом национальной безопасности, наряду с военной, политической и экономической, следует считать безопасность религиозную, объектом которой может выступать как отдельная личность, носитель свобод и ценностей, так и государство в целом [146]. В связи с тем, что проблема религиозного фанатизма и экстремизма в современном обществе так и не решена, вопрос, на каких принципах должна базироваться система профилактических мер, направленных на их предупреждение, остается открытым.

Многие специалисты, сходятся во мнениях на том, что профилактика фанатизма должна носить комплексный, междисциплинарный характер (В.В. Ким [62], М.Н. Кузнецова [73], М.Я. Яхьяев [196] и др.) Считается, что она невозможна, например, без экономического оздоровления общества. Низкий уровень жизни, социальное неравенство провоцирует недовольство и ненависть внутри населения. А неблагоприятные условия социальной среды рассматриваются некоторыми исследователями как главнейшая причина религиозного фанатизма (Р. Жирар, Г. Кепель, И. Макгрегор, Д.В. Олышанский [211, 218, 227, 105]).

Проведенное нами исследование показало, что на всех уровнях религиозного фанатизма фанатическое поведение усиливается с усилением определенного аспекта представлений верующего о себе самом в контексте социальных отношений. У лиц «не склонных к фанатизму», – с представлениями о себе в контексте религиозных отношений; у «склонных к фанатизму» верующих – с представлениями о себе в

контексте этнических отношений, у «религиозных фанатиков» – с представлениями о себе в контексте учебно-профессиональных отношений. В связи с этим, главным условием осуществления профилактических мер по предотвращению фанатизма, на наш взгляд, является пропаганда веротерпимости, уважения к чужим этническим общностям, актуализация интереса к чужой религии и культуре в молодежной среде.

То, что на высоком уровне фанатизма с усилением учебно-профессионального аспекта Я-концепции, усиливается фанатическое поведение, может говорить о том, что в качестве врага на данном уровне фанатизма выступает вся социальная система в целом, являющаяся, в представлении верующего, порождением зла, результатом заговора темных сил и т.д. Чем более религиозный фанатик погружается в учебно-профессиональную среду, тем выше его уровень социальной агрессии. С нашей точки зрения, при осуществлении профилактики фанатизма, необходимо, формировать правильное отношение к учебно-профессиональным общностям, акцентировать внимание на полезных функциях, которые они осуществляют в жизни каждого отдельного человека.

Поскольку религиозный фанатик негативно настроен к социальной системе в целом, его социальная агрессия еще более подогревается негативным отношением со стороны светского социального окружения, политическими репрессиями, а также ненадлежащим уровнем правовой, юридической защиты. Все это позволяет фанатику укрепиться в своем противопоставлении обществу. Поэтому, с нашей точки зрения, защита прав верующих и позитивное общественное отношение к ним является важным аспектом профилактики религиозного фанатизма.

Поскольку во всей выборке, с ростом фанатизма, падает выраженность семейного и учебно-профессионального аспектов Я-концепции, можно говорить о том, что именно в результате падения значимости сферы семейных и учебно-профессиональных отношений в жизни верующего, происходит его десоциализация. Только за счет сужения представленности выше названных сфер в Я-концепции верующего, социально - религиозная область Я-концепции начинает доминировать.

Важно отметить, что у лиц с высоким уровнем фанатизма, семейный, а также учебно-профессиональный аспекты Я-концепции прямо взаимосвязаны с

фанатическим поведением. В этом случае, на наш взгляд, необходимо формировать к учебно-профессиональным общностям и семье правильное отношение. К примеру, развивать представления о семье как об имеющей ценность самой по себе социальной общности, безотносительно к религиозным предпочтениям и воцерковленности ее членов.

Низкие показатели «Деятельного Я» на высоком уровне фанатизма говорят о том, что религиозных фанатиков отличают слабые представления о себе в контексте какой-либо деятельности, для них менее значимы собственные умения, знания, навыки, увлечения и личные достижения. При этом, все остальные индивидуальные характеристики фанатиков, например описание своих черт характера, физических данных, отношений к внешней среде, пристрастий, в сравнении с другими верующими, остаются сохранными. Поэтому, при психологической коррекции фанатизма, мы считаем необходимым сосредотачивать внимание фанатика на его увлечениях, хобби, умениях и навыках. Подчеркивать важность его личных достижений, помогать в освоении новых форм деятельности.

Считается, что профилактика фанатизма не возможна без развития рефлексивного мышления, а значит внутренней честности с самим собой, принятия себя таким, какой я есть [47].

Действительно, как показало наше исследование, у лиц с высоким уровнем фанатизма, показатели внутренней честности (открытости) ниже в сравнении с остальными группами верующих. Более того, единственным отличием лиц с высоким уровнем фанатизма от верующих с низким уровнем фанатизма является большая закрытость, то есть нежелание или не способность осознавать объективную информацию о себе.

Исходя из критериев уверенности и открытости (внутренней честности), Я-концепцию личности с низким уровнем фанатизма можно условно обозначить как «уверенную открытую», Я-концепцию личности со средним уровнем фанатизма – «неуверенную открытую», с высоким уровнем фанатизма – «уверенную закрытую».

В связи с этим, можно полагать, что при работе с личностью, находящейся на среднем уровне фанатизма, главной профилактической задачей будет не развитие и

без того выраженной рефлексии, а повышение самооценности верующего и его уверенности в себе. Тем более что самооценность личности со средним уровнем фанатизма обратно взаимосвязана с выраженностью фанатического поведения.

При работе же с личностью, находящейся на высоком уровне фанатизма, необходимо не только повышать ее способность к рефлексии, но и снижать ее излишнюю самоуверенность. Тем более, что самооценность на высоком уровне фанатизма имеет прямую взаимосвязь с общим уровнем фанатизма.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что на среднем уровне фанатизма закрытость увеличивается при усилении фанатических эмоций. На высоком уровне фанатизма закрытость увеличивается не только с нарастанием фанатических эмоций, но и с усилением фанатического мировоззрения. Это может говорить о том, что фанатическая религиозная личность вытесняет либо отрицает, как аспекты своего мировоззрения, так и аспекты эмоциональной сферы, тогда как лица со средним уровнем фанатизма, вытесняют только фанатические эмоции. В связи с этим, психологическая работа с религиозными фанатиками должна быть направлена не только на принятие ими собственных эмоциональных состояний, но также на углубление осознания верующим своего религиозного мировоззрения.

Также наше исследование показало, что на высоком уровне фанатизма у женщин закрытость прямо взаимосвязана с фанатическим мировоззрением, а у мужчин – с фанатическими эмоциями. Можно сделать вывод, что психокоррекционная работа с женщинами на этом уровне фанатизма должна быть направлена на осознание своих взглядов и убеждений, а с мужчинами – на принятие эмоциональных состояний.

Задачи социально-психологической профилактики религиозного фанатизма, исходящие из результатов нашего исследования, представлены в Таблице 27.

**Таблица 27. Задачи социально-психологической профилактики
религиозного фанатизма**

Уровень религиозного фанатизма верующего			
Низкий	Средний	Высокий	
		мужчины	женщины
Пропаганда веротерпимости, уважения к чужим этническим общностям, актуализация интереса к чужой религии и культуре			
Формирование положительного отношения к учебно-профессиональным общностям, акцентирование внимание на их положительных функциях, развитие навыков взаимодействия в учебно-профессиональной сфере	Расширение коммуникативных связей, развитие коммуникативных навыков, расширение спектра социальных ролей	Развитие навыков социального взаимодействия в учебно-профессиональной и семейной сферах. Формирование положительного отношения к учебно-профессиональным общностям и семье через акцентирование внимания на их положительном значении в жизни личности и полезных функциях.	
		Акцент на взаимодействии в учебно-профессиональной сфере	Акцент на взаимодействии в сфере семейных отношений
	Осознание и принятие собственных эмоций и чувств	Развитие способностей к рефлексии	
		Осознание и принятие собственных эмоций и чувств	Осознание личных взглядов и убеждений
	Повышение самооценности верующего и его уверенности в себе	Создание адекватной самооценки	
	Развитие устойчивого и стабильного Образа-Я.	Ослабление привязанности к Образу-Я, формирование готовности к личным изменениям.	
		Осознание и принятие личных увлечений, хобби. Раскрытие и развитие собственных умений и навыков. Вовлечение в новые формы деятельности.	

Таким образом, результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что при условии реализации определенной системы представлений личности о себе самой, а также их оценки, можно осуществлять профилактику религиозного фанатизма. При этом, в процессе профилактики религиозного фанатизма необходимо учитывать не только уровень фанатизма личности, но и ее гендерную принадлежность

Выводы по третьей главе

В третьей главе мы описали эмпирическое исследование содержательных особенностей Я-концепции фанатической религиозной личности.

Было установлено, что по мере повышения религиозного фанатизма у респондентов происходит снижение их включенности в семейную и учебно-профессиональную социальные сферы. При этом, у лиц с высоким уровнем фанатизма семейный аспект Я-концепции менее выражен, чем у лиц со средним и низким уровнем фанатизма. У лиц с высоким уровнем фанатизма учебно-профессиональный аспект Я-концепции менее выражен, чем у наименее склонных к фанатизму верующих.

Только внутри группы верующих с высоким уровнем фанатизма у мужчин меньше, чем у женщин выражены семейный и учебно-профессиональный аспекты Я-концепции.

Не зависимо от степени религиозного фанатизма, выраженность религиозного аспекта в Я-концепции личности значимо не изменяется. Однако, с увеличением фанатизма у мужчин представления о себе в контексте религиозных отношений значимо возрастают.

У лиц с высоким уровнем фанатизма менее чем у лиц с низким уровнем фанатизма, развит такой аспект Я-концепции как «Деятельное Я», включающий представления о собственных достижениях, умениях, навыках.

Особенностью ЯФРЛ является то, что представления о себе в контексте социально- религиозных отношений в ней доминируют над представлениями о себе во всех остальных социальных сферах.

С повышением уровня фанатизма способность осознавать объективную информацию о себе (открытость) падает. Верующие с высоким уровнем фанатизма отличаются от верующих с низким уровнем фанатизма, а также от верующих со средним уровнем фанатизма, меньшей способностью осознавать объективную информацию о себе. С усилением фанатизма у верующих уровень аутосимпатии, самоуважения, самоуверенности, саморуководства, самопривязанности, а также представления о том, что они такие, какие есть, могут вызывать симпатию и уважение окружающих, сначала падает, а затем – возрастает. Верующие с высоким уровнем фанатизма отличаются от верующих со средним уровнем фанатизма большим самоуважением, аутосимпатией и самоуверенностью, более выраженными представлениями о себе как об основном источнике активности, большей самопривязанностью, а также меньшей способностью осознавать объективную информацию о себе. Верующие с высоким уровнем фанатизма отличаются от верующих с низким уровнем фанатизма, только меньшей способностью осознавать объективную информацию о себе (меньшей открытостью).

Только у верующих на высоком уровне фанатизма проявляются гендерные особенности эмоционально - оценочного компонента Я-концепции. Мужчины отличаются большим самоуважением и аутосимпатией, самооценностью, большей самоуверенностью, для них более характерно представление о себе как об основном источнике активности. Женщины – большей внутренней неустроенностью, более высоким уровнем внутренней конфликтности и самообвинения, а также большей способностью осознавать объективную информацию о себе (большей открытостью).

Для ЯФРЛ характерны такие специфические взаимосвязи ее элементов с компонентами религиозного фанатизма как: прямая взаимосвязь показателей закрытости с уровнем фанатического мировоззрения, а также с уровнем

фанатических эмоциональных переживаний; прямая взаимосвязь самооценности с общим уровнем фанатизма и, опосредованно, с фанатическим мировоззрением и фанатическими эмоциональными переживаниями; прямая взаимосвязь эмоционального компонента фанатизма и самопривязанности; обратная взаимосвязь религиозного аспекта Я-концепции и фанатических эмоциональных переживаний; прямая взаимосвязь саморуководства с фанатическим поведением; прямая взаимосвязь выраженности учебно-профессионального аспекта Я-концепции с фанатическим поведением.

Чем выше уровень религиозного фанатизма личности, тем в большей степени проявления ее религиозного фанатизма регулируются ее Я-концепцией.

Для ЯФРЛ характерна гендерная специфика взаимосвязей ее содержательных элементов с компонентами религиозного фанатизма. Так, у мужчин с высоким уровнем фанатизма показатели закрытости имеют прямую взаимосвязь с эмоциональным компонентом фанатизма, а у женщин – с когнитивным. У мужчин когнитивный компонент фанатизма имеет прямую взаимосвязь с самоуверенностью. У женщин когнитивный компонент фанатизма имеет прямую взаимосвязь с закрытостью и с самопривязанностью. У мужчин эмоциональный компонент фанатизма имеет обратную взаимосвязь с выраженностью религиозного аспекта Я-концепции, тогда как у женщин взаимосвязей эмоционального компонента фанатизма с элементами Я-концепции не выявлено. У мужчин с возрастанием уровня фанатического поведения усиливается гендерный аспект Я-концепции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе теоретического анализа научной литературы по проблеме Я-концепции фанатической религиозной личности мы пришли к выводу о том, что Я-концепция верующего, как совокупность его устойчивых представлений о себе самом, детерминируется не только содержанием разделяемого вероучения, социально-психологическими характеристиками референтной религиозной группы, типом религиозного обращения, но и индивидуально-типологическими, социально-демографическими характеристиками религиозной личности, а также типом ее религиозности.

Это позволило выдвинуть гипотезу о том, что Я-концепция фанатической религиозной личности имеет содержательные особенности, отличающие ее как Я-концепцию, свойственную представителям социальной группы религиозных фанатиков, от Я-концепции нефанатичных верующих.

Религиозный фанатизм мы рассматривали как относительно устойчивую социально-психологическую характеристику личности, выраженную в религиозном мировоззрении, четком разделении социального окружения на сторонников и противников этого мировоззрения, а также в стремлении исправить мир с применением насильственных методов воздействия, направленных либо на других членов общества, либо на самого себя.

Как зарубежные, так и отечественные теории Я-концепции определяют ее в качестве управляющего центра личности, регулятора мотивационно-поведенческой сферы, поэтому, именно через описание специфических особенностей Я-концепции религиозного фанатика, раскрываются его основные психологические характеристики и стратегии социального взаимодействия, что позволяет прогнозировать и корректировать социальное поведение фанатика.

Эмпирическое исследование позволило выявить особенности описательного и эмоционально-оценочного аспекта Я-концепции фанатической религиозной личности, а также специфические взаимосвязи ее элементов со структурными

компонентами религиозного фанатизма. Были выявлены гендерные различия Я-концепции фанатической религиозной личности.

По итогам проведенного теоретического и эмпирического исследования были сформулированы следующие выводы, подтверждающие выдвинутую гипотезу:

1. Я-концепция фанатической религиозной личности (ЯФРЛ) – это совокупность всех представлений о себе личности, для которой характерно религиозное мировоззрение, обуславливающее специфические социальные и межличностные отношения, характеризующиеся дифференциацией социального окружения на сторонников и противников этого мировоззрения, а также стремление исправить мир согласно религиозной доктрине с опорой на насильственные методы воздействия, направленные на окружающих, либо на самого себя.

Структура ЯФРЛ состоит из описательного и эмоционально-оценочного компонента, а также из взаимосвязей между этими компонентами, включая их различные уровни и взаимозависимости. В социально-психологическом смысле в содержание описательного компонента входит набор представлений личности о себе самой в различных социальных аспектах (например, в контексте семейных, учебно-профессиональных, этнических отношений и т.д.). В содержание эмоционально-оценочного компонента ЯФРЛ входит эмоциональная оценка личностью представлений о себе в социальном аспекте [1-А; 3-А; 4-А; 5-А; 6-А; 9-А; 19-А; 20-А].

Уникальные характеристики Я-концепции верующего соотносятся с уровнем его религиозного фанатизма, который определяет содержательную специфику описательного и эмоционально-оценочного компонентов в структуре ЯФРЛ.

2. Были выделены три типа Я-концепции верующего, отличающихся по своим содержательным компонентам, соответствующие разным уровням религиозного фанатизма: низкому, среднему и высокому: Я-концепция личности, «не склонной к религиозному фанатизму» (низкий уровень фанатизма), Я-концепция личности, «склонной к религиозному фанатизму» (средний уровень фанатизма) и Я-концепция «фанатической религиозной личности» (высокий

уровень фанатизма) (ЯФРЛ). Каждый тип Я-концепции характеризуется социально-психологическими особенностями содержания представлений личности о себе самой, а также особенностями эмоциональной оценки личностью этих представлений [7-А].

3. Содержательной особенностью описательного компонента ЯФРЛ является доминирование представлений верующего о себе самом в сфере отношений с религиозным сообществом (Я-христианин, Я-сын Божий, Я-православный), при общем сужении спектра представлений о себе самом во всех других социальных сферах.

Не зависимо от степени религиозного фанатизма выраженность религиозного аспекта в Я-концепции верующих одинакова. Таким образом, доминирование представлений верующего о себе самом в сфере религиозных отношений происходит не за счет их расширения, а за счет сужения спектра представлений верующего о себе в семейном и учебно-профессиональном аспектах.

Для «религиозных фанатиков» менее, чем для верующих «не склонных к фанатизму» значимы личные умения, знания, навыки, увлечения и достижения, что подтверждает слабую включенность фанатиков в учебно-профессиональную социальную сферу [7-А].

4. Содержательными особенностями эмоционально-оценочного компонента ЯФРЛ являются: позитивное самоотношение в сочетании с неспособностью принимать объективную информацию о себе.

Верующие с высоким уровнем фанатизма в сравнении со «склонными к фанатизму» верующими имеют более высокие показатели аутосимпатии, самоуважения, самоуверенности, а также привязанности к сложившимся представлениям о себе. Их характеризует большая неспособность осознавать и принимать объективные стороны своей личности.

Для верующих с высоким уровнем фанатизма, как и для верующих «не склонных к фанатизму» характерна высокая самооценка, высокая степень привязанности к уже сложившимся представлениям о себе самом. При этом, только у верующих с высоким уровнем фанатизма все эти показатели сочетаются с низкой

способностью к рефлексии, с неспособностью к осознанию объективных сторон своей личности [7-А].

5. Для ЯФРЛ характерны специфические взаимосвязи своих элементов с когнитивным, аффективным и поведенческим компонентами религиозного фанатизма:

Положительные взаимосвязи: закрытости с фанатическим мировоззрением и фанатическими эмоциональными переживаниями; самопривязанности с фанатическими эмоциональными переживаниями; саморуководства с фанатическим поведением; учебно-профессионального аспекта Я-концепции с фанатическим поведением;

Отрицательная взаимосвязь: религиозного аспекта Я-концепции и фанатических эмоциональных переживаний.

В отличие от верующих, «склонных к религиозному фанатизму», у которых закрытость взаимосвязана только с фанатическими эмоциями, у «религиозных фанатиков» усиление защитных механизмов вытеснения и отрицания информации о себе сопровождается усилением не только фанатических эмоций, но и большей выраженностью фанатического мировоззрения.

В отличие от верующих, «не склонных к религиозному фанатизму» и верующих, «склонных к фанатизму», у «фанатической религиозной личности» при усилении фанатического мировоззрения и эмоционального аспекта фанатизма самооценка повышается. Таким образом, чем более для мировоззрения фанатика характерна дихотомия и убежденность в необходимости борьбы с врагом, тем большую значимость фанатик придает себе как орудию этой борьбы, и тем больше эмоций, связанных с этой борьбой, он начинает испытывать.

В отличие от верующих, «склонных к религиозному фанатизму», у которых с развитием фанатического мировоззрения самопривязанность падает, у «фанатической религиозной личности» с усилением фанатических эмоций и фанатического мировоззрения, нарастает привязанность к уже сложившимся представлениям о себе.

У «фанатической религиозной личности» при усилении эмоционального компонента фанатизма, а также фанатического мировоззрения – взаимоотношения с религиозным сообществом и высшими силами отходят на второй план. Они становятся менее значимыми, в отличие от «не склонных к фанатизму» верующих, у которых фанатическое поведение, а также фанатическое мировоззрение, усиливаются при расширении религиозного аспекта Я-концепции.

У верующих с высоким уровнем фанатизма фанатическое поведение усиливается при большей выраженности учебно-профессионального аспекта Я-концепции. В отличие от верующих, «не склонных к религиозному фанатизму», у которых фанатическое поведение усиливается при большей выраженности религиозного аспекта Я-концепции, и в отличие от верующих, «склонных к религиозному фанатизму», для которых характерна положительная взаимосвязь фанатического поведения с представлениями о себе в сфере этнических отношений.

Чем выше уровень религиозного фанатизма личности, тем в большей степени проявления ее религиозного фанатизма регулируются системой ее представлений о себе самой. Поэтому, важнейшей задачей психологической коррекции фанатической религиозной личности является изменение ее Я-концепцией.

6. Существуют гендерные особенности содержания ЯФРЛ.

В описательном компоненте ЯФРЛ женщин более выражены представления о себе в сфере семейных и учебно-профессиональных отношений.

Мужчины с высоким уровнем фанатизма отличаются большим в сравнении с женщинами самоуважением, аутосимпатией, самоуверенностью, самооценностью и представлениями о себе как об основном источнике активности.

Эмоционально-оценочный компонент Я-концепции женщин отличается большая, в сравнении с мужчинами, внутренняя неустроенность, конфликтность, самообвинение и осознанность.

Таким образом, религиозные фанатики мужчины более подвержены десоциализации. Женщины фанатики более склонны к рефлексии и менее уверены в своих взглядах, чем мужчины. Психокоррекционная работа с религиозными

фанатиками-женщинами может оказаться более результативной, чем аналогичная работа с мужчинами [8-А; 10-А; 16-А].

Выявлены гендерные особенности взаимосвязей содержательных элементов ЯФРЛ со структурными компонентами религиозного фанатизма.

Для мужчин с высоким уровнем фанатизма характерны положительные взаимосвязи: закрытости – с эмоциональным компонентом фанатизма; самоуверенности – с когнитивным компонентом фанатизма; гендерного аспекта Я-концепции – с общим уровнем фанатического поведения. Отрицательные взаимосвязи: религиозного аспекта Я-концепции – с эмоциональным компонентом фанатизма; политической идентичности – с фанатическим мировоззрением.

Для женщин с высоким уровнем религиозного фанатизма характерны положительные взаимосвязи: закрытости и самопривязанности – с когнитивным компонентом фанатизма; учебно-профессионального аспекта Я-концепции – с фанатическим поведением.

Таким образом, защитные механизмы вытеснения и отрицания информации о себе у женщин усиливаются при усилении фанатического мировоззрения, а у мужчин – при усилении фанатических эмоций. Также обострение фанатических эмоций у мужчин сопровождается утратой значения взаимоотношений с религиозным сообществом и высшими силами.

По мере усиления фанатического мировоззрения у мужчин возрастает самоуверенность. У женщин усиление фанатического мировоззрения связано с потерей способности к рефлексии и целостному принятию своей личности, а также с ригидностью представлений о себе и нежеланием меняться.

Полученные результаты позволили сформулировать рекомендации по проведению психологической профилактики религиозного фанатизма:

Основная идея психокоррекции фанатической религиозной личности состоит в том, чтобы развивать у нее навыки социального взаимодействия, формировать у нее правильное отношение к учебно-профессиональным общностям и семье, развивать ее способности к рефлексии, фокусировать внимание на личных

увлечениях, хобби, умениях и навыках, включать в новые формы деятельности [2-А; 7-А; 8-А; 16-А].

При работе с мужчинами необходимо уделять внимание сфере учебно-профессиональных отношений, осознанию эмоций и чувств. При работе с женщинами – сфере семейных отношений, осознанию личных взглядов и убеждений

Дальнейшей перспективой исследования является апробация программы социально-психологической профилактики религиозного фанатизма, опирающейся на выводы, полученные в ходе настоящей работы. В перспективе также исследование конфессиональных особенностей Я-концепции верующих с разным уровнем фанатизма, что позволит внести еще больший вклад в концептуализацию понятия «Я-концепция фанатической религиозной личности», а также в усовершенствование методов профилактики религиозного фанатизма.

Рекомендации по практическому использованию результатов исследования

На основе полученных результатов были сформулированы рекомендации по проведению психологической профилактики религиозного фанатизма личности:

1. В процессе профилактики религиозного фанатизма необходимо учитывать не только уровень фанатизма личности, но и ее гендерную принадлежность.
2. Необходимо развивать навыки социального взаимодействия.
3. Формировать позитивное отношение к учебно-профессиональным общностям и семье.
4. Необходимо тренировать способность к рефлексии.
5. Фокусировать внимание на личных увлечениях, хобби, умениях и навыках.
6. Побуждать личность включаться в новые формы деятельности.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА

**Статьи, опубликованные в изданиях из перечня рецензируемых
журналов, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего
образования Российской Федерации**

[1-А]. Гусева Е.С. Религиозный фактор этноидентичности русских [Текст] / Е.С. Гусева // Вестник Самарского государственного университета, 2014. № 1 (112). – С. 207-212. ISSN 1810-5378.

[2-А]. Гусева Е.С. Гендерные аспекты индивидуальной религиозности [Текст] / Е.С. Гусева // Известия Самарского научного центра РАН, 2014. № 2 – 2 (Том 16). – С. 329-332. ISSN 1990-5378.

[3-А]. Гусева Е.С. Транзактный подход к описанию религиозной личности [Текст] / Е.С. Гусева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2015. №1(4) – Том 17. – С. 882-885. ISSN 1990-5378.

[4-А]. Гусева Е.С. Взаимосвязь фанатизма с феноменом нетрадиционных религиозных движений [Текст] / Е.С. Гусева // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 4, 2015. – С. 73-78. ISSN 1819-7671.

[5-А]. Ясин М.И., Гусева Е.С. Религиозность, дистресс и здоровье [Текст] / М.И. Ясин // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика, 2017. Т. 27. № 1. – С. 46-51. ISSN 2412-9550.

[6-А]. Чернов А.Ю, Гусева Е.С. Религиозность как социально-психологический феномен [Текст] / А.Ю. Чернов // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология, 2018. № 4 (35) – С. 77-82. ISSN 2221-5662.

[7-А]. Гусева Е.С., Чернов А.Ю. Я-концепция личности с разным уровнем религиозного фанатизма [Текст] / Е.С. Гусева// Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология, 2019. № 2 (37) – С. 73-81. ISSN 2221-5662.

Другие публикации по теме диссертационного исследования

[8-А]. Гусева Е.С. Психологические аспекты профилактики религиозного фанатизма и экстремизма среди молодежи [Текст] / Е.С. Гусева // Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи/ Материалы Всероссийской научно-практической конференции 2 ноября 2016 года. Ответственный редактор М.Г. Резниченко, Самара 2016. – С. 68-72.

[9-А]. Гусева Е.С. Религиозный фанатизм как механизм психологической защиты [Текст] / Е.С. Гусева // Стратегия и тактика противодействия вызовам экстремизма и терроризма в России на современном этапе / Материалы Всероссийской научно-практической конференции 18-19 ноября 2016 г. Издательство: Алеф – Махачкала, 2016. – С. 159 -162.

[10-А]. Чернов А.Ю., Гусева Е.С. Изучение Я-концепции верующего как условие профилактики религиозного фанатизма [Текст] / А.Ю. Чернов // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Безопасность социума: гуманитарный аспект коммуникаций современности» 15-16 июня 2017 года, Тюмень: ТВВИКУ, 2017 – С. 786 -793.

[11-А]. Гусева Е.С. Психология ложных форм религиозного фанатизма [Текст] / Е.С. Гусева // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 85-летию юбилею ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» 28-29 апреля 2017 г.: Психологическая поддержка подростков и молодежи в трудных жизненных и кризисных обстоятельствах: XXI век, Махачкала, 2017. – С. 100-104.

[12-А]. Гусева Е.С. Психологические критерии ложного религиозного фанатизма [Текст] / Е.С. Гусева // Материалы научной сессии ВолГУ 27-28 апреля 2017 г. – С.499-504.

[13-А]. Гусева Е.С., Султанахмедова З.Г. Исследования образа мусульманина и православного у студентов Махачкалы и Самары [Текст] /

Е.С. Гусева // Всероссийский исламоведческий форум «Ислам и исламоведение в современной России», 2019. – С. 459-464.

[14-А]. Гусева Е.С, Чернов А.Ю. Трудности субъективной оценки личной религиозности у мусульман-мигрантов [Текст] / Е.С. Гусева // XXI международная научно-практическая конференция «Фундаментальная наука и технологии: перспективы и разработки», 2020. 3 XXI – С.48-51.

[15-А]. Гусева Е.С., Чернов А.Ю. Религиозное самосознание мусульман-мигрантов как фактор адаптации к новой культурной среде [Текст] / Е.С. Гусева // XXI международная научно-практическая конференция «Фундаментальная наука и технологии: перспективы и разработки», 2020. 3 XXI – С. 45-46.

[16-А]. Психологическая профилактика религиозного фанатизма: учебно-методическое пособие для образовательной программы 37.03.01 Психология / автор составитель Е.С. Гусева. – Самара: САМАРАМА, 2020. – 40с.

[17-А]. Чернов А.Ю., Буланова И.С., Гусева Е.С. Характеристика трудностей общения студентов-мигрантов [Текст] / А.Ю. Чернов // Человеческий фактор: Социальный психолог, 2021. №1 (41) – С. 589-597.

[18-А] Гусева Е.С., Чернов А.Ю. Взаимосвязь толерантности к неопределенности с составляющими личной религиозности [Текст] / Е.С. Гусева // II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Человек в условиях неопределенности», 2021. – С. 103-106.

[19-А]. Гусева Е.С., Султанахмедова З.Г Классификация видов религиозного фанатизма [Текст] / Е.С. Гусева // XIV Международная научно-практическая конференция «Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: единство в многообразии культурных кодов», посвященная 90-летию ДГУ, 2021 – С. 128-132.

[20-А]. Гусева Е.С. Психологические основания идеологии [Текст] / Е.С. Гусева // Всероссийская научная конференция с международным

участием «Конфликт идеологий: философские, социально-политические и культурно-исторические аспекты», 2022. – С. 267-270.

Список литературы

1. Абдулаева Э.С. Анализ причин возникновения религиозного фанатизма среди чеченской республики / Э.С. Абдулаева // Международно-исследовательский журн. – 2016. – № 3 (45), часть 5. – С. 12-13.
2. Абдуллин А.Г. «Образ Я» как предмет исследования в зарубежной и отечественной психологии / А.Г. Абдуллин, Е.Р. Тумбасова // Вестник ЮурГУ. – 2012. – №6. – С. 4-11.
3. Адлер А. Комплекс неполноценности и комплекс превосходства / А. Адлер // Наука и жизнь. – Киев: Port-Royal, 1997. – С. 57-62.
4. Адлер А. Понять природу человека / А. Адлер. – СПб.: Академический проект, 2000. – 254 с.
5. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства: учеб. Пособие / Ю.А. Александровский. – Москва: Медицина, 2000. – 300 с.
6. Антонов К. М. От обыденного к священному: религиозное обращение и пути рационализации религии (феноменологические и психологические аспекты) / К. М. Антонов // Психология религии: между теорией и эмпирикой. – 2015. – Москва: Свято-Тихвинский гуманитарный университет. – С. 75 -86.
7. Аринин Е.И. Учебное пособие для студентов специальности «Религиоведение» / Е. И. Аринин, И. Д. Нефедова. – Владимир: Ред. - издат. комплекс ВлГУ, 2005. – 108 с.
8. Асмолов А.Г. Психология обыкновенного фанатизма/ А.Г. Асмолов // Век толерантности. – 2001. – №1. – С. 13-22.
9. Ассаджоли Р. Психосинтез / Р. Ассаджоли. – Москва: Рефл-бук, 1997. – 316 с.

10. Аттали Ж. Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет / Ж. Аттали. – СПб: Питер, 2014. – 288 с.
11. Байдуллоев А.И. Образовательная среда и социально-религиозное сознание современной молодежи Республики Таджикистан / А. И. Байдуллоев // Теология и богословие : сотрудничество для сохранения и укрепления российского духовного наследия – Материалы Международной образовательной конференции – Том I. – 2022. – С. 22-29.
12. Белобрыкина О.А. Социально-психологические дескрипторы религиозного фанатизма в подростковом возрасте / О.А. Белобрыкина, А.А. Хачатрян // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2018. – № 2. – С. 33-58.
13. Беляев И.А. Религиозный фанатизм как иллюзорная компенсация недостаточности духовно-душевных составляющих целостного миропонимания / И.А. Беляев // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2011. – №4 (28). – С. 68-71.
14. Бердяев Н.А. О фанатизме, ортодоксии и истине / Н.А. Бердяев // Человек. –1997. – № 9. – С. 67-75.
15. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. – Москва: Прогресс, 1986. – 422 с.
16. Бешукова З.М. Эволюция понятия «Экстремистская деятельность» (Экстремизм): опыт Российской Федерации и Республики Таджикистан/ З.М. Бешукова// Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания – Сборник статей V Международной научно-практической конференции – Могилев: 2022. – С. 217-219.
17. Блумер Г. Символический интеракционизм / Г. Блумер. – Москва: Элементарные формы, 2017. – 346 с.

18. Борисова О.А. Структура и содержание ценностно-смысловой сферы психически больных с религиозным мировоззрением / О.А. Борисова, В.В. Гусев, А.М. Двойнин, Г.И. Копейко // Культурно-историческая психология. – 2019. – Т. 15. № 4 – С. 56-67.
19. Братусь Б.С. Вера как общепсихологический феномен сознания человека / Б.С. Братусь, Н.В. Инина // Вестник МГУ. Серия 14: Психология. – 2011. – №1. – С. 25-38.
20. Буланова И.С. Изменение самосознания под влиянием религиозного обращения: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / И. С. Буланова. – Ярославль, 2015. -200 с.
21. Булгаков С.Н. Первообраз и образ / С.Н. Булгаков. – Москва, СПб.: Искусство, 1991. – Т. 1. – 416с.
22. Бурлачук Л.Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук. – СПб.: Питер, 2007. – 688с.
23. Власова Ю.М. Архаические основания религиозного фанатизма / Ю.М. Власова, Е.Л. Доценко // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2017. – № 4. – С. 60-67.
24. Власова Ю.М. Смысловые трансформации, сопровождающие становление религиозного фанатизма / Ю.М. Власова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2014. – № 9. – С. 222-229.
25. Власова Ю.М. Фанатизм как конструкт сознания / Ю.М. Власова // Пивоваровские чтения. Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение: сборник материалов конференции. — Екатеринбург: Деловая книга, 2019. — С. 168-170.
26. Власова Ю.М. Феномен фанатизма: там ли ищем, тех ли спрашиваем? / Ю.М. Власова, Е.Л. Доценко, И.В. Бобров И.В. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Социология. Педагогика. Психология». – 2019. – Том 5 (71). № 2. – С. 75-82.

27. Войновская О.А. Влияние бессознательных факторов на формирование деструктивных форм индивидуальной религиозности / О.А. Войновская // Гуманитарные науки. – 2016. – № 1 (33). – С. 131 -136.
28. Вольтер Поэмы, философские повести. Пафлеты / Вольтер. – Москва: Издательство политической литературы Украины, 1989. – 496 с.
29. Ворожейкина Л.И. Анализ типов религиозной Я-концепции / Л.И. Ворожейкина // Фундаментальные исследования. – Пенза: Академия естествознания, 2014. – № 9 – 5. – С. 1101-1108.
30. Вундт В. Проблемы психологии народов / В. Вундт. – Москва: URSS, 2018. – 144 с.
31. Гаджимурадова З.М. Особенности этнического самосознания личности в условиях капсулирования на традиционных ценностях и религии (на материалах изучения народов Дагестана) / З.М. Гаджимурадова // Развитие личности. – 2008. – № 2. – С. 94-103.
32. Гаджимурадова З.М. Специфика и возможные пути решения проблем религиозного экстремизма в молодежной среде Северного Кавказа / З.М. Гаджимурадова // Развитие личности. – 2016. – № 2. – 16-31.
33. Галуцкий Г.М. Формирование культурной политики: Я-концепция против Мы-концепции / Г.М. Галуцкий // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2018. – Т. 2016. – С. 65-78.
34. Голубь О.В. Доверие к себе как внутриличностное образование старших подростков: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / О.В. Голубь. – Ростов-на-Дону, 2004. – 199 с.
35. Грановская Р.М. Психология веры / Р.М. Грановская. – СПб.: Питер, 2010. – 480 с.
36. Грошева И.А. Праворадикальный экстремизм в России: защита веры любой ценой / И.А. Грошева, И.Л. Грошев // Религиозная ситуация в российских регионах: тезисы докладов и сообщений Пятой

всерос. науч.- практ. конф. (Омск, 20-21 октября 2016 г.) / под ред. Л. В. Денисовой [и др.]. – Омск: Омская академия МВД России, 2016. – С. 35-37.

37. Губенко А.В. Вызов терроризма (Психологический анализ терроризма) / А.В. Губенко // Практическая психология и социальная работа. – 2001. – №1. – С. 43 -53.

38. Дашковская И.Н. Особенности Я-концепции и специфика самосознания незамужних бездетных женщин: дис. ...канд. психол. наук: 19.00.01 / И.Н. Дашковская. – Москва, 2012. – 203 с.

39. Двойнин А.М. Психология верующего: Ценностно - смысловые ориентации и религиозная вера личности / А.М. Двойнин. – СПб.: Речь, 2012. – 224 с.

40. Двойнин А.М. Психологические особенности религиозной личности, влияющие на реабилитационную работу с больными, страдающими психическими расстройствами / А.М. Двойнин // Психиатрия. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Медицинское информационное агентство», 2016. – № 2 (70). – С. 50-54.

41. Джанерьян С. Т. Профессиональная Я-концепция: системный подход: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / С.Т. Джанерьян. – Ростов-на-Дону, 2005. – 442 с.

42. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / У. Джеймс. – Москва: Академический проект, 2017. – 416 с.

43. Джеймс У. Психология / У. Джеймс. – Москва: Академический проект, 2011. -318 с.

44. Додхудоева Л.Н. Таджикистан: социокультурный код эпохи и публичный Ислам/ Л.Н. Додхудоева // Власть. – Москва, 2014. – № 9. – С. 162-167.

45. Докукина Ю.Ю. Я-концепция личности сотрудника в контексте организационной культуры / Ю.Ю. Докукина // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд сборник материалов

XLVI Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 59-68.

46. Дорфман Л.Я. Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность / Л.Я. Дорфман. – Москва: Смысл, 2004. – 319 с.

47. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления. (Как мы мыслим) / Дж. Дьюи. – Москва: Лабиринт, 1999. – 192 с.

48. Евстифеева Е. А. Феномен веры: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01 / Е.А. Евстифеева. – Тверь, 1995. – 203 с.

49. Ефремова Н.А. Психологическое содержание Я-концепции родителя: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Н.А. Ефремова. – Омск, 2004. – 204 с.

50. Ефрюшкина О.В. Я-концепция личности как субъекта труда в контексте организационной культуры: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03 / О.В. Ефрюшкина. – Хабаровск, 2009. – 257 с.

51. Залевский Г.В. Фанатизм как проблема духовного здоровья личности и общества / Г.В. Залевский // Сибирский психологический журнал. – 2007. – № 26. – С. 66-69.

52. Залевский Г.В. Фанатизм как проблема духовного здоровья личности и общества. Сообщение 2. Индивидуально-личностные диспозиции фанатика / Г.В. Залевский // Сибирский психологический журнал. – 2008. – № 28. – С. 49-52.

53. Звягинцева О.В. Самосознание нетрадиционных религиозных сообществ в современной России: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / О.В. Звягинцева. – Ставрополь, 2004. – 159 с.

54. Зимбардо Ф. Социальное влияние / Ф. Зимбардо, М. Ляйппе. – СПб.: Питер, 2011. – 448с.

55. Иванеев С. В. Экстремизм, фундаментализм и терроризм под флагом Ислама / С.В. Иванеев // Военно-юридический журнал. – 2010. – № 12. – С. 18-22.

56. Иванова Е.В. Культурология: мифологические смыслы современной культуры / Е.В. Иванова. – Екатеринбург: Уральский институт фондового рынка, 2015. –121 с.

57. Исаева Э.Г. Профилактика негативных проявлений личности в процессе маргинализации сознания в современном мире / Э. Г. Исаева, А.Р. Сутаева // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Стратегия и тактика противодействия вызовам экстремизма и терроризма в России на современном этапе» 18-19 ноября 2016 г/ под ред. М.Я. Яхьяева. – Махачкала: Алеф, 2016. – С. 26-32.

58. Калинина Т.Л. Общее видение и Я-концепция учителя-лидера / Т.Л. Калинина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 7-2. – С. 92-95.

59. Канетти Э. Масса и власть / Э. Канетти. – Москва: АСТ, 2019. – 576 с.

60. Карпенко А.П. Тестовый метод контроля качества обучения и критерии качества образовательных тестов / А.П.Карпенко, А.С. Домников, В.В. Белоус// Электронный журнал «Наука и Образование». – 2011. – №4. – 28 с. – URL: <http://technomag.edu.ru/doc/184741.html> (дата обращения: 13.11. 2019).

61. Келли Дж. Психология личности: теория личных конструктов / Дж. Келли. – СПб.: Речь, 2000. – 256 с.

62. Ким В.В. Критерии фанатизма / В.В. Ким // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. –№ 5. – С. 99 -103.

63. Кирсанова В.Г. Психологические особенности членов нетрадиционных религиозных организаций: дис. ...канд. психол. наук: 19.00.07 / В. Г. Кирсанова. – Москва, 2005. – 126 с.

64. Китча Н.С. Аксиологические аспекты конфликтности религиозного самосознания / Н.С. Китча // Традиционные национально -

культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. – 2010. – № 3(3). – С.153-156.

65. Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов: введение в психометрическое проектирование / П. Клайн. – Киев: Ника-Центр, 1994. – 284 с.

66. Кон И.С. Категория «Я» в психологии / И.С. Кон // Психологический журнал. – 1981. – Т. 2. – №3 – С. 25-38.

67. Кондаков И.М. Психологический словарь / И.М. Кондаков. – Москва: Фаир-Пресс, 2000. – 488 с.

68. Коновалов Д.Г. Психология сектантского экстаза [Речь перед защитой магис. дис. «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве», Сергиев Посад, 1908 г., Ч. 1, вып. 1] / Д.Г. Коновалов // Богословский вестник. – 1908. – Т. 3. – № 12. – С. 628-638.

69. Концен П. Фанатизм. Психоанализ этого ужасного явления / Пер. с нем./ П. Концен. – Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2011. – 388 с.

70. Косов А.В. Я-концепция как мета-миф и система личностных мифов / А.В. Косов // Материалы I-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики». – Калуга: Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского. – 2016. – С. 477-486.

71. Крайг Г. Психология развития / Г. Крайг, Д. Бокум. – СПб.: Питер, 2005. – 940 с.

72. Крюков Д.С. Философско-религиоведческий анализ Я-концепции религиозной личности: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.13 / Д. С. Крюков. – Москва, 2008. – 169 с.

73. Кузнецова М.Н. Религиозный фанатизм: понятие, сущность и пути преодоления: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.11/ М.Н. Кузнецова. – Омск, 2003. – 171 с.

74. Кудратов К.А. Экстремизм и проблемы безопасности Республики Таджикистан/ К. А. Кудратов // Вестник Новосибирского государственного университета, серия: история, филология. – 2012. – Т. 11. – № 4. – С. 108-113.
75. Кустова Е.И. Межличностное общение и коммуникации: учеб. пособие / Е.И. Кустова. – СПб.: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2016. – 128 с.
76. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – Москва: АСТ, 2016. – 320 с.
77. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва: Смысл, Академия, 2005. – 352 с.
78. Леонтьев А.Н. Эволюция психики / А.Н. Леонтьев. – Москва: МПСИ, МОДЭК, 1999. – 416 с.
79. Лозовая Г.В. Методика диагностики склонности к различным зависимостям / Г.В. Лозовая // Психологические основы педагогической деятельности: материалы 34-й науч. конф. кафедры психологии СПбГУФК им. П.Ф. Лесгафта. – СПб.: СПбГУФК, 2007. – С. 121-124.
80. Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты / Ч. Ломброзо. – Москва: ИНФРА, 2004. – 316 с.
81. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Статьи по семиотике и топологии культуры / Ю.М. Лотман. – Таллин: Александра, 1992. – Т.1. – 247 с.
82. Майерс Д. Социальная психология / Д. Майерс. – СПб: Питер, 1997. – 688 с.
83. Максименко Ж.А. Особенности структурных компонентов Я-концепции коммуникативно успешной личности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01/ Ж.А. Максименко. – Москва, 2008. – 223 с.
84. Маслов И.С. Религиозный фанатизм как форма правового нигилизма / И.С. Маслов // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2018. – № 4-1. – С. 291-295.

85. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 432 с.
86. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
87. Маслоу А. По направлению к психологии бытия. Религии, ценности и пик-переживания. Серия: Психологическая коллекция / А. Маслоу. – Москва: Эксмо-Пресс, 2002. – 272 с.
88. Махмадизода Н.Д. Проявления религиозно-политического экстремизма в условиях развития таджикского общества и способы его минимизации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Н.Д. Махмадизода – Душанбе, 2020. – 42 с.
89. Менделевич В.Д. Наркозависимость и коморбидные расстройства поведения / В.Д. Менделевич. – Москва: МЕДпресс - информ, 2003. – 327 с.
90. Мерлин В.С. Психология индивидуальности / В.С. Мерлин. – Москва: МОДЭК: МПСИ, 2009. – 544 с.
91. Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь / Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – Москва: Прайм- Еврознак, 2006. – 640 с.
92. Мещеряков Д.А. Глобализация в религиозной сфере общественного бытия: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.13 / Д.А. Мещеряков. – Омск, 2007. – 24 с.
93. Мид Д. Г. Избранное: Сб. переводов / Д.Г. Мид / Сост. и переводчик В. Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко. – Москва: РАН. ИНИОН. Центр соц. научн.- информ. исследований. Отд. социологии и соц. психологии, 2009. – 290 с.
94. Митюрина Н.Ю. Профессиональная Я-концепция как фактор профессионализма сотрудников правоохранительных органов: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Н.Ю. Митюрина. – Москва, 2002. – 173с.

95. Михеева И.Н. Амбивалентность личности: морально-психологический аспект / И. Н. Михеева. – Москва: Наука, АН СССР, Ин-т философии, 1991. – 125 с.
96. Молчанова О. Н. Самооценка. Теоретические проблемы и эмпирические исследования. Учебное пособие/ О.Н. Молчанова. – Москва: Флинта; наука, 2016. – 460 с.
97. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. – Москва: Академический проект, 2011. – 396 с.
98. Муминов А. Основные причины религиозного экстремизма / А. Муминов // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2012. – № 1 (29). – С. 202-214.
99. Мэй Р. Экзистенциальная психология / Р. Мэй. – Москва: Эксмо Апрель - Пресс, 2001. – 624 с.
100. Мягков И.Ф., Щербатых Ю.В., Кравцова М.С. Психологический анализ уровня индивидуальной религиозности / И.Ф. Мягков, Ю.В. Щербатых, М.С. Кравцова // Психологический журнал. – 1996. – Т.17. – №6. – С.119-122.
101. Наследов А.Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных / А.Д. Наследов. – СПб.: Питер, 2013. – С. 350-351.
102. Носович В.И. Сущность, структура и функции религиозной психологии: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 09.00.06 / В.И. Носович. – Москва, 1983. – 36 с.
103. Олпорт Г. Личность в психологии / Г. Олпорт. – Москва: КСП; СПб.: Ювента, 1998. – 345 с.
104. Олпорт Г. Становление личности. Избранные труды / Г. Олпорт / под ред. Д.А. Леонтьева. – Москва: Смысл, 2002. – 464 с.
105. Ольшанский Д.В. Психология терроризма / Д.В. Ольшанский. – СПб.: Питер, 2002. – 288 с.

106. Омельчук Р.К. Вера и фанатизм. Определение границ понятий / Р.К. Омельчук // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2011. – № 2 (4). – С. 165 -169.
107. Ордина И.П. Формирование позитивной Я-концепции у одаренных старшеклассников: дис. ...канд. психол. наук: 19.00.07 / И.П. Ордина. – Екатеринбург. – 2012. – 193 с.
108. Орел Е.В. Принцип методологического объективизма и некоторые аспекты его применения в психологии религии / Е.В. Орел // Психология религии: между теорией и эмпирикой: Сборник научный статей / под ред. К.М. Антонова [и др.]. – Москва: ПСТГУ, 2015. – С. 9-29.
109. Орлов Ю.М. Восхождение к индивидуальности / Ю.М. Орлов. — Москва: Просвещение, 1991. — 287 с.
110. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – Москва: АСТ, 2016. – 256 с.
111. Пантелеев С.Р. Методика исследования самоотношения / С. Р. Пантелеев. — Москва: Смысл, 1993. — 32 с.
112. Пантелеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система / С.Р. Пантелеев. – Москва: Моск.Ун-т,1991. – 100 с.
113. Петровский А.В. Психология. Словарь / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – Москва: Политиздат, 1990. — 494 с.
114. Писманик М. Г. Личность и религия / М.Г.Писманик. – Москва: Наука, 1976. – 151 с.
115. Писманик М. Г. Особенности сознания верующего / М.Г. Писманик. – Москва: О-во «Знание» РСФСР. Науч.-метод. совет по пропаганде науч. Атеизма,1973. – 41 с.
116. Платонов К.К. Психология религии / К.К. Платонов // Социальная психология. – Москва: Политиздат, 1975. – с.83-97.
117. Поликарпов В.С. Феномен человека вчера и завтра / В.С. Поликарпов, В.А. Поликарпова. – Ростов-на Дону: Феникс, 1996. – 576 с.

118. Попова О.Б. Системный подход в изучении Я-концепции личности / О.Б. Попова // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2013. – №3 (7). – С. 19-25.

119. Посыпанова О.С. Я-концепция потребителя как условие реакции на манипуляционные техники продаж (на примере молодежи г. Калуги) / О.С. Посыпанова, О.С. Ларина // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. – Калуга, 2016. – С. 95-102.

120. Православная вера и таинство крещения // сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. – Аналитический обзор от 14 августа 2019 г. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravoslavnaya-vera-i-tainstvo-kreshheniya> (дата обращения 18. 10. 2020).

121. Пронина Т.С. Религиозная идентичность как психосоциальный феномен / Т.С. Пронина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Том 16. – Вып.2. – С. 154-166.

122. Рафаил (Карелин) архим. О фанатизме / архим. Рафаил (Карелин) // Интернет-содружество преподавателей и студентов православных духовных учебных заведений, монашествующих и мирян, ищущих чистоты православной веры: Православный апологет. – URL: <http://apologet.spb.ru/ru/1481.html> (дата обращения: 12.10.2019).

123. Рахимов К.Х. Терроризм в Центральной Азии на примере Республики Таджикистан/ К. Х. Рахимов, К.О. Очола, С. Буннавонг, Й. Ашар // Казачество. – 2023. – № 69 (4). – С. 177-182.

124. Решетников М.М. Психологическая травма / М.М. Решетников. – СПб.: Восточноевропейский институт психоанализа, 2006. – 332 с.

125. Рикель А.М. Профессиональная Я - концепция и организационная культура как факторы успешной карьеры: дис. ...канд. психол. наук: 19.00.05/ А.М. Рикель. – Москва, 2012. – 263с.

126. Рима́н Ф. Основные формы страха: исследование в области глубинной психологии / Ф. Рима́н. – Москва: Алетейа, 1998. – 330 с.
127. Роджерс К. Клиент-центрированная психотерапия / К. Роджерс. – Москва: Эксмо-Пресс, 2002. – 512 с.
128. Роджерс К. Свобода учиться / К. Роджерс, Дж. Фрейберг. – Москва: Смысл. – 2019. – 527 с.
129. Романова А.А. О молодежном религиозном фанатизме / А.А. Романова, А.В. Романов // Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых: Молодёжь в меняющемся мире: вызовы современности / под ред. В.А. Герт. – 2017. – С. 161-169.
130. Романов А.В. Философский анализ веры: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.06/ А.В. Романов. – Москва, 1991. – 183 с.
131. Рощенко Т.А. Я-концепция и ее структура / Т.А. Рощенко, М.Ю. Кузьмин // Материалы XVII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции: Проблемы теории и практики современной психологии. – 2018. – С. 33-34.
132. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.
133. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2000. – 712 с.
134. Румянцева Т.В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре / Т.В. Румянцева. – СПб.: Речь, 2006. – 176 с.
135. Рыкман Л.В. Особенности Я-концепции студентов лицея на начальном этапе профессионального самоопределения: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13/ Л.В. Рыкман. – СПб., 2004. – 177 с.
136. Селюч М.Г. Системная концепция творческого Я руководителя образовательного учреждения: дис. ...д-ра психол. наук: 19.00.01 / М.Г. Селюч. – Москва, 2008. – 377с.

137. Смирнова Е.Т. Введение в религиозную психологию / Е.Т. Смирнова. – Самара: БАХРАХ- М, 2003. –160 с.
138. Соколова Е.Т. Психотерапия. Теория и практика / Е.Т. Соколова. – Москва: Академия, 2010. – 368 с.
139. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности / Е.Т. Соколова. – Москва: МГУ, 1989. – 213с.
140. Соколовская И.Э. Религиозная идентичность в структуре личности и ее связь с процессами социально-психологической адаптации / И.Э. Соколовская // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 5 (42). – С.220 -222.
141. Сорокина О.М. Особенности влияния религиозного воспитания в семье на самооценку и самосознание дошкольников / О.М. Сорокина // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 13. – С. 178-182.
142. Состояние преступности в России за январь - ноябрь 2022 года // Министерство Внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» – 67 с. – URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2022/12/mvd_22_11_.pdf (дата обращения: 29.09.2023).
143. Спиркин А.Г. Философия / А.Г. Спиркин. – Москва: Юрайт, 2011. – 832 с.
144. Старшенбаум Г.В. Аддиктология. Психология и психотерапия зависимостей / Г.В. Старшенбаум. – Москва: Когито-Центр, 2006. – 368 с.
145. Столин В.В. Самосознание личности / В.В. Столин. – Москва: изд-во Московского университета, 1983. – 288 с.
146. Тарасевич И.А. Религиозная безопасность как ключевая сфера национальной безопасности Российской Федерации / И.А. Тарасевич // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2010. – №3. – С. 10-14.

147. Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2015. – №6. – С. 3-13.
148. Угринович Д.М. Введение в религиоведение / Д.М. Угринович. – Москва: Мысль, 1985. – 272 с.
149. Угринович Д.М. Искусство и религия / Д.М. Угринович. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1982. – 287 с.
150. Улыбина Е.В. Влияние актуализации мыслей о Боге и уровня религиозности на отношение к неопределенности / Е.В. Улыбина, К.К. Климова // научный электронный журнал Арткульт № 26 (2-2017) – URL: <http://artcult.rsuh.ru/articult-26-2-2017/articult-26-2-2017-ulybina-klymova.php> (дата обращения 03.03. 2021).
151. Усатенко О.Н. Феномен жертвенности и его значение для психологической практики / О.Н. Усатенко // Гуманитарные науки. – 2016. – №1 (33). – С.125 -131.
152. Фаликов Б.З. Культы и культура: от Елены Блаватской до Рона Хаббарда / Б.З. Фаликов. — Москва: РГГУ, 2007. — 268 с.
153. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. – СПб.: Речь, 2000. – 320 с.
154. Филатов С. Новые религиозные движения - угроза или норма жизни?/ С. Филатов // Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России. — Москва, СПб: Летний сад, 2002. — С. 401-449.
155. Флюорнуа Т. Принципы религиозной психологии / Т. Флюорнуа. — Киев: Киевское религиозно-философское общество, 1913. — 34 с.
156. Франкл В. Основы логотерапии. Психология и религия / В. Франкл. — СПб.: Речь, 2000. — 2000 с.
157. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы / А. Фрейд. – Москва: Педагогика-Пресс, 1993.– 142 с.
158. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции / З. Фрейд. – Москва: Азбука-Аттикус, 2011. – 480 с.

159. Фрейд З. Навязчивые действия и религиозные обряды / З. Фрейд // Психоаналитический вестник. – 2001. – № 9. – С.4-5.
160. Фрейд З. Я и Оно / З. Фрейд. – СПб.: Азбука, 2016. – 288 с.
161. Фрейджер Р. Личность. Теории, упражнения, эксперименты / Р. Фрейджер, Д. Фрейдимен. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. – 704 с.
162. Фромм Э. Гуманистический психоанализ / Э.Фромм. – СПб. : Питер, 2002. – 544 с.
163. Фромм Э. Психоанализ и религия / Э. Фромм. – Москва: АСТ, 2010. – 160 с.
164. Фюстель де Куланж Н.-Д. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / Н.-Д. Фюстель де Куланж. – Москва: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. – 414 с.
165. Халтагарова О.Д. Гражданственность как компонент Я-концепции государственного служащего: дис. ...канд. психол. наук: 19.00.05/ О.Д. Халтагарова. – Москва, 2003. –166 с.
166. Хассен С. Освобождение от психологического насилия / С. Хассен. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. – 400 с.
167. Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию / К. Хорни. – СПб.: Питер , 2019. – 400 с.
168. Хорни К. Самоанализ / К. Хорни. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 448 с.
169. Хоффер Э. Истинноверующий. Мысли о природе массовых движений / Э. Хоффер. – Елец: ЕГУ, 2001. – 200 с.
170. Храмова К.В. Самосознание и вера: влияние традиционных и нетрадиционных конфессий на личность современной молодежи (на примере республики Башкортостан) / К.В. Храмова, Д.М. Азаматов // Современные исследования социальных проблем, электронное издание. – 2012. – №. 3. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/samosoznanie-i-vera-vliyanie-traditsionnyh-i-netraditsionnyh-konfessiy-na-lichnost-sovremennoy-molodezhi-na-primere-respubliki> (дата обращения 18.01.2019).

171. Хьелл Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер-Пресс, 1997. – 608 с.
172. Цыбаева Л.А. Психологические особенности Я-концепции офицеров, участников боевых действий, уволенных в запас: дис. ...канд. психол. наук: 19.00.01/ Л.А. Цыбаева. – Хабаровск, 2005. – 185 с.
173. Чернов А.Ю. Психологическое объяснение мотивации религиозного суицидального терроризма / А.Ю. Чернов, И.С. Буланова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. – 2013. – № 2 (20). – С. 115-120.
174. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии / И.И.Чеснокова.– Москва: Наука, 1977.– 142 с.
175. Чиж В. Ф. Психология злодея, властелина, фанатика: Записки психиатра / В. Ф. Чиж. – Москва: Республика, 2001. – 416 с.
176. Шанин А.А. Гендерные стереотипы религиозного фанатизма: особенности проявления / А.А. Шанин // 30 лет кафедре религиоведения Уральского федерального университета: сборник научных статей. — Екатеринбург: Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо», 2017. — С. 438-441.
177. Шибутани Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – Москва: Прогресс, 1969. – 534 с.
178. Шостром Э. Терапевтическая психология. Основы консультирования и психотерапии / Э. Шостром. – СПб.: Сова - Москва: Эксмо, 2002. – 622 с.
179. Щебетенко С.А. Я-концепция, эмпатия и психологическая близость в отношениях читателя к литературным персонажам: дис. ...канд. психол. наук: 19.00.01 / С.А. Щебетенко. – Пермь, 2004. – 162с.
180. Щепланова Е.И. Интеллектуальная Я-концепция одаренных подростков / Е.И. Щепланова // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2016. – Т. 9, № 4. – С. 23-38.

181. Эванс-Притчард Э. Теории примитивной религии / Э. Эванс-Притчард. – Москва: ОГИ, 2004. – 144с.
182. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – Москва: Прогресс, 1996. – 344 с.
183. Юнг К.Г. Письма / К.Г. Юнг. – Москва: Клуб Касталия, 2017. – 1244 с.
184. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени / К.Г. Юнг. – СПб.: Питер, 2019. – 416 с.
185. Юнг К.Г. Сознание и бессознательное / К.Г. Юнг. – Москва: Академический проект, 2013. – 178 с.
186. Юнусова Н.М. Организация и управление работы педагога по коррекции девиантного поведения школьника / Н. М. Юнусова // Вестник Педагогического университета. Серия 2: Педагогики и психологии, методики преподавания гуманитарных и естественных дисциплин. – 2020. – № 4 (4). – С. 9-12.
187. Яблоков И.Н. Религиоведение: учебное пособие по религиоведению/ И.Н. Яблоков. – Москва: Юрайт -Издат, 2014. – 479 с.
188. Янушкявичене О.Л. Джеймс Фаулер о психологии развития веры / О.Л. Янушкявичене // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. – 2015. – Вып. 1 (36). – С. 95 -101.
189. Ясин М.И. Внутренняя религиозная мотивация у православных христиан / М.И. Ясин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2018. –Т.18, № 4. – С. 463-467.
190. Ясин М.И. Исследование когнитивной открытости у современных буддистов / М.И. Ясин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 17, № 3. – С. 334-338.
191. Ясин М.И. Конфессионально-обусловленные особенности мотивации у буддистов школы Карма Кагью / М.И. Ясин // Вестник

Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2018. – № 3 (39). – С. 160-170.

192. Ясин М.И. Психологические исследования религиозной мотивации/ М.И. Ясин // Религия, государство, церковь в России и за рубежом. – 2016. – № 4 (34). – С. 5-67.

193. Ясин М.И. Религиозность и внутренний конфликт / М.И. Ясин // Материалы V Международной научной конференции: Конфликты в современном мире: международные, государственное, государственное и межличностное измерение / под ред. Ю.О. Бронниковой [и др.]. – Саратов: Ученый совет факультета психолого-педагогического и специального образования Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. – 2016. – С. 734-739.

194. Ясин М.И. Современные направления и исследования в психологии религии / М.И. Ясин //Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2016. – Т. 22, № 2. – С. 76-79.

195. Яхьяев М. Я. Религиозный фанатизм как социально-исторический феномен: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / М.Я. Яхьяев. – Махачкала, 2006. – 48 с.

196. Яхьяев М.Я. Фанатизм и Ислам / М. Я. Яхьяев. – Махачкала: Лотос, 2011. – 128 с.

197. Abu Raiya H. When Muslims are perceived as a religious threat: examining the connection between desecration, religious coping, and anti-Muslim attitudes / H. Abu Raiya, K.L. Pargament, A. Mahoney // Basic Appl. Soc. Psychol. – 2008. – №30. – P. 311-325.

198. Arterburn S. Toxicfaith: Experiencing healing from painful spiritual abuse/ S. Arterburn , J. Felton. – Colorado Springs: WaterBrook Press, 2004. – 269 p.

199. Assmann J. Totale Religion. Ursprünge und Formen puritanischer Verschärfung / J. Assmann. – Wien: Picus Verlag, 2016. – 184 p.
200. Assor A. The Emotional Costs of Perceived Parental Conditional Regard: A self-determined theory analysis / A. Assor, G. Roth, E. Deci // Journal of Personality – 2004. – vol. 72. – P. 48–89.
201. Basedau M. Bad religion? Religion, collective action, and the onset of armed conflict in developing countries/ M. Basedau, B. Pfeiffer, J. Vullers // Confl. Resolut. – 2016. – vol. 60. – P. 226-255.
202. Batson C.D. The Religious Experience: A Social-psychological Perspective / C.D. Batson, W.L. Ventis. – New York: Oxford University Press, 1982. – 356 p.
203. Bentler P.M. Significance tests and goodness-of-fit in the analysis of covariance structures / P. M. Bentler, D.G. Bonnett // Psychological Bulletin. – 1980. – Vol. 88. – P. 588-606.
204. Bohleber W. Gewalt in der Adoleszenz – Sackgassen in der Entwicklung / W. Bohleber // Schloesser und Gerlach (Hrsg). – 2002. – S. 557-572.
205. Buxant C. Contemporary conversions: Compensatory needs or self-growth motives?/ C. Buxant, V. Saroglou, J. Scheuer // Research for the Social Scientific Study of Religion. – 2009. – Vol. 20. – P. 47-68.
206. Cornutiu G. The Profile of the Fanatical Terrorist / G. Cornutiu // Psychology. – 2016. – P. 565-571.
207. Donahue M. J. Intrinsic and extrinsic religiousness: review and meta-analysis / M. J. Donahue // Journal of Personality and Social Psychology. – 1985. – Vol. 48. – No. 2. – P. 400-419.
208. Erlich S. Trauma, Terror und Identitätsbildung / S. Erlich // Auchter et al (Hrsg). – 2003. – S 219-230.
209. Evans R.I. Carl Rogers: The man and his ideas / R.I. Evans. – New York: Dutton, 1975. –195 p.

210. Firman J. On Religious Fanaticism A Look at Transpersonal Identity Disorder / J. Firman, A. Gila // Psychosynthesis. – Palo Alto, 2006. – URL: http://www.psychosynthesispaloalto.com/pdfs/Religious_Fan.pdf (date of treatment: 15.10.2018).
211. Girard R. I Saw Satan Fall like Lightning / R. Girard. – New York: Orbis Books, 2001. – 215 p.
212. Glock C. Y. Exploring reality structures / C. Y. Glock, T. Piazza // In gods we trust: New patterns of religious pluralism in America. – New Brunswick, NJ : Transaction Books, 1981. – P. 67-83.
213. Hopcke R. Persona: Where sacred meets profane / R. Hopcke. – Boston: Shamhala, 1995. – 240 p.
214. Hoyle R.H. Writing about structural equation models / R.H. Hoyle, A.T. Panter// Structural Equation Modeling: Concepts, Issues, and Applications, Sage, Thousand Oaks. – 1995. – P. 158-76.
215. Huber S. Religion Monitor 2008: Structuring Principles, Operational Constructs, Interpretive Strategies/ S. Huber // What the World Believes: Analysis and Commentary on the Religion Monitor 2008. – Gütersloh: Verlag Bertelsmann Stiftung, 2009. – P.17-51.
216. Hull J. M. The Education of The Religious Fanatic' in Jeff Astley, Leslie J. Francis and Mandy Robbins / J.M. Hull // Peace or Violence: The Ends of Religion and Education? – Cardiff: University of Wales Press, 2007. – P. 46-63.
217. Kass J.D. Health Outcomes and a New Index of Spiritual Experiences / J.D. Kass, R. Friedman, J. Lesserman, P. Zuttermeister, H. Benson // Journal for the Scientific Study of Religion. – 1991. – Vol. 30. – № 2. – P.203-211.
218. Kepel G. The Revenge of God: The Resurgence of Islam, Christianity and Judaism in the Modern World / G. Kepel. – Cambridge: Polity Press, 1994. – 224 p.

219. Kline R.B. Principles and practice of structural equation modeling / R.B. Kline. – New York, NY: The Guilford Press, 2011. – 432 p.
220. Knowles E. Continuity and diversity in the stream of selves: Metaphorical resolutions of William James's one-in-many-selves paradox / E. Knowles, M. Sibicky // Personality and Social Psychology Bulletin. – 1990. – 76 (4). – P. 676-687.
221. Khon N. Religious Fanatic to Maturity in Faith: Cross-confessional Tolerance as a Way to Understand Emotional Components of Others / N. Khon, A. Kim // Procedia - Social and Behavioral Sciences. – 2016. – P. 260-264.
222. Krause R. Affektpsychologische Ueberlegungen zur menschlichen Destruktivitaet / R. Krause // Psyche 55. – 2001. – S. 1086-1109.
223. Kruglansky W. Motivated closing of the mind: «Seizing» and «Freezing» / W. Kruglanski, D. Webster // Psychological Review. – 1996. – Vol. 103 (2). – P. 263-283.
224. Lifton R. J. The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide / R. J. Lifton. – New York: Basic Books, 1986. – P. 418-465.
225. Lundskow G. The Sociology of Religion: A Substantive and Transdisciplinary Approach / G. Lundskow . – Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 2008. – P. 220 -222.
226. Marimaa K. The many faces of Fanaticism / K. Marimaa // ENDC Proceedings. – 2011. –Volume 14. – P. 29-55.
227. McGregor I. Reactive approach motivation (RAM) for religion / I. McGregor , K. Nash, M. Prentice // Journal of Personality and Social Psychology. – 2010. – Vol. 99 (1). – P. 148-61.
228. Murphy G. William James on psychical research / G. Murphy. – New York: Viking Press, 1960. – 324 p.
229. Oleson T. The confluence of research traditions on terrorism and religion. A social psychological examination / T. Oleson, J. Richardson // Psicología Política. – 2007. – № 34 (Mayo). – P. 39-55.

230. Parqament K. I. Understanding and addressing religion among people with mental illness / K. I. Parqament, J. W. Lomax // World Psychiatry. – 2013. –12 (1) Feb. – P. 26 -32.

231. Paskins B. Fanaticism in the Modern Era / B. Paskins // Fanaticism and Conflict in the Modern Age. – London & New York: Frank Cass, 2005. – P. 7 -18.

232. Pinto-Moura R. Religious Addiction, Mental Health and Spirituality / R. Pinto-Moura, R. Johnson // A psycho Religious Approach in the Context of the Brazilian Community. – California: Xulon Press , 2008. – 124 p.

233. Rambo L. R. Understanding Religious Conversion / L. R. Rambo. – New Haven: Yale University Press, 1993. – 210 p.

234. Reiss S. Multifaceted Nature of Intrinsic Motivation. The Theory of 16 Basic Desires / S. Reiss // Review of general psychology. – 2004. – 8 (3). – P. 179-193.

235. Roberts L.W. Psychiatric Evaluation of a «Monk» Requesting Castration «A Patient's Fable, With Morals» / L.W. Roberts, M. Hollifield, T. Mccarty //The American Journal of Psychiatry. – 1998. – March. – P. 415-420.

236. Rudin J. Fanaticism: A Psychological Analysis / J. Rudin. – London: University of Notre Dame Press, 1969. – 324 p.

237. Saroglou V. Beyond Dogmatism: the Need for Closure as Related to Religion / V. Saroglou // Mental Health, Religion & Culture. – 2002. – vol. 5 (2). – P. 183-193.

238. Saroglou V. Individual differences in religion and spirituality: An issue of personality traits and/or values / V. Saroglou, A. Muñoz-García // Journal for the Scientific Study of Religion. – 2008. –Vol. 47. – P. 83-101.

239. Saroglou V. Need for Closure and Adult Attachment Dimensions as Predictors of Religion and Reading Interests / V. Saroglou, A. Kempeneers, I. Seynhaeve // One hundred years of psychology and religion. – Amsterdam, 2003. – P. 139-154.

240. Sasaki M. S. Status inconsistency and religious commitment / M. S. Sasaki // *The Religious dimension: new directions in quantitative research* / ed. By R. Wuthnow. – N.Y.: Academic Press, 1979. – P. 135-156.
241. Slobodzien J. Religious Fanaticism and Poly-behavioral Addiction / J. Slobodzien // *Article Library: Miscellaneous*. – URL: http://www.ecauldron.net/articles/archives/2006/05/entry_51.php (date of treatment: 03.02. 2017).
242. Susilo W. A Multidimensional Analysis of Religious Extremism / W.Susilo, R. L. Winnifred, J. Jolanda // *Frontiers in Psychology*. – 2019. – Vol. 10. – 12 p.
243. Tietjen R. Religious zeal as an affective phenomenon / R. Tietjen // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. – 2020. – 17 p.
244. Tix A.P. Mediation and moderation of the relationship between intrinsic religiousness and mental health / A.P. Tix, P.A Frazier // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2005. – №31. – P. 295-306.
245. Van Belle H. A. Basic intent and the therapeutic approach of Carl Rogers / H. A. Van Belle. – Toronto, Canada: Wedge Foundation, 1980. – 203 p.
246. Vitorino L. The association between spirituality and religiousness and mental health / L. Vitorino, G. Lucchetti, F. Leão, H. Vallada, M. Peres // *Scientific Reports*. – 2018. – 9 p.
247. Wallerstein R.S. The talking cures: The psychoanalyses and psychotherapies / R.S.Wallerstein. – New Haven, CT: Yale University Press, 1995. – 128 p.
248. Wirth H.-J. Die 68er - Generation und das Problem der Gewalt / H.-J. Wirth // *Schloesser und Gerlach (Hrsg.)*. – 2002. – S. 355-381.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Содержание опросника диагностики религиозного фанатизма

Инструкция: последовательно отвечая на вопросы, обозначьте степень своего согласия с утверждениями при помощи чисел, где 0 – не согласен; 1 – скорее не согласен, чем согласен; 2 – скорее согласен, чем не согласен; 3 – согласен. Время заполнения опросника неограниченно, но старайтесь не размышлять долго над вопросами – отвечайте сразу.

1. Люди делятся на праведных – достойных спасения и неправедных, недостойных спасения.
2. Все события, которые происходят вокруг меня – это борьба между Богом и Дьяволом, темными и светлыми силами.
3. Мир, лежащий сегодня во грехе, необходимо исправлять.
4. Любовь Бога нужно заслужить.
5. Я уважаю себя, прежде всего, за то, что являюсь миссионером Бога.
6. Свои чувства к Богу я стараюсь не показывать окружающим.
7. Мои эмоции чаще обращены не к Богу, а к грешащим людям.
8. Негативные переживания у меня случаются чаще, чем позитивные.
9. Мои чувства к духовным братьям только позитивные, к иноверцам – только негативные.
10. Я стремлюсь делать исключительно то, что нужно Богу, а не то, чего хочу сам.
11. Я не стремлюсь навести порядок в окружающем мире. Для меня важнее самому получить божественную благодать.
12. Со злом я борюсь силой.
13. Мне часто хочется отгородиться от современного греховного мира.
14. Когда я что-то делаю, я обязательно руководствуюсь духовными мотивами.
15. Люди, разделяющие мою веру, не такие же точно, как все остальные люди.
16. В современном обществе действуют в основном темные силы.
17. Я должен быть инструментом в руках Бога, с помощью которого он искореняет зло в мире.
18. Бог изначально благосклонен к абсолютно любому человеку.
19. Я скорее обеспокоен грехами отдельных конкретных людей, чем поведением всех грешников вместе взятых.
20. Мои духовные переживания очень сильные и заметны окружающим.
21. Больше всего я обеспокоен грехами окружающих людей.
22. В мире больше плохого, чем связанного с положительными эмоциями.

23. Окружающих можно разделить на тех, кто вызывает у меня положительные и отрицательные эмоции.

24. За мое неправильное поведение Бог накажет меня.

25. Я чаще общаюсь с богом, чем борюсь с проявлением зла в этом мире.

26. Грешников я стремлюсь наказывать.

27. Я смог бы уйти подальше от людей – строить жизнь по тем правилам, которые дал Бог.

28. Я могу проявлять активность, напрямую не связанную с Богом.

29. Для меня существуют четкие границы между своими – разделяющими то, во что я верю и чужими – не разделяющими моей веры.

30. Одержимых или служащих дьяволу людей меньше, чем живущих по законам Бога.

31. Праведный человек – это тот, кто борется со злом вокруг себя.

32. Только праведной жизнью можно завоевать любовь Бога.

33. Я ценен, прежде всего, тем, что несу слово Бога для окружающих.

34. Любовь к Богу я активно и ярко демонстрирую тем, кто находится рядом.

35. Поведение людей, нарушающих, законы Бога, больше всего возмущает или расстраивает меня.

36. Этот мир чаще радует меня, чем расстраивает.

37. Иноверец может вызывать у меня позитивные чувства.

38. Я не стремлюсь безоговорочно соблюдать все заповеди

39. Борьба со злом важнее, чем молитва и посещение церкви.

40. Никому никогда не навязываю свою веру.

41. Во имя Бога я готов причинять себе боль, терпеть лишения и страдания.

42. Даже в повседневном быту я стараюсь все делать так, чтобы угодить Богу.

Ключ к методике:

Ответ 0 – 0 баллов

Ответ 1 – 1 балл

Ответ 2 – 2 балла

Ответ 3 – 3 балла

Исключение составляют вопросы обратной шкалы оценивания: 6, 11, 18, 19, 28, 30, 36, 37, 38, 40.

Они оцениваются следующим образом:

Ответ 0 – 3 балла

Ответ 1 – 2 балла

Ответ 2 – 1 балл

Ответ 3 – 0 баллов

Чем выше сумма баллов по каждой шкале, тем более выражены показатели по данной шкале:

Шкала «фанатическое мировоззрение» – вопросы 1, 2, 3, 4, 15, 16, 17, 18, 29, 30, 31, 32.

Шкала «фанатические эмоциональные переживания» – вопросы 5, 6, 7, 8, 9, 19, 20, 21, 22, 23, 33, 34, 35, 36, 37.

Шкала «фанатическое поведение» – вопросы 10, 11, 12, 13, 14, 24, 25, 26, 27, 28, 38, 39, 40, 41, 42.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Результаты математического сравнения выраженности социальных аспектов в Я-концепции верующих

Таблица 2.1

Результаты математического сравнения выраженности социальных аспектов в Я-концепции верующих разных кластеров

Переменные	Rank Sum кластер 1	Rank Sum кластер 2	U	Z	p
религиозный аспект	773,5	1927,5	520,5	-0,5	0,626
гендерный аспект	856,5	1844,5	518,5	0,5	0,609
учебно-профессиональный аспект	969,0	1732,0	406,0	1,9	0,062
семейный аспект	956,0	1745,0	419,0	1,7	0,088
этнический аспект	780,0	1921,0	527,0	-0,4	0,683
политическая идентичность	859,0	1842,0	516,0	0,5	0,589
Переменные	Rank Sum кластер 2	Rank Sum кластер 3	U	Z	p
религиозный аспект	2603,0	3175,0	1277,0	-0,9	0,346
гендерный аспект	2796,5	2981,5	1385,5	0,3	0,791
учебно-профессиональный аспект	2833,0	2945,0	1349,0	0,5	0,622
семейный аспект	3110,5	2667,5	1071,5*	2,2	0,026
этнический аспект	2766,0	3012,0	1416,0	0,1	0,940
политическая идентичность	2626,5	3151,5	1300,5	-0,8	0,426
Переменные	Rank Sum кластер 1	Rank Sum кластер 3	U	Z	p
религиозный аспект	759,5	2321,5	506,5	-1,2	0,224
гендерный аспект	934,0	2147,0	551,0	0,7	0,470
учебно-профессиональный аспект	1075,0	2006,0	410,0*	2,3	0,022
семейный аспект	1161,5	1919,5	323,5**	3,2	0,001
этнический аспект	836,0	2245,0	583,0	-0,4	0,714
Политическая идентичность	860,0	2221,0	607,0	-0,1	0,920

Таблица 2.2

Результаты математического сравнения выраженности социальных аспектов
в Я-концепции мужчин и женщин по всей выборке в целом.

Переменные	Rank Sum м	Rank Sum ж	U	Z	p
религиозный	3479,0	4906,0	1994,0	-0,1	0,882
гендерный	3381,0	5004,0	1896,0	-0,6	0,538
учебно- профессиональный	3325,0	5060,0	1840,0	-0,9	0,377
семейный	2727,5	5657,5	1242,5**	-3,7	0,0002
этнический	3741,0	4644,0	1794,0	1,1	0,270
политический	3906,5	4478,5	1628,5	1,9	0,058

Таблица 2.3

Результаты математического сравнения выраженности социальных аспектов
в Я-концепции верующих мужчин и женщин в разных кластерах

Переменные		Rank Sum м	Rank Sum ж	U	Z	p
Кластер 1	религиозный	78,5	174,5	42,5	-0,9	0,357
	гендерный	89,0	164,0	53,0	-0,2	0,838
	учебно-профессиональный	103,0	150,0	45,0	0,8	0,453
	семейный	78,5	174,5	42,5	-0,9	0,357
	этнический	101,0	152,0	47,0	0,6	0,539
	политический	101,0	152,0	47,0	0,6	0,539
Кластер 2	религиозный	410,0	916,0	220,0	-1,6	0,102
	гендерный	536,5	789,5	261,5	0,8	0,408
	учебно-профессиональный	512,0	814,0	286,0	0,4	0,726
	семейный	397,0	929,0	207,0	-1,9	0,059
	этнический	519,0	807,0	279,0	0,5	0,626
	политический	516,5	809,5	281,5	0,4	0,661
Кластер 3	религиозный	866,5	729,5	294,5	1,6	0,112
	гендерный	680,0	916,0	302,0	-1,5	0,142
	учебно-профессиональный	639,0	957,0	261,0*	-2,1	0,032
	семейный	595,5	1000,5	217,5**	-2,9	0,004
	этнический	819,0	777,0	342,0	0,8	0,417
	политический	885,5	710,5	275,5	1,9	0,057

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Результаты математического сравнения выраженности индивидуальных характеристик в Я-концепции верующих

Таблица 3.1

Результаты математического сравнения выраженности индивидуальных характеристик в Я-концепции верующих разных кластеров

	Rank Sum кластер 1	Rank Sum кластер 2	U	Z	p
коммуникативное Я	877,0	1824,0	498,0	0,8	0,4488
материальное Я	792,0	1909,0	539,0	-0,3	0,7914
физическое Я	759,0	1942,0	506,0	-0,7	0,5085
деятельное Я	945,0	1756,0	430,0	1,6	0,1153
перспективное Я	807,0	1894,0	554,0	-0,1	0,9329
рефлексивное Я	793,5	1907,5	540,5	-0,2	0,8053
проблемная идентичность	829,0	1872,0	546,0	0,2	0,8569
	Rank Sum кластер 2	Rank Sum кластер 3	U	Z	p
коммуникативное Я	2887,0	2891,0	1295,0	0,8	0,4068
материальное Я	2760,0	3018,0	1422,0	0,0	0,9701
физическое Я	2769,0	3009,0	1413,0	0,1	0,9255
деятельное Я	2933,5	2844,5	1248,5	1,1	0,2629
перспективное Я	2762,0	3016,0	1420,0	0,0	0,9602
рефлексивное Я	2680,5	3097,5	1354,5	-0,5	0,6466
проблемная идентичность	2705,5	3072,5	1379,5	-0,3	0,7623
	Rank Sum кластер 1	Rank Sum кластер 3	U	Z	p
коммуникативное Я	992,0	2089,0	493,0	1,4	0,1720
материальное Я	847,0	2234,0	594,0	-0,2	0,8070
физическое Я	814,0	2267,0	561,0	-0,6	0,5414
деятельное Я	1060,0	2021,0	425,0*	2,1	0,0339
перспективное Я	865,5	2215,5	612,5	0,0	0,9690
рефлексивное Я	802,5	2278,5	549,5	-0,7	0,4603
проблемная идентичность	865,5	2215,5	612,5	0,0	0,9690

Таблица 3.2

Результаты математического сравнения выраженности индивидуальных характеристик в Я-концепции верующих мужчин и женщин по всей выборке в целом

Переменные	Rank Sum (м)	Rank Sum (ж)	U	Z	p
коммуникативное Я	3190,5	5194,5	1705,5	-1,5	0,1272
материальное Я	3402,0	4983,0	1917,0	-0,5	0,6061
физическое Я	3368,0	5017,0	1883,0	-0,7	0,4978
деятельное Я	3263,0	5122,0	1778,0	-1,2	0,2383
перспективное Я	3447,0	4938,0	1962,0	-0,3	0,7636
рефлексивное Я	3612,0	4773,0	1923,0	0,5	0,6263
проблемная идентичность	3567,0	4818,0	1968,0	0,3	0,7855

Таблица 3.3

Результаты математического сравнения выраженности индивидуальных характеристик в Я-концепции верующих мужчин и женщин в разных кластерах

Переменные		Rank Sum м	Rank Sum ж	U	Z	p
Кластер 1	коммуникативное Я	74,0	179,0	38,0	-1,2	0,219
	материальное Я	92,0	161,0	56,0	0,0	1,000
	физическое Я	92,0	161,0	56,0	0,0	1,000
	деятельное Я	94,0	159,0	54,0	0,1	0,891
	перспективное Я	88,0	165,0	52,0	-0,3	0,785
	рефлексивное Я	109,5	143,5	38,5	1,2	0,232
	проблемная идентичность	88,0	165,0	52,0	-0,3	0,785
Кластер 2	коммуникативное Я	491,0	835,0	301,0	-0,1	0,953
	материальное Я	475,0	851,0	285,0	-0,4	0,711
	физическое Я	446,5	879,5	256,5	-0,9	0,355
	деятельное Я	524,5	801,5	273,5	0,6	0,552
	перспективное Я	490,5	835,5	300,5	-0,1	0,946
	рефлексивное Я	542,0	784,0	256,0	0,9	0,350
	проблемная идентичность	510,0	816,0	288,0	0,3	0,755
Кластер 3	коммуникативное Я	695,0	901,0	317,0	-1,2	0,222
	материальное Я	742,5	853,5	364,5	-0,4	0,658
	физическое Я	758,0	838,0	380,0	-0,2	0,850
	деятельное Я	640,0	956,0	262,0*	-2,1	0,034
	перспективное Я	756,5	839,5	378,5	-0,2	0,831
	рефлексивное Я	720,0	876,0	342,0	-0,8	0,417
	проблемная идентичность	785,0	811,0	376,0	0,3	0,799

**Результаты математического сравнения выраженности социальных аспектов
Я-концепции верующих внутри кластеров**

Таблица 4.1

**Результаты математического сравнения выраженности социальных аспектов
Я-концепции верующих внутри первого кластера**

Кластер 1		Rank Sum (1)	Rank Sum (2)	U	Z	p
религиозный аспект Я-концепции (1)	гендерный (2)	559,5	430,5	177,5	1,5	0,1300
	учебно-профессиональный (2)	484,5	505,5	231,5	-0,2	0,8053
	семейный (2)	415,5	574,5	162,5	-1,9	0,0620
	этнический (2)	600,0	390,0	137,0*	2,5	0,0137
	политический (2)	600,0	390,0	137,0*	2,5	0,0137
гендерный аспект Я-концепции (1)	учебно-профессиональный (2)	410,5	579,5	157,5*	-2,0	0,0473
	семейный (2)	337,5	652,5	84,5**	-3,7	0,0002
	этнический (2)	556,5	433,5	180,5	1,4	0,1489
	политический (2)	556,5	433,5	180,5	1,4	0,1489
учебно-профессиональный аспект Я-концепции (1)	семейный (2)	422,0	568,0	169,0	-1,7	0,0866
	этнический (2)	612,5	377,5	124,5**	2,8	0,0058
	политический (2)	612,5	377,5	124,5**	2,8	0,0058
семейный аспект Я-концепции(1)	этнический (2)	673,0	317,0	64,0**	4,2	0,00003
	политический (2)	673,0	317,0	64,0**	4,2	0,00003
этнический аспект Я-концепции (1)	политический (2)	495,0	495,0	242,0	0,0	1,0000

Таблица 4.2

**Результаты математического сравнения выраженности социальных аспектов
Я-концепции верующих внутри второго кластера**

Кластер 2		Rank Sum (1)	Rank Sum (2)	U	Z	p
религиозный аспект Я-концепции (1)	гендерный (2)	3145,0	2108,0	782,0**	3,5	0,0005
	учебно-профессиональный (2)	3003,0	2250,0	924,0*	2,5	0,0117
	семейный (2)	2628,0	2625,0	1299,0	0,0	0,9920
	этнический (2)	3221,0	2032,0	706,0**	4,0	0,0001
	Политический (2)	3390,0	1863,0	537,0**	5,1	0,0000003
гендерный аспект Я-концепции (1)	учебно-профессиональный (2)	2490,5	2762,5	1164,5	-0,9	0,3627
	семейный (2)	2125,0	3128,0	799,0**	-3,4	0,0008
	этнический (2)	2779,5	2473,5	1147,5	1,0	0,3058
	политический (2)	2983,5	2269,5	943,5*	2,4	0,0169
учебно-профессиональный аспект Я-концепции (1)	семейный (2)	2260,0	2993,0	934,0*	-2,5	0,0142
	этнический (2)	2882,0	2371,0	1045,0	1,7	0,0873
	политический(2)	3070,5	2182,5	856,5**	3,0	0,0030
семейный аспект	этнический (2)	3202,5	2050,5	724,5**	3,9	0,0001

Я-концепции (1)	политический (2)	3366,0	1887,0	561,0**	4,9	0,000001
этнический аспект Я-концепции (1)	политический (2)	2809,5	2443,5	1117,5	1,2	0,2207

Таблица 4.3

Результаты математического сравнения выраженности социальных аспектов
Я-концепции верующих внутри третьего кластера

Кластер 3		Rank Sum (1)	Rank Sum (2)	U	Z	p
религиозный аспект Я-концепции (1)	гендерный (2)	3911,0	2417,0	821,0**	4,3	0,00001
	учебно-профессиональный (2)	3814,0	2514,0	918,0**	3,8	0,0002
	семейный (2)	3687,5	2640,5	1044,5**	3,0	0,0023
	этнический (2)	4003,0	2325,0	729,0**	4,9	0,000001
	политический (2)	3984,5	2343,5	747,5**	4,8	0,000002
гендерный аспект Я-концепции (1)	учебно-профессиональный (2)	3046,0	3282,0	1450,0	-0,7	0,4923
	семейный (2)	3006,0	3322,0	1410,0	-0,9	0,3579
	этнический (2)	3323,5	3004,5	1408,5	0,9	0,3533
	политический(2)	3373,5	2954,5	1358,5	1,2	0,2228
учебно- профессиональный аспект Я-концепции (1)	семейный (2)	3100,5	3227,5	1504,5	-0,4	0,7117
	этнический (2)	3428,5	2899,5	1303,5	1,5	0,1238
	политический (2)	3462,0	2866,0	1270,0	1,7	0,0829
семейный аспект Я-концепции (1)	этнический (2)	3448,0	2880,0	1284,0	1,7	0,0984
	политический (2)	3471,5	2856,5	1260,5	1,8	0,0736
этнический аспект Я- концепции (1)	Политический (2)	3223,0	3105,0	1509,0	0,3	0,7313

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Результаты математического сравнения показателей самоуважения, аутосимпатии и внутренней неустроенности в Я-концепции верующих

Таблица 5.1

Результаты математического сравнения показателей самоуважения, аутосимпатии и внутренней неустроенности в Я-концепции верующих разных кластеров

	Rank Sum (кластер 1)	Rank Sum (кластер 2)	U	Z	p
Самоуважение	1011,0	1690,0	364,0*	2,4	0,0179
Аутосимпатия	979,5	1721,5	395,5*	2,0	0,0466
Внутренняя неустроенность	661,0	2040,0	408,0	-1,8	0,0659
	Rank Sum (кластер 1)	Rank Sum (кластер 3)	U	Z	
Самоуважение	864,5	2216,5	611,5	0,0	0,9601
Аутосимпатия	852,0	2229,0	599,0	-0,2	0,8503
Внутренняя неустроенность	789,5	2291,5	536,5	-0,9	0,3774
	Rank Sum (кластер 2)	Rank Sum (кластер 3)	U	Z	p
Самоуважение	2260,0	3518,0	934,0**	-3,1	0,0021
Аутосимпатия	2310,0	3468,0	984,0**	-2,8	0,0056
Внутренняя неустроенность	2837,5	2940,5	1344,5	0,5	0,6025

Таблица 5.2

Результаты математического сравнения показателей самоуважения, аутосимпатии и внутренней неустроенности в Я-концепции мужчин и женщин разных кластеров

	Rank Sum (мужчины кластер 1)	Rank Sum (женщины кластер 1)	U	Z	p-level
Самоуважение	102,0	151,0	46,0	0,7	0,494908
Аутосимпатия	97,0	156,0	51,0	0,3	0,732907
Внутренняя неустроенность	112,0	141,0	36,0	1,4	0,172239
	Rank Sum (мужчины кластер 2)	Rank Sum (женщины кластер 2)	U	Z	p-level
Самоуважение	468,5	857,5	278,5	-0,5	0,619334
Аутосимпатия	451,5	874,5	261,5	-0,8	0,407676
Внутренняя неустроенность	514,0	812,0	284,0	0,4	0,696801
	Rank Sum (мужчины кластер 3)	Rank Sum (женщины кластер 3)	U	Z	p-level
Самоуважение	985,5	610,5	175,5**	3,5	0,000397
Аутосимпатия	916,5	679,5	244,5*	2,4	0,015935
Внутренняя неустроенность	512,0	1084,0	134,0**	-4,2	0,000024

Таблица 5.3

Результаты математического сравнения показателей самоуважения, аутосимпатии и внутренней неустроенности в Я-концепции мужчин и женщин по всей выборке в целом

	Rank Sum (м)	Rank Sum (ж)	U	Z	p
Самоуважение	4102,0	4283,0	1433,0**	2,8	0,0047
Аутосимпатия	3806,0	4579,0	1729,0	1,4	0,1576
Внутренняя неустроенность	2956,5	5428,5	1471,5**	-2,6	0,0082

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Результаты математического сравнения показателей подшкал эмоционально-оценочного компонента в Я-концепции верующих

Таблица 6.1

Результаты математического сравнения показателей подшкал эмоционально-оценочного компонента в Я-концепции верующих из разных кластеров

Переменные	Rank Sum (кластер 1)	Rank Sum (кластер 2)	U	Z	p
Закрытость	895,0	1806,0	480,0	1,0	0,330
Самоуверенность	1008,0	1693,0	367,0*	2,3	0,020
Саморуководство	948,0	1753,0	427,0	1,6	0,107
Зеркальное Я	1008,5	1692,5	366,5*	2,3	0,019
Самоценность	867,5	1833,5	507,5	0,6	0,520
Самопринятие	890,5	1810,5	484,5	0,9	0,358
Самопривязанность	1060,0	1641,0	315,0**	3,0	0,003
Конфликтность	615,0	2086,0	362,0*	-2,4	0,017
Самообвинение	831,0	1870,0	544,0	0,2	0,838
Переменные	Rank Sum (кластер 1)	Rank Sum (кластер 3)	U	Z	p
Закрытость	679,5	2401,5	426,5*	-2,1	0,035
Самоуверенность	940,5	2140,5	544,5	0,8	0,427
Саморуководство	815,0	2266,0	562,0	-0,6	0,549
Зеркальное Я	958,5	2122,5	526,5	1,0	0,320
Самоценность	808,0	2273,0	555,0	-0,7	0,498
Самопринятие	859,5	2221,5	606,5	-0,1	0,916
Самопривязанность	900,5	2180,5	584,5	0,3	0,727
Конфликтность	723,0	2358,0	470,0	-1,6	0,105
Самообвинение	866,0	2215,0	613,0	0,0	0,973
Переменные	Rank Sum (кластер 2)	Rank Sum (кластер 3)	U	Z	p
Закрытость	2136,5	3641,5	810,5**	-3,9	0,0001
Самоуверенность	2423,5	3354,5	1097,5*	-2,1	0,039
Саморуководство	2324,0	3454,0	998,0**	-2,7	0,007
Зеркальное Я	2453,5	3324,5	1127,5	-1,9	0,061
Самоценность	2539,5	3238,5	1213,5	-1,3	0,181
Самопринятие	2533,5	3244,5	1207,5	-1,4	0,169
	2241,5	3536,5	915,5**	-3,2	0,001
Конфликтность	2893,0	2885,0	1289,0	0,9	0,386
Самообвинение	2714,0	3064,0	1388,0	-0,2	0,803

Таблица 6.2

Результаты математического сравнения показателей подшкал эмоционально-оценочного компонента в Я-концепции мужчин и женщин разных кластеров

Переменные	Rank Sum (женщины кластер 1)	Rank Sum (мужчины кластер 1)	U	Z	p
Закрытость	157,0	96,0	52,0	-0,3	0,785
Самоуверенность	151,5	101,5	46,5	-0,6	0,517
Саморуководство	152,5	100,5	47,5	-0,6	0,562

Зеркальное Я	163,5	89,5	53,5	0,2	0,865
Самоценность	180,5	72,5	36,5	1,3	0,183
Самопринятие	140,0	113,0	35,0	-1,4	0,152
Самопривязанность	145,0	108,0	40,0	-1,1	0,275
Конфликтность	144,0	109,0	39,0	-1,2	0,246
Самообвинение	141,0	112,0	36,0	-1,4	0,172
Переменные	Rank Sum (женщины кластер 2)	Rank Sum (мужчины кластер 2)	U	Z	p
Закрытость	843,0	483,0	293,0	0,2	0,830
Самоуверенность	813,0	513,0	285,0	-0,4	0,711
Саморуководство	900,0	426,0	236,0	1,3	0,185
Зеркальное Я	881,0	445,0	255,0	1,0	0,340
Самоценность	869,5	456,5	266,5	0,7	0,465
Самопринятие	844,5	481,5	291,5	0,2	0,808
Самопривязанность	890,5	435,5	245,5	1,1	0,254
Конфликтность	796,5	529,5	268,5	-0,7	0,489
Самообвинение	868,5	457,5	267,5	0,7	0,477
Переменные	Rank Sum (женщины кластер 3)	Rank Sum (мужчины кластер 3)	U	Z	p
Закрытость	609,5	986,5	174,5**	-3,6	0,0001
Самоуверенность	612,5	983,5	177,5**	-3,5	0,0001
Саморуководство	680,5	915,5	245,5*	-2,4	0,017
Зеркальное Я	774,0	822,0	339,0	-0,9	0,389
Самоценность	672,0	924,0	237,0*	-2,5	0,011
Самопринятие	765,5	830,5	330,5	-1,0	0,317
Самопривязанность	722,5	873,5	287,5	-1,7	0,088
Конфликтность	1123,0	473,0	95,0**	4,9	0,0001
Самообвинение	986,5	609,5	231,5**	2,6	0,009

Таблица 6.3

Результаты математического сравнения показателей подшкал эмоционально-оценочного компонента в Я-концепции мужчин и женщин по всей выборке в целом.

Переменные	Rank Sum (женщины)	Rank Sum (мужчины)	U	Z	p
закрытость	4321,5	4063,5	1471,5**	-2,6	0,008
самоуверенность	4238,0	4147,0	1388,0**	-3,0	0,002
саморуководство	4588,0	3797,0	1738,0	-1,4	0,171
зеркальноеЯ	4857,0	3528,0	2007,0	-0,1	0,932
самоценность	4678,5	3706,5	1828,5	-0,9	0,348
самопринятие	4624,0	3761,0	1774,0	-1,2	0,231
самопривязанность	4615,0	3770,0	1765,0	-1,2	0,215
конфликтность	5452,5	2932,5	1447,5**	2,8	0,006
самообвинение	5251,5	3133,5	1648,5	1,8	0,072

**Результаты корреляционного анализа в группе с низким уровнем
религиозного фанатизма**

Переменные	фанатическое мировоззрение	фанатические эмоциональные переживания	фанатическое поведение	общий уровень фанатизма
закрытость	-0,04	-0,20	-0,23	-0,26
самоуверенность	-0,15	0,09	-0,11	-0,08
саморуководство	-0,01	-0,37	0,03	-0,21
зеркальное Я	-0,13	-0,41	-0,28	-0,38
самоценность	-0,44*	-0,20	-0,26	-0,44*
самопринятие	-0,10	-0,03	-0,11	-0,10
самопривязанность	-0,21	0,16	0,12	0,06
конфликтность	-0,25	-0,02	-0,06	-0,20
самообвинение	0,20	-0,63*	-0,15	-0,21
уровень рефлексии	0,10	-0,09	-0,28	-0,10
Кол-во индивидуальных хар-к	-0,07	-0,19	0,06	-0,07
Кол-во соц. аспектов Я-концепции	0,12	0,15	-0,17	0,03
религиозный аспект Я-концепции	0,10	0,22	0,44*	0,43*
гендерный аспект Я-концепции	0,00	-0,09	-0,07	-0,10
учебно-профессиональный аспект Я-концепции	-0,10	-0,20	0,04	-0,17
семейный аспект Я-концепции	0,35	0,08	-0,15	0,13
этнический аспект Я-концепции	0,04	0,14	-0,23	0,00
политический аспект Я-концепции	-0,22	0,14	0,08	-0,07
коммуникативное Я	0,11	-0,11	-0,12	0,03
материальное Я				
физическое Я	-	-	-	-
деятельное Я	0,03	0,02	-0,06	-0,04
перспективное Я	0,10	0,09	0,35	0,34
рефлексивное Я	0,02	-0,34	-0,06	-0,18
проблемная идентичность	-0,10	-0,05	0,21	0,00

Примечание: * отмечены значимые г-коэффициенты корреляции

**Результаты корреляционного анализа в группе со средним уровнем
религиозного фанатизма**

Переменные	фанатическое мировоззрение	фанатические эмоциональные переживания	фанатическое поведение	общий уровень фанатизма
закрытость	-0,08	0,29*	-0,01	0,06
самоуверенность	-0,01	-0,01	0,06	-0,01
саморуководство	-0,08	0,18	0,22	0,15
зеркальное Я	0,00	-0,02	0,21	0,11
самоценность	-0,12	0,27	-0,29*	-0,12
самопринятие	-0,01	-0,02	0,10	0,02
самопривязанность	-0,54*	0,11	0,03	-0,32*
конфликтность	-0,04	0,19	-0,03	0,02
самообвинение	-0,16	0,02	0,00	-0,13
уровень рефлексии	0,08	0,14	0,10	0,21
Кол-во индивидуальных хар-к	0,29*	0,05	0,07	0,25
Кол-во соц. аспектов Я-концепции	-0,30*	0,00	-0,01	-0,19
религиозный аспект Я-концепции	-0,03	-0,03	0,02	0,00
гендерный аспект Я-концепции	-0,11	-0,06	-0,07	-0,13
учебно-профессиональный аспект Я-концепции	0,00	0,02	-0,06	0,00
семейный аспект Я-концепции	-0,22	0,09	0,03	-0,06
этнический аспект Я-концепции	-0,03	-0,10	0,31*	0,11
политический аспект Я-концепции	-0,31*	0,11	-0,01	-0,20
коммуникативное Я	-0,14	0,19	-0,27	-0,21
материальное Я	0,01	0,20	-0,03	0,10
физическое Я	0,00	0,06	0,15	0,10
деятельное Я	0,02	-0,05	0,21	0,15
перспективное Я	0,10	0,15	0,10	0,12
рефлексивное Я	0,11	-0,10	-0,02	0,02
проблемная идентичность	0,17	-0,10	-0,01	0,03

Примечание: * отмечены значимые г-коэффициенты корреляции

Результаты корреляционного анализа в группе с высоким уровнем религиозного фанатизма

Переменные	фанатическое мировоззрение	фанатические эмоциональные переживания	фанатическое поведение	общий уровень фанатизма
закрытость	0,37*	0,36*	0,03	0,39*
самоуверенность	0,13	-0,19	0,25	0,09
саморуководство	0,13	0,04	0,28*	0,17
Зеркальное Я	-0,19	-0,02	-0,09	-0,16
самоценность	0,13	0,18	0,04	0,27*
самопринятие	0,16	-0,11	0,01	-0,06
самопривязанность	0,23	0,32*	-0,09	0,21
конфликтность	0,10	0,10	0,23	0,24
самообвинение	0,02	0,09	0,07	0,11
уровень рефлексии	-0,12	0,03	-0,08	-0,10
Кол-во индивидуальных хар-к	0,07	0,05	-0,13	-0,04
Кол-во соц. аспектов Я-концепции	-0,15	-0,07	0,13	-0,06
религиозный аспект Я-концепции	0,06	-0,36*	0,23	-0,04
гендерный аспект Я-концепции	-0,03	0,23	0,24	0,16
учебно-профессиональный аспект Я-концепции	0,05	-0,02	0,30*	0,07
семейный аспект Я-концепции	-0,02	-0,03	0,03	-0,03
этнический аспект Я-концепции	-0,10	-0,01	0,06	0,04
политический аспект Я-концепции	-0,32*	0,03	0,11	-0,02
коммуникативное Я	0,02	0,03	-0,14	0,00
материальное Я	-0,22	0,02	-0,17	-0,26
физическое Я	0,11	0,04	0,03	0,04
деятельное Я	-0,06	-0,03	-0,06	-0,11
перспективное Я	0,03	0,11	-0,14	0,02
рефлексивное Я	-0,02	0,09	-0,20	-0,12
проблемная идентичность	0,05	-0,10	0,18	0,03

Примечание: * отмечены значимые г-коэффициенты корреляции

**Результаты корреляционного анализа в группе мужчин
с высоким уровнем религиозного фанатизма**

Переменные	фанатическое мировоззрение	фанатические эмоциональные переживания	фанатическое поведение	общий уровень фанатизма
закрытость	0,34	0,45*	0,18	0,54*
самоуверенность	0,51*	-0,04	0,24	0,39*
саморуководство	0,32	0,05	0,30	0,36
Зеркальное Я	-0,27	0,15	0,20	-0,07
самоценность	-0,14	0,13	-0,05	0,14
самопринятие	0,34	-0,21	-0,02	-0,14
самопривязанность	-0,01	0,32	-0,22	0,03
конфликтность	0,19	0,27	0,05	0,32
самообвинение	-0,16	0,03	0,03	-0,02
уровень рефлексии	-0,17	-0,15	-0,05	-0,17
Кол-во индивидуальных хар-к	0,05	-0,08	-0,05	-0,07
Кол-во соц. аспектов Я-концепции	-0,22	-0,20	0,10	-0,18
религиозный аспект Я-концепции	0,05	-0,48*	0,15	-0,17
гендерный аспект Я-концепции	-0,02	-0,02	0,51*	0,07
учебно-профессиональный аспект Я-концепции	0,25	-0,06	0,13	0,19
семейный аспект Я-концепции	-0,06	-0,27	0,16	-0,15
этнический аспект Я-концепции	-0,29	-0,03	-0,06	-0,10
политический аспект Я-концепции	-0,51*	0,21	-0,13	-0,06
коммуникативное Я	-0,05	-0,28	-0,18	-0,40*
материальное Я	-	-	-	-
физическое Я	0,27	0,04	-0,07	0,17
деятельное Я	0,11	-0,19	-0,22	-0,23
перспективное Я	0,09	-0,08	-0,11	-0,06
рефлексивное Я	-0,06	0,01	0,05	-0,08
проблемная идентичность	-0,13	-0,26	0,17	-0,14

Примечание: * отмечены значимые г-коэффициенты корреляции

Результаты корреляционного анализа в группе женщин
с высоким уровнем религиозного фанатизма

Переменные	фанатическое мировоззрение	фанатические эмоциональные переживания	фанатическое поведение	общий уровень фанатизма
закрытость	0,39*	0,28	-0,10	0,30
самоуверенность	0,03	-0,16	0,00	-0,13
саморуководство	0,07	0,15	0,02	0,01
Зеркальное Я	-0,15	-0,10	-0,26	-0,23
самоценность	0,29	0,19	0,16	0,36
самопринятие	0,08	-0,07	0,16	0,00
самопривязанность	0,38*	0,30	0,01	0,32
конфликтность	0,12	0,18	0,25	0,20
самообвинение	0,16	0,17	0,08	0,20
уровень рефлексии	-0,27	0,03	0,11	-0,11
Кол-во индивидуальных хар-к	0,01	0,07	-0,10	-0,02
Кол-во соц. аспектов Я-концепции	-0,10	-0,04	0,12	-0,02
религиозный аспект Я-концепции	0,20	-0,08	0,01	0,03
гендерный аспект Я-концепции	-0,09	0,35	0,32	0,24
учебно-профессиональный аспект Я-концепции	-0,07	-0,16	0,65*	-0,02
семейный аспект Я-концепции	-0,08	-0,07	0,26	0,06
этнический аспект Я-концепции	0,08	0,08	0,07	0,19
политический аспект Я-концепции	-	-	-	-
коммуникативное Я	0,03	0,13	0,02	0,26
материальное Я	-0,29	-0,05	-0,17	-0,36
физическое Я	0,02	0,03	0,14	-0,05
деятельное Я	-0,25	-0,03	0,26	-0,05
перспективное Я	0,02	0,23	-0,15	0,05
рефлексивное Я	-0,05	0,06	-0,29	-0,11
проблемная идентичность	0,27	0,20	0,17	0,20

Примечание: * отмечены значимые г-коэффициенты корреляции